

XVII
117

Гимназія

ЖУРНАЛЬ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ десятый

СХІІІ

1897

ВЫПУСКЪ 5

Содержаніе

1. М. Крашенинниковъ, Слуцкъ. Мораль въ греческой литературѣ.	5. А. Громачевскій, Таганрогъ. Папство въ XI—XIII в.
2. А. Солоникио, Николаевъ. Очерки римской міеологіи. II. Юпитеръ.	6. С. Николаевъ, Воронежъ. Воспоминанія о студенческой жизни въ Германіи (оконч.).
3. Мысли великихъ писателей и педагоговъ: гр. Л. Толстой о переводахъ Гомера. — Ө. Буслаевъ: обученіе и дисциплина. — Л. Кельнеръ: самоотреченіе учителя.	7. А. Соловьевъ, Казань. Журналъ для род. и наст. 1864—65 г.
4. И. Поликарповъ, Ржевъ. Ненормальность постановки ученія о періодахъ (оконч.).	8. Г. Янчевецкій, Ревель. На урокахъ Гомера. VI. Громогласный витія.
	9. Библиографія. Гоголь-студентъ. В. П. Авенаріуса.
	10. Объявленія.

Сотрудники „Гимназіи“

- Ахтырка. П. Квицинскій (прог.).
 — В. Покровский (дир. пр.)
 Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
 Болховъ. М. Лисицынъ (б. пр. г.).
 Бѣла. Р. Киричинскій (г.).
 Варшава. А. Ельсинъ.
 — И. Цвѣтковъ (г.).
 — И. Вабнеръ.
 Витебскъ. В. Тычининъ (дух. уч.).
 Владикавказъ. С. Боршевскій.
 Воронежъ. С. Николаевъ (г.).
 Владивостокъ. К. Котельниковъ (г.).
 Вятка. Ѳ. Болотниковъ (г.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 Екатеринбургъ. Я. Владимировъ (г.).
 Екатеринбургъ. П. Козловскій (р. у.).
 Елисаветградъ. Н. Марковъ (р. у.).
 Измаилъ. Ю. Стовикъ (дир. прог.).
 Казань. Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 — А. Соловьевъ.
 — Пв. Черняевъ (г.).
 — Пт. Черняевъ (г.).
 Калуга. Ѳ. Штифтаръ (г.).
 Карачевъ. А. Овсянниковъ (прог.).
 — Г. Фишеръ (инсп. прог.).
 Кіевъ. Г. Александровскій (ж. г.).
 — С. Воскресенскій (г.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Семеновъ (г.).
 — А. Степовичъ (дир. К. П. Г.).
 — А. Ярешъ (К. П. Г.).
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Кронштадтъ. П. Кораблевъ (г.).
 Ломжа. Е. Гомеровъ (г.).
 Лубны. С. Чемолосовъ (г.).
 Люблинъ. В. Дмитріевскій (г.).
 — В. Истоминонъ (нач. уч. дир.).
 — В. Вуэстаевичъ (г.).
 Москва. В. Ансельротъ (пр.-д. ун.).
 — П. Первовъ (лаз. инст.).
 — И. Семеновъ.
 — Э. Черный (г.).
 Нижній Новгородъ. Ѳ. Ржига (г.).
 Николаевъ. А. Солоникю (г.).
 Одесса. П. Бракенгеймеръ (г.).
 — Е. Ветнекъ (г.).
 — М. Попруженко (пр.-д. ун.).
 — А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
- Пенза. П. Горницкій (г.).
 Радомъ. Е. Киричинскій (г.).
 Ревель. А. Долянскій.
 — И. Калининъ (г.).
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Янчевецкій (дир. г.).
 Рига. В. Зайць (р. уч.).
 — М. Крыгинъ (р. уч.).
 — С. Кузнецовъ (г.).
 — Прот. Н. Лекаревъ (г.).
 — П. Пользинскій (дир. уч. с.).
 Ржевъ. И. Поликарповъ (прог.).
 Рыбинскъ. Н. Веригинъ (г.).
 Рязань. М. Дроздовъ (дух. сем.).
 Слуцкъ. М. Крашенинниковъ (г.).
 Смоленскъ. С. Влажеевскій (г.).
 С.-Петербургъ. Ю. Верещагинъ (г.).
 — С. Гинтовтъ (г.).
 — В. Завадскій-Краснопольскій (г.).
 — Г. Зоргенфрей (г.).
 — И. Киприановичъ (г.).
 — А. Маленнъ.
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Санчурскій (окр. инст.).
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Дорофеевъ (г.).
 Сувалки. А. Толубѣевъ (г.).
 Сумы. Л. Горкевичъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Ташкентъ. И. Любомірскій (г.).
 Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
 — И. Виноградовъ (инсп. нар. уч.).
 Тифлисъ. М. Здаевичъ (г.).
 — А. Приселковъ (г.).
 — В. Романовскій (г.).
 — Э. Фехнеръ (г.).
 Троицкъ. М. Вукъ (г.).
 Харьковъ. М. Знаменскій (дир. г.).
 — В. Красевскій (г.).
 — А. Петровъ.
 — Н. Сумцовъ (проф. ун.).
 — В. Харціевъ (г.).
 Холмъ. В. Ипатовъ (г.).
 Хортица. А. Нейфельдъ (д. центр. уч.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (г.).
 Царицынъ. Е. Арбатскій (г.).
 — А. Горбатовъ (г.).
 Царское-Село. С. Цыбульскій (г.).

Гимназія

ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed **vel** magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

Годъ X

СXIII

1897

Выпускъ 5

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій».

Доводено цензурою. — Ревель, 28-го февраля 1898 года.

EESTI
AR
RAHVUSRAAMATUKOGU

65.635

Мораль въ греческой литературѣ.

(По Круазе).

М. Крашенинниковъ, Слуцкъ.

Каждый вѣкъ, каждое поколѣніе по своему смотритъ на жизнь, по своему думаетъ и поступаетъ. Этимъ отличается одна эпоха отъ другой: каждая эпоха имѣетъ свой характеръ.

Литература рисуется намъ складъ ума извѣстнаго народа. Она говоритъ намъ о доктринахъ, теоріяхъ и показываетъ намъ типы. Такимъ образомъ литература служитъ вѣрной картиной духовной жизни народа.

Но было бы, конечно, преувеличеніемъ утверждать, что литература — вполне вѣрное зеркало извѣстной эпохи. Иногда она прикрашиваетъ дѣйствительность и даетъ намъ идеальные образы. Иногда, наоборотъ, люди въ литературѣ представляются въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ и мы видимъ только отрицательные типы.

Когда мы всматриваемся въ характеръ греческаго народа, изображенный греческими писателями, мы поражаемся его самородностью и естественностью; насъ удивляетъ также умственное развитіе грековъ. Такимъ образомъ внѣшнее глянѣніе, играющее большую роль въ исторіи особенно въ наше время, почти не отразилось на жизни грековъ. Безъ сомнѣнія Греція заимствовала у Востока религіозныя и моральныя идеи; но то, что она получила извнѣ, она переработала и измѣнила.

Остановимся на болѣе выдающихся чертахъ греческаго характера до аттическаго періода, чтобы познакомиться съ Греціей VI столѣтія и опредѣлить, какія сокровища эта эпоха завѣщала потомству. Прежде всего намъ придется заняться греками во времена Гомера. Это было общество образованныхъ людей, но организація его напоминала феодализмъ или патріархальность. Народы имѣютъ царей; отецъ семейства царить въ семьѣ. На островѣ Итакѣ мы находимъ нѣсколько царей. Во главѣ каждаго народа стоитъ правитель, ведущій свой родъ отъ боговъ; у него много рабовъ и мало вѣрныхъ подданныхъ.

Міровозрѣніе народовъ религіозно и поэтично. Воспитаніе виждется на легендахъ, музыкѣ и на стихахъ, которые декламируютъ пѣвцы и даже цари. Ахиллъ воспѣваетъ «славу мужей» подъ аккомпаниментъ лиры.

Нравственныя и религіозныя идеи очень просты: въ нихъ очень мало доктринъ. Люди слушаются голоса чувствъ и страсти. Чувства и страсть сначала берутъ верхъ надъ разумомъ, который проявляетъ свои права гораздо позже. Даже боги дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страстей, и божеская справедливость часто смѣшивается съ отмщеніемъ. Вслѣдствіе этого и идея будущей жизни получила свой характеръ изъ этого начала. Въ Одиссеѣ, напр., нѣкоторыя лица терпятъ наказаніе не потому, что они нарушили какой нибудь абстрактный законъ, а потому что на нихъ прогнѣвались боги. Люди гомеровской эпохи еще не дошли до идеи божества, свободнаго отъ страстей смертныхъ. Ахиллъ удаляется въ свою палатку вслѣдствіе личнаго оскорбленія.

Общій интересъ не важенъ для него, и если многоумный Одиссей напоминаетъ ему объ его обязанностяхъ, то онъ говоритъ это болѣе изъ состраданія къ грекамъ, чѣмъ въ силу закона нравственности. Конечно, альтруизмъ по имя отвлеченнаго закона можетъ быть только въ благородномъ человѣкѣ; можно догадаться, что греки будутъ способны къ нему. Такъ, ихъ женщины, будучи болѣе мягкими и обладая болѣе пронизательнымъ умомъ, поступаютъ почти всегда согласно съ мо-

ральными законами. Такимъ образомъ, мораль уже появляется и въ гомеровскую эпоху, но только въ первобытномъ видѣ. Переходя къ цивилизаціи слѣдующей эпохи — эолийскихъ и іонійскихъ городовъ Малой Азіи мы находимъ здѣсь мало прогресса.

Жители іонійскихъ городовъ болѣе утонченны и развиты.

Самое положеніе ихъ между Востокомъ и Греціей придало имъ коммерческій характеръ, сдѣлало ихъ складочнымъ мѣстомъ большихъ рынковъ. Образъ правленія въ нихъ аристократическій или республиканскій; народомъ управляютъ или знатныя лица или богатые; вмѣстѣ съ благосостояніемъ и богатствами увеличивается и развитіе индивидуальности. Въ литературѣ мало религіозныхъ идей, — ея больше руководитъ разумъ. Простой народъ слѣдуетъ восточному культу Цибелы и Діониса, но лучшая, мыслящая часть общества совсѣмъ не религіозна; возникаетъ уже наука. Фалесъ, хотя не писалъ, но говорилъ о научныхъ вещахъ и производилъ различнаго рода изслѣдованія. Если традиціонныя религіозныя идеи не подвергаются критикѣ, то все таки замѣтно уже презрительное отношеніе къ нимъ.

Чтобы указать на развитіе индивидуализма, достаточно припомнить имена Архилоха, изобрѣтателя ямбовъ, т. е., сатиры, и Мимнерма, воспѣвавшаго удовольствіе и молодость. Эолийская цивилизація принесъ а съ собой новыя мысли, но оппозиціи старому порядку вещей еще нѣтъ. Архилохъ, Мимнермъ, Алкей и Сапфо дали образцы наивной поэзіи, но уже и здѣсь мы видимъ движеніе сердца и игру страстей во всѣхъ ея видахъ.

Идея нравственности мало еще подвигается впередъ. Впрочемъ, почти въ то же самое время мы видимъ въ Спартѣ движеніе впередъ: дисциплина занимаетъ мѣсто индивидуализма.

Индивидуумъ, находящій счастье въ повиновеніи законамъ, является цифрой въ общемъ числѣ, которое представляетъ изъ себя Спартанское государство. Религія незамѣтно видоизмѣняется вмѣстѣ съ движеніемъ ума той или другой эпохи. Наиболѣе уважаемой святыней служить Аполлонъ; онъ является

богомъ гармоніи, музыки и порядка. Его культъ — это эмблема умственного настроенія въ спартанскомъ государствѣ. Понятіе о справедливости остается безъ измѣненія: нѣтъ еще анализа, нѣтъ еще философіи, чтобы ввести идею справедливости въ сознание общества.

Впрочемъ, культъ Аполлона, какъ бога свѣта, оставляетъ послѣ себя новую идею: у спартанцевъ мы видимъ идею славы: воинъ имѣетъ въ этой жизни право на всевозможныя почести: «его имя не сходитъ съ устъ людей» послѣ его смерти; это важная и цѣнная идея съ цивилизаціей этого періода насъ знакомятъ Терпандръ и Алкманъ. Спарта даетъ новую идею: идея жертвы въ государствѣ, гдѣ на личность не обращаютъ вниманія, служить основаніемъ моральной идеи. Даже позднѣе, когда Спарта пала и ей наслѣдовали Аѣины, въ эпоху Платона и Ксенофонта, великаго почитателя Лакедемона, идеаль доблести, которой уже не осталось и слѣда, будить воображеніе спартанцевъ.

Въ началѣ VI столѣтія аѣиняне, благодаря Солону и Пизистрату, вступаютъ на путь политики и литературы. Въ литературѣ мы замѣчаемъ равновѣсіе духа съ тѣлесной природой, отличный признакъ генія грековъ. Литература вноситъ въ іонійскую и дорійскую цивилизацію грековъ понятіе о порядкѣ и гармоніи.

Языкъ, на которомъ пишутъ, напоминаетъ различные диалекты: мы замѣчаемъ въ немъ изящество іонійскаго и грубость дорійскаго нарѣчій. Это понятно, такъ какъ и греческая нація состояла изъ различныхъ племенъ. Въ Аѣинахъ мы видимъ іонянъ, дорянъ, и беотянъ; кромѣ того здѣсь жили и чужестранцы въ силу политическихъ мотивовъ или поселившіеся въ Аѣинахъ послѣ той или другой войны. Такимъ образомъ явилось одно племя, состоявшее изъ различныхъ элементовъ. Тоже самое мы видимъ и въ политической жизни аѣинянъ. Сначала была умѣренная республика: аристократія падаетъ и появляется умѣренная демократія, гдѣ богатство и образованіе имѣютъ свои права. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ тиранніи, но тиранніи разумной, какою была тираннія Пизистрата.

Послѣдній не обращался высокоумно съ аѳинянами. Онъ заботился о развитіи искусствъ и не стѣснялъ индивидуальности гражданъ. Общественная жизнь грековъ похожа на ихъ политическую жизнь: въ іонійскихъ приморскихъ и торговыхъ городахъ видна лихорадочная дѣятельность; Спарта, какъ континентальное государство, окруженное горами, представляетъ изъ себя видъ вооруженной крѣпости. Аѳины не похожи ни на іонійскіе города, ни на Спарту. Хотя гавань Пирей соединяла Аѳины съ моремъ, однако въ этомъ городѣ жило много поселянъ. Народонаселеніе было крѣйне разнообразно; люди различныхъ положеній сходились на агору для купли и продажи и около ораторскихъ кафедръ для рѣшенія политическихъ вопросовъ и такимъ образомъ представляли изъ себя организованное, полное жизни, цѣлое.

Въ этомъ государствѣ нѣтъ еще философіи и науки. Народъ довольствуется преданіемъ. Верховнымъ божествомъ является Зевсъ. Его справедливость представляется намъ умѣренной; цѣль ея поддержать нравственную красоту міра (космосъ), реализовать которую хотѣла Спарта. Лакедемонское понятіе о государствѣ проникаетъ и въ Аѳины, но оно не имѣло большого вліянія на умы аѳинянъ: іоняне скоро даже внесли въ него новые элементы. Политическій умъ аѳинянъ мы видѣли въ законахъ Солона, которые можно назвать аѳинскимъ идеаломъ VI столѣтія. Если ктонибудь совершилъ преступленіе, то, по законамъ Солона, часто отвѣчаетъ за вину преступника все его семейство, такъ какъ семейство представляетъ изъ себя одно цѣлое. Божество уже не считается капризнымъ и раздраженнымъ существомъ, какъ въ эпоху Гомера. Появляется понятіе о Немезидѣ, т. е., о божествѣ, опредѣляющемъ судьбу каждаго человѣка; Немезида посылаетъ человѣку счастье или несчастье, смотря по заслугамъ; она опредѣляетъ награду или наказаніе за дѣла по внутреннему чувству справедливости; оно караетъ людей надменныхъ, смиряя ихъ гордость, посылаетъ потери и несчастье людямъ, которымъ досталось въ удѣлъ слишкомъ много счастья съ тѣмъ, чтобы возстановить равновѣсіе и чтобы человѣкъ не выходилъ изъ

предѣловъ человѣческаго жребія. Это идея аѳинской умѣренности (софросина); мы видимъ ее, въ изреченіяхъ аѳинскихъ мудрецовъ. Не слѣдуетъ быть лѣнивымъ и беззаботнымъ, но не слѣдуетъ задумывать то, что не по силамъ человѣку, такъ какъ такимъ образомъ человѣкъ хочетъ спорить съ богами. Честный гражданинъ долженъ знать, что есть Великій Судія. Въ эту эпоху начинается новый фазисъ развитія духовной жизни Греціи, благодаря появленію мистерій и философіи.

II.

По древней религіи Гомера и даже Солона племя составляло одно цѣлое. Справедливый Зевсъ наказывалъ часто потомковъ, а не самого преступника. Понятія о загробной жизни еще не было. У людей новой эпохи является мысль о существованіи послѣ смерти. «Послѣ смерти», говоритъ Теоэнисъ*), «я буду камнемъ». Теперь уже не допускаютъ небытія за гробомъ. До сихъ поръ не знали, какъ умиловить божескую справедливость. Наказаніе было необходимо, и нельзя было ничѣмъ уменьшить вину преступника. Теперь же стали надѣяться, что, при извѣстныхъ молитвахъ, можно смягчить гнѣвъ боговъ; стали надѣяться на помилованіе и даже на покровительство божества. Въ этомъ случаѣ мистеріи имѣли глубокой смыслъ.

Въ то-же время пробуждается жажда знанія. Начало научнаго изслѣдованія у грековъ положили Фалесъ и Ксенофанъ. Появляются религіозно-философскія школы. Нѣкоторые философы не вѣрятъ уже религіознымъ преданіямъ. Ксенофанъ, глава Элейской школы, развѣнчиваетъ боговъ Гомера и Гезіода, по мнѣнію которыхъ, божество не чуждо пороковъ. Такимъ образомъ философы отдѣлили пронастью боговъ отъ людей. Наряду съ философскимъ движеніемъ мы видимъ другое, имѣющее цѣлью не отрицаніе, а улучшеніе древней религіи. Это

*) Элегическій поэтъ, жившій около 540—500 до Р. X.

система Пифагора и его послѣдователей. Его религія, основанная на нравственныхъ началахъ, въ послѣдствіи слилась съ орфизмомъ. Эта мистическая секта занималась спекулятивной теологіей и вела аскетическій образъ жизни (*βίος ὀρφικός*). Ученіе орфиковъ было направлено противъ гомеровской теологіи вообще и противъ гомеровскаго представленія о состояніи души за гробомъ въ особенности и принадлежало къ области пантеистическихъ воззрѣній (см. Nägelsbach, *nachhom. Theolog.* стр. 402 сл.).

Такія мысли мы находимъ также у Гераклита; но, хотя онъ не соглашается съ прежними вѣрованіями и желаетъ удивить своихъ современниковъ парадоксальностью мыслей, онъ говоритъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и о богахъ и о мистеріяхъ. Начало подобному философскому движенію даютъ нѣсколько философовъ; затѣмъ ихъ идеи мы видимъ въ сочиненіяхъ великихъ писателей Греціи; ихъ читатели и, наконецъ, народъ думаютъ также. Симонидъ и Пиндаръ поддаются новому вліянію. Начало спектицизма мы видимъ уже въ поэзіи Симонида, свѣтскаго придворнаго поэта. Нѣкоторыя его выраженія и оттѣнки мыслей показываютъ, что онъ совсѣмъ не вѣритъ въ преданія и легенды. Пиндаръ говоритъ такъ же свободно, какъ и Симонидъ, и съ такою строгостью критикуетъ преданія, что можно догадываться объ его участіи въ мистеріяхъ. У Пиндара мы находимъ идею объ единомъ верховномъ Существовѣ. «Мудрость, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы не приписывать богамъ дурныхъ качествъ».

Такимъ образомъ замѣтно большое движеніе мысли. Греческій умъ, вообще вѣрный религіознымъ преданіямъ, видоизмѣняетъ ихъ съ раціонально-нравственной стороны, очищаетъ ихъ отъ предрасудковъ и показываетъ, что слѣдуетъ дѣлать по отношенію къ богамъ. Появляются новыя идеи, нѣ котораго рода оптимизмъ и смѣлость въ дѣйствіяхъ.

Греки, боявшіеся до сихъ поръ наказанія немезиды, развиваются все болѣе и болѣе, и можно указать время этого развитія. Это было около 510 г. послѣ изгнанія пизистратидовъ. Это событіе, безъ сомнѣнія, было слѣдствіемъ философ-

скаго движенія умовъ демократіи и послужило причиной дальнѣйшаго развитія. Геродотъ (V. 66) говоритъ: «будучи могущественны и раньше, Аѣины усилились еще больше по освобожденіи отъ тирановъ». До сихъ поръ гегемонія принадлежала Спартѣ, теперь она стала принадлежать Аѣинамъ.

Персидскія войны способствовали развитію демократіи: побѣдители при Саламинѣ вышли изъ демократіи и поддерживали новое движеніе умовъ въ Аѣинахъ. Аристотель въ своей «Аѣинской конституціи» говоритъ о томъ, что произошло въ этотъ періодъ. Онъ передаетъ о томъ, о чемъ можно было только догадываться, т. е., о могуществѣ ареопага; хотя права этого учрежденія были ограничены, всетаки нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно нравилось народу.

О духѣ дѣятельности, характеризующемъ эту эпоху, свидѣтельствуетъ и исторія аѣинянъ; преобладаніе на морѣ является для нихъ новостью; острова и города платятъ имъ дань и доставляютъ корабли. Нельзя не упомянуть при этомъ о рукописи, хранящейся въ Луврѣ; она относится къ 451 г., который не былъ столь гибельнымъ, какъ другіе; въ этой рукописи перечисляются имена греческихъ воиновъ, павшихъ во время экспедицій. Листъ очень великъ и весьма краснорѣчиво говоритъ намъ о дѣятельности грековъ: въ немъ точно перечислены войны одного племени, которое потеряло часть своихъ солдатъ въ Египтѣ, на островахъ или на морѣ.

О дѣятельности аѣинянъ говоритъ также Фукидидъ въ рѣчи коринянъ къ лакедемонянамъ объ аѣинянахъ. Кориняне явились въ Спарту, чтобы пригласить спартанцевъ къ борьбѣ противъ Аѣинъ, и знакомятъ ихъ съ характеромъ враговъ. Разсужденія эти, конечно, не достовѣрны, такъ какъ ихъ сочинилъ Фукидидъ, но самъ авторъ замѣчаетъ: «рѣчи произнесены у меня такъ, какъ, по моему мнѣнію, каждый ораторъ, сообразуясь съ обстоятельствами, скорѣе всего могъ говорить о настоящемъ положеніи дѣлъ; притомъ же я держался возможно ближе общаго смысла дѣйствительно сказаннаго» (I. 22). Портретъ аѣинянъ, глубоко изученный Фукидидомъ, показываетъ намъ, чѣмъ были аѣиняне: «аѣиняне любятъ новизну и отличаются быстротою въ замыслахъ и въ осуществленіи разъ принятыхъ рѣшеній; вы же, напротивъ, оза-

бочены тѣмъ, какъ бы сохранить существующее, не придумываете ничего новаго и не исполняете на дѣлѣ даже необходимаго. Далѣе, они отваживаются на то, что превышаетъ ихъ силы, рискуютъ до безразсудства, и надежда не покидаетъ ихъ даже въ опасностяхъ». (I. 70). Фукидидъ обладалъ глубокимъ, весьма пронизательнымъ и практическимъ умомъ; онъ не выдумываетъ подробностей: «вы же дѣлаете меньше, чѣмъ позволяютъ ваши силы, не довѣряете несомнѣннымъ расчетамъ и думаете, что вы никогда не избавитесь отъ опасностей» (ibid.). Это постоянное противоположеніе даетъ рельефность мысли; въ эту эпоху контрастами выражали мысли со всей ихъ силой и точностью: «они рѣшительны, вы медленны; они ходятъ въ чужія земли, вы сидите дома» (ibid.). Объ этомъ же говсрить намъ и рукопись, хранящаяся въ Луврѣ.

Во время войны съ мидянами спартанцы постоянно опаздываютъ: они боятся боговъ, а не опасности. «Удаленіемъ отъ родины аѳиняне разсчитываютъ приобрѣсти себѣ что-либо, вы опасаетесь, какъ бы походомъ не нанести ущерба тому, чѣмъ вы владѣете. Побѣждая враговъ, аѳиняне преслѣдуютъ ихъ возможно дальше, а побѣждаемые даютъ отгѣснить себя возможно меньше. Тѣло свое они отдаютъ за родину такъ, какъ будто оно вовсе не принадлежитъ имъ; духъ же берегутъ какъ неотъемлемую собственность для государства, для служенія ему. Если какіе-либо замыслы ихъ не удаются, они смотрятъ на это какъ на потерю своего достоянія; если же планъ ихъ осуществился, и они приобрѣли что нибудь, достигнутая удача кажется имъ незначительной въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ въ будущемъ» (ibid.).

Геродотъ и Фукидидъ соединяются вмѣстѣ — одинъ въ началѣ, а другой въ концѣ этого періода — и рисуютъ намъ портретъ аѳинянъ, изображая ихъ смѣлыми и честолюбивыми оптимистами.

Новое вѣяніе замѣтно не только въ жизни государства, но и въ занятіяхъ отдѣльныхъ лицъ: граждане занимаются торговлей и Аѳины становятся городомъ аферъ, начинается постройка Пирея. Несомнѣнно, что преобразовывается и моральная жизнь города, гдѣ царитъ духъ предприимчивости.

Умѣренность имѣетъ еще силу и для мудрецовъ остается идеаломъ; но слѣдуетъ отличать эту идеальную добродѣтель отъ той, которую мы видимъ въ жизни. Религія тоже остается въ силѣ; но возникающія непродолимыя стремленія общества требуютъ, чтобы она слилась съ ними.

То же самое мы видимъ и въ литературѣ: тѣ лица, которыхъ Аристотель называетъ «воинами Мараѳона», оживаютъ въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла. У Эсхила мы видимъ религіозную боязнь, у Софокла стремленіе къ эстетикѣ и возвышенной морали; но тотъ и другой возвеличиваютъ человѣка, придавая ему весьма развитое чувство свободы.

Разсмотримъ переѣну въ настроеніи умовъ, которая слѣдуетъ за этимъ фазисомъ развитія. Эта переѣна вызвана софистикой и философіей Сократа. Ни та, ни другая не имѣли непосредственнаго вліянія на народъ; на весь народъ могла вліять только религія. Но мало-по-малу, какъ въ мистеріяхъ, философскія идеи отъ Платоновъ и Ксенофоновъ проникаютъ къ политикамъ, которые, по своему воспитанію, принадлежатъ къ лучшей частн общества, а отъ политиковъ — къ гражданамъ вслѣдствіе ихъ постоянного сношенія съ политиками и, наконецъ, при посредствѣ гражданъ вообще въ демось.

Софистика есть прежде всего школа скептицизма; нѣкоторые софисты были даже увѣрены въ томъ, что абсолютной истины нѣтъ. Они говорятъ, что при помощи словъ можно истину сдѣлать ложью и ложь истиной. Мы видимъ новый политическій умъ, который сначала еще не забываетъ древней религіи, но затѣмъ развивается совершенно свободно. Съ этого времени аѳиняне начинаютъ думать только о возстановленіи своей гегемоніи надъ всей Греціей; ихъ умъ развивается до того, что кончается паденіемъ: въ концѣ пелопоннеской войны аѳиняне почти совсѣмъ погибаютъ, такъ какъ личные интересы ставятся выше государственныхъ. Каждый занятъ тѣмъ, что ищетъ для себя истину. Сократъ думаетъ о построеніи новой морали на развалинахъ софистики. Такъ какъ многіе недовольны безсиліемъ государства, то стараются возстановить свое отечество на философскихъ началахъ. Ксенофонтъ, Платонъ и другіе послѣдователи Сократа ищутъ новый идеаль, представляющій контрастъ съ идеаломъ аѳинской демократіи. Ксенофонтъ находитъ свой идеаль въ Спартѣ; въ государствѣ Платона царитъ абсолютная справедливость; Исократъ ограничивается искуснымъ соединеніемъ старыхъ воспоминаній съ новыми идеалами и рисуетъ обще-ѳинскій идеаль, гдѣ государство не имѣетъ столь важнаго значенія и гдѣ гражданинъ долженъ быть выше варвара. Мы дошли, наконецъ, до Аристотеля, который даетъ намъ объединеніе всѣхъ стремленій въ теоріи примиренія интересовъ гражданъ. (Продолженіе будетъ).

Очерки римской мифологіи

[по Преллеру].

А. Солоникіо, Николаевъ.

[См. Гимназія кн. ХСѢІІ].

ІІ. Юпитеръ.

Penes Janum sunt prima, penes Jovem summa. August. C. D. VII, 9.

Capitolium terrestre domicilium Jovis. Cic. in Verr. IV, 58, 129.

Имя *Jupiter*, подобно *Marspiter*, составное, при чемъ кореньъ перваго слога *Ju*, будучи свойственъ всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ, въ мифологическихъ представленіяхъ этихъ народовъ означаетъ свѣтлое небо, дневной свѣтъ, день, вообще блескъ и сіяніе небесныхъ свѣтилъ и, согласно такому своему значенію, служитъ основой наименованія верховнаго божества, или вѣрнѣй, вообще боговъ.

Причина и объясненіе такого представленія о божествѣ заключается въ томъ, что атмосферныя, небесныя явленія: дождь, съ его благотвѣльной, оплодотворяющей силой, грозныя раскаты грома и блескъ молніи, солнечный свѣтъ и теплота—источникъ всей органической жизни на землѣ,—взего ближе соотвѣтствовали первичнымъ понятіямъ человѣка о всемогуществѣ и силѣ верховнаго существа. Такъ индусы называютъ небо—*djaus*; персы обозначаютъ тѣмъ-же словомъ, въ нѣсколько измѣненной формѣ, какъ небо, такъ и высшее божество (см. Herod. I, 131).

Ζεός—имя верховнаго владыки у грековъ—представляетъ видоизмѣненіе того же корня *dj*, такъ какъ двойной согласный звукъ *Z* весьма часто является замѣной смягченнаго зубнаго *dj* (сравни *jugum*—*ζυγόν*). У критянъ сохранилась болѣе первичная форма *Δήν* вмѣстѣ *Zήν*, или, *Zeός*.

Всѣ римскіе лингвисты, какъ напр. Варронъ, Веррій и другіе, признавали этимологическое сродство имени *jovis* (болѣе древняя форма *Diovis*) съ словами: *divus*, *dius*, *deus*, *dies*, хотя въ то же время невѣрно толковали значеніе и словообразованіе сложнаго имени *jupiter*.

У древнихъ италиковъ выработался ритуальный обычай: въ формулахъ молитвенныхъ обращеній прибавлять къ собственному имени того, или другаго призываемаго божества, нарицательное имя *pater* (отецъ)—благодаря такому обычаю образовалась сложная форма *jupiter*, представляющая сліяніе въ одно слово двухъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ именъ: собственного—*jovis*—и нарицательнаго—*pater*. Форма *jupiter*, ставши общеупотребительной, вытѣснила собой болѣе древнюю форму *jovis*, или, *Diovis* *).

Равнымъ образомъ и этрурское имя—*Tina*, или, *Tinia*, соответствующее греческому *Zeός*, одного съ нимъ происхожденія отъ корня *dj*.

И такъ италійцы въ своихъ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Юпитеру представляли себѣ его благимъ, добрымъ отцемъ, обителю которому служить небо, откуда онъ шлетъ людямъ свои знаменія и откуда, какъ верховный владыка, править всей небесной твердью и землей. Поэтому нельзя признать правильнымъ производство имени *Jupiter* отъ *juvare* (помогать),—производство, ставшее общепризнаннымъ у римлянъ со времени Энія, такъ какъ при такомъ толкованіи высшее божество представляется отвлеченнымъ понятіемъ о существѣ, подающемъ человѣку помощь **). Напротивъ, первоначальный смыслъ

*) Varro, l. l. VIII, 74: nunc in consuetudine aliter dicere: pro jovis—jupiter, pro bovis—bos.

**) Cic. N. O. II, 25, 64; Gell. N. A. V, 12: jovem Latini veteres a juvando appellavere eundemque alio vocabulo juncto patrem dixerunt.

слова *juvare*, какъ и многихъ другихъ, сродныхъ съ нимъ словъ, напр. *juvundus*, — заключающій въ себѣ понятіе о всемъ полезномъ, спасительномъ и благодѣтельномъ, — слѣдуетъ объяснять изъ первичнаго, кореннаго значенія основы *dju*. Въ этомъ отношеніи языкъ и обычай выказали болѣе вѣрное пониманіе первоначальнаго значенія имени *Jupiter*, чѣмъ римскіе ученые лингвисты, — такъ какъ въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ: *sub jove*, *sub divo*, *interdium*, — слова *Jupiter*, *divus*, *dium* замѣняютъ собой названіе неба и небесныхъ атмосферныхъ явленій*).

Итакъ, древнія, молитвенныя обращенія римлянъ къ Юпитеру имѣли въ виду при имени этого верховнаго божества направлять мысли и умъ молящихся туда, гдѣ человекъ во всѣ эпохи и на разныхъ ступеняхъ религіознаго сознанія полагалъ источникъ всякаго блага и божественнаго благословенія, именно къ небу.

Почитаніе Юпитера было не только повсемѣстнымъ въ Италіи, но представленіе о немъ въ своихъ существенныхъ чертахъ было и одинаково: Юпитеръ всюду чтится какъ божество небесной выси, откуда онъ ниспосылаетъ людямъ въ небесныхъ знаменіяхъ свои откровенія. Онъ виновникъ всякаго благополучія, податель всяческой помощи и благословенія, блюститель порядка и законности. Эта общая идея, лежавшая въ основѣ представленій всѣхъ италійцевъ о ихъ верховнѣмъ божествѣ, могла, конечно, видоизмѣняться у отдѣльныхъ народностей Италіи согласно особенностямъ характера того, или, другаго народа. Такъ сабинцы изъ первичнаго понятія о небесномъ совѣтѣ преимущественно развили и усвоили идею о чистотѣ и святости небеснаго отца, о его божественномъ правосудіи, о высшей правдѣ, блюстителемъ которой онъ является. На такой именно характеръ представленій сабинцевъ о Юпитерѣ указываютъ обряды очищенія и освященія, которыми, согласно учрежденіямъ царя Нумы, былъ обставленъ верховный жрецъ Юпитера, *flamen Dialis*, а также культы, перенесенныхъ въ Римъ, сабинскихъ божествъ: *Dius Fidius*, *Fides* и *Terminus*.

*) Horat. Od. I, 1, 25: *sub jove frigido*; III, 10, 7: *audis ut glaciēt nives puro numine Jupiter*. Verg. Ecl. VII, 60: *Jupiter et laeto descendet plurimus imbri*.

Напротивъ, у этрусковъ бѣльшее развитіе получило представленіе о Юпитерѣ, какъ о владыкѣ перуновъ, молніи и грома, которыми онъ править землей. Поэтому у нихъ именно и развилась цѣлая наука о наблюденіяхъ и толкованіяхъ различныхъ небесныхъ явленій.

Разсматривая значеніе Юпитера съ этой, физической стороны, мы видимъ, что въ Италіи даже въ бѣльшей степени, чѣмъ въ Греціи, на первый планъ выступаетъ представленіе о немъ какъ о божествѣ свѣта, на что указываетъ и его древнѣйшее имя—*Diespiter* (отецъ дня) и не менѣе древнее прозвище—*Lucetius* (свѣтозарный), подъ которымъ онъ призывается въ гимнахъ салиевъ и извѣстенъ италійскимъ народамъ, говорившимъ на осскомъ нарѣчій *).

Юпитеръ—представитель не только одного дневнаго свѣта, доставляемаго солнцемъ, но также и причина всякихъ свѣтовыхъ небесныхъ явленій, какъ ослѣпительнаго блеска молніи, такъ и тихаго, ночнаго сіянія луны въ періодъ полнолуній, а потому иды каждаго мѣсяца были посвящены ему, и въ этотъ день приносились особья, въ честь Юпитера, жертвы, такъ называемыя *sacra jdulia*. По этой причинѣ день каждаго полнолунія римляне обозначали характернымъ названіемъ—*jovis fiducia*—т. е. залогомъ безотлучнаго пребыванія Юпитера на небѣ, такъ какъ въ это время дневной свѣтъ солнца и ночной луны безъ перерыва слѣдуютъ одинъ за другимъ и какъ бы сливаются въ одинъ сплошной, свѣтозарный, непрерываемый мракомъ, кругъ.

Другую область атмосферныхъ явленій, въ которой господствуетъ Юпитеръ, представляютъ явленія грозовыхъ тучъ, бурь и другихъ всѣхъ перемѣнъ въ воздухѣ **).

*) Paul. p. 114: *Lucetium Jovem appellabant, quod cum lucis causam esse credebant. Gell. N. A. V, 12, 6: itemque Jovis Diespiter appellatus i. e. diei et lucis pater; Lucetium autem Jovem Cn. Naevius in libro belli Poenici appellat. Serv. V. A. IX, 570. Lingua osca Lucetius est jupiter dictus a luce, quam praestare dicitur hominibus.*

**) Энцикл., у Варрона, l. l. V, 65: *istic est is jupiter, quem dico, quem graeci vocant aërem: qui ventus est et nubes, imber postea atque ex imbre frigus, ventus post fit, aër denuo.*

раженіе лица Юпитера—ясное, свѣтлое (*serenus*)*). Но, какъ божество дождя, оплодотворяющаго землю, онъ носить прозвища: *imbricator, fluvius, pluvialis, almus, frugifer*. Главнымъ, однако, выраженіемъ могущества высшаго небснаго божества служатъ громъ и молнія; отъ нихъ Юпитеръ заимствуетъ свои прозвища, подъ которыми онъ больше всего былъ призываемъ и почитаемъ какъ въ Римѣ, такъ и у прочихъ италиковъ; главнѣйшія изъ этихъ прозвищъ слѣдующія: *Jupiter Fulgor*, или *Fulgurator*; *Jupiter Fulmen*, или *Fulminaris*; *Jupiter Tonans*, или *Tonitrualis*; культъ этого послѣдняго въ Римѣ получилъ преобладающее значеніе особенно при Августѣ. На частыя и сильныя грозы какъ вообще въ Италиі, такъ и въ Римѣ, указываетъ между прочимъ культъ Суммана (*Summanus*) и культъ Юпитера Елиція (*Jupiter Elicius*), которому издревле былъ посвященъ особый храмъ на Авентинѣ. Культы Суммана и Елиція служатъ также доказательствомъ того, что въ Римѣ не менѣе чѣмъ въ Этруріи, были распространены разнаго рода суевѣрныя заклинанія и умиловительныя жертвоприношенія для отвращенія грозъ и ударовъ молніи. На знакомство царя Нумы съ такого рода заклинаніями между прочимъ указываетъ также легенда, рассказанная Овидіемъ въ его календарѣ (*Fast.* III, 325 и сл.). Могущественные лѣсные духи—повѣствуетъ легенда—Пикъ и Фавнъ, при помощи извѣстныхъ имъ заклинаній заставили Юпитера сойти (*elicere*) съ неба, чтобы отъ него лично Нума могъ узнать вѣрное, умиловительное средство для отвода грозы и ударовъ молніи. Когда же явившійся Юпитеръ потребовалъ отъ царя для этого головы и души человѣка, то Нума вмѣсто головы (*caput*) предложилъ луковичную головку (*сера*); на требованія же Юпитера, что нужна голова человѣка (*caput hominis*)—царь далъ волосы (*summos capillos*); вмѣсто же души человѣческой—рыбу. Тогда Юпитеръ, удивленный находчивостью Нумы, смѣясь заявилъ, что онъ будетъ удовлетворенъ и такимъ жертвоприношеніемъ.

*) Улыбка Юпитера, по выраженію Эннія въ его анналахъ—вызываетъ улыбку всего неба: *jupiter hic risit tempestatesque serенае riserunt omnes risu jovis omnipotentis.*—Сравная *Verg. Aen.* I, 254... *Voltu, quo coelum tempestatesque serenat,*

Тѣмъ не менѣе наблюденія надъ грозовыми явленіями молніи составляли спеціальность суевѣрныхъ этрусковъ, жрецы которыхъ выработали цѣлую почву заклинаній грозъ и отвода молніи, получившую позднѣе въ Римѣ практическое примѣненіе у гаруспиковъ, а Авль Цецина познакомилъ римлянъ и съ теоретическимъ ученіемъ этрусковъ о грозахъ, изложенномъ въ такъ называемыхъ фульгуральныхъ книгахъ его соотечественниковъ (*libri fulgurales*)—онъ же посвятилъ римлянъ въ этрусскую теогонію и таинственныя гаданія, практиковавшіяся на его родинѣ*).

По ученію этрусковъ молнія составляетъ наиболѣе несомнѣнное и вразумительное среди другихъ небесныхъ знаменій проявленіе воли боговъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи *ars fulguritorum* дѣлила молнію по ея значенію на нѣсколько категорій въ зависимости отъ того, какіе боги ниспосылали ее и по какому поводу. Въ Римѣ наибольшее значеніе придавали такимъ ударамъ молніи, которые поражали наиболѣе священныя мѣста, или, мѣста, служившія центрами отправления общественной и государственной жизни, какъ напр. древнія, заповѣдныя роци боговъ, ихъ храмы, историческіе памятники и монументы, священный капитолій, либо даже собственный храмъ Юпитера**). Ударъ молніи въ преторій лагерь предвѣщаетъ смерть полководца и уничтоженіе его войска (*Dionys. IX, 6*). Молнія, поразившая храмъ Юноны, угрожала опасностью римскимъ матронамъ (*Liv. XXVII, 27*). Существовала *ars fulguritorum*, которой научила людей нимфа Бегеэ; книги эти во времена Августа сохранялись въ храмѣ Аполлона, на палатинскомъ холмѣ. Это искусство указывало на способы посвященія мѣстъ и предметовъ, пораженныхъ молніей (*fulgurita*), такъ какъ они почитались священими вслѣдствіе убѣжденія, что самъ Юпитеръ, поражая эти предметы молніей, дѣлаетъ ихъ своей собственностью***).

*) Объ Авлѣ Цецинѣ см. *Cic. de Divinat. I, 33*.

**) Сенека (*Qu. № II, 49*) между другими видами молніи называетъ *regalia fulmina. ea, quorum vi tangitur vel comitium, vel principalia urbis liberae l- ea, quorum significatus regnum civitangenti minatur*.

***) *Serv. V. A. VI, 72. Paul. p. 92: fulguritum id quod est fulmine ictum, qui locus stasis fieri putabatur religiosus, quod eum sibi vindicasse videretur*.

Если молнія ударила въ землю, то прежде всего земля въ томъ мѣстѣ, котораго коснулся небесный огонь, будучи тщательно собрана, зарывалась въ яму, что на техническомъ языкѣ называлось *fulgur condere*; затѣмъ самое мѣсто, освященное закланіемъ въ жертву молодого ягненка (*bidental*), покрывалось досками и огораживалось стѣной на подобіе отверстія колодца (*puteal*). Таковъ былъ, напр. извѣстный *puteal scribonianum* на римскомъ форумѣ и многіе другіе какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Италіи. Деревья, будучи поражены молніей, по совершеніи требуемыхъ очистительныхъ обрядовъ, были тотчасъ уносимы прочь, а на ихъ мѣсто сажались другія. Также и человекъ, сожженный молніей, на основаніи одного установленія Нумы, почитался священнымъ, а потому тѣло его нельзя было унести для преданія погребенію, но его оставляли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ пораженъ громомъ и тутъ же зарывали въ землю. Если молнія коснулась какаго-либо лица, занимавшаго высокое общественное положеніе, не причинивъ ему смерти, то это предвозвѣщало великую честь, которая ждетъ его потомковъ*). Наконецъ, соотвѣтственно искусству заклинанія молній, существовало подобное же искусство относительно дождевыхъ тучъ, носившее названіе *aquilisium*. Къ нему прибѣгали въ случаѣ продолжительной, сильной засухи, чтобы свести (*elicere*) дождь на землю.

Какъ божество, ниспосылающее на землю плодотворный, благодѣтельный дождь, Юпитеръ пользовался особымъ почитаніемъ среди сельскаго населенія. Осенью и весной, передъ временемъ посѣва, поселяне устраивали для его чествованія жертвенный пиръ (*daps*), при чемъ совершали возліаніе *jovi dapali*, и молили его о ниспосланіи дождя на поля и пастбища**). Подобнымъ же образомъ и осенью, передъ началомъ жатвы, до принесенія обычной жертвы Цецерѣ, жертвы, носившей названіе *rogae graecidanea*, возносились моленія Юпитеру и Юнонѣ.

*) Plin. Н. Н. II, 54; Serv. Verg. А. II, 649. Ammian. Marc. XXIII, 5, 13.

***) Cato. r. r. 131, 132; Paul. p. 68: *daps apud antiquos dicebatur res divina, quae fiebat aut hiberna sementi aut verna.*

Въ этомъ своемъ значеніи Юпитеръ именуется *almus* (кормилецъ), *frugifer* (податель плодовъ), *guminus* (гума сосцы, питатель), а также *pecunia* (покровитель стадъ)—слово, первоначально означавшее обильный приплодъ стадъ*) неправильно понималось и толковалось римлянами прозвище Юпитера—*Pistor*. Происхождение этого прозвища связывали съ обстоятельствами осады Рима галлами: когда въ осажденномъ городѣ наступилъ голодъ,—повѣствуетъ легенда—Юпитеръ научилъ осажденных хитрости—бросать въ лагерь непріятеля печенные хлѣба, какъ бы въ доказательство обилія продовольствія въ городѣ**). Въ дѣйствительности же слово *Pistor* (сокрушитель) указываетъ на Юпитера какъ на громовержца.

Особенно чествуемъ былъ по всей италіи *Jupiter Liber*, иначе *Jupiter Libertas*, культъ котораго носилъ вполнѣ туземный, италійскій характеръ, такъ какъ греки создали особое божество—Діониса, для этой области сельскаго хозяйства. Слова *Liber* и *Libertas* въ ихъ болѣе общемъ значеніи выражаютъ изобиліе земныхъ плодовъ и связанное съ нимъ веселіе, которому предается сельской людъ въ виду богатой жатвы, и особенно при обильномъ сборѣ винограда. Разведеніе въ Италіи виноградной лозы и сборъ винограда находились подъ покровительствомъ Юпитера и Венеры; послѣдняя поэтому именовалась *Libera*. Сельское празднество, *Vinalia*, происходившее 19-го августа, было посвящено этимъ двумъ божествамъ. *Vinalia* предшествовали сбору винограда, имѣвшему мѣсто въ сентябрѣ и октябрѣ и какъ бы служили введеніемъ къ этому наиболѣе радостному и веселому для сельскаго населенія занятію. Главнымъ лицомъ при совершеніи религиозныхъ обрядовъ въ этотъ праздникъ былъ жрецъ Юпитера, *flamen Dialis*, который въ этотъ день, 19-го августа, срѣзывалъ съ виноградныхъ лозъ нѣкоторыя, уже созрѣвшія грозды винограда для принесенія въ даръ Юпитеру и при этомъ торжественно обращался къ

*) По словамъ Блаженнаго Августина Юпитеръ прозывается *Almus*, или *Ruminus*, *quod aleret omnia*. (С. D. VII, 11); *ib.* VII, 12: *et pecunia vocatur, quod ejus sint omnia*.

**) *Ovid: F. VI, 350* и слѣд. *Lactant: I, 20, 33*.

поселянамъ съ приглашеніемъ приступить къ сбору винограда. Тутъ же закалывалось въ жертву Юпитеру молодое ягня, а фламинъ, во время приготовленіи къ жертвоприношенію, продолжалъ срѣзывать виноградныя грозды *).

Въ Тускуланахъ по свидѣтельству Варрона (Varro, l. l. VI, 66), существовалъ законъ, воспрещавшій доставку въ городъ молодого вина до совершенія фламинонь въ праздникъ *Vinalia* вышеописаннаго обряда приглашенія народа къ сбору винограда, что на сакральномъ языкѣ обозначалось словомъ *kalare* (называть, приглашать)**).

Также и праздникъ *Meditrinalia* (a *medendo*—лечить), справлявшійся 11-го октября и относившійся къ винодѣлію, былъ посвященъ Юпитеру Либеру. Въ этотъ день сельчане, пробуя молодое, еще не вполне выбродившееся вино и старое, приговаривали: *novum vetus vinum bibo, novo veteri vino morbo medeor* (Varro, l. l. VI, 21), выражая этимъ ритуальнымъ приговоромъ цѣлительную силу вина, почему и самое празднество получило свое названіе—*Meditrinalia*.

Наконецъ, 23-го апрѣля, во время весеннихъ *Vinalia*, прежде чѣмъ почать молодое вино, совершалось возліяніе тому же Юпитеру Либеру, называвшееся *Calpar*, по имени чашъ, которыми производилось это озіяніе.

Въ національной жизни вообще всей Италіи, но особенно для Рима Юпитерь получилъ преобладающее значеніе какъ рѣшитель битвъ и дарователь побѣдъ. Культъ его, какъ божества войны, былъ столь же распространенъ и популяренъ, какъ культъ Марса. Прозвища: *Stator* и *Feretrius* были его древнѣйшими прозвищами, какъ бога брани. Блаженный Августинъ сохранилъ цѣлый рядъ эпитетовъ Юпитера, характеризующихъ его съ этой стороны. *Dixerunteum*—говоритъ онъ,—*victorem, invictum, opitulum, impulsorem, statorem, centampedam, supinalem* (С. D. VII, 11).

*) Varro, l. l. VI, 16. *Vinalia a vino. Hic dies Jovis, non Veneris.*

***) Varro, l. l. VI, 16: *in Tnsculanis (h)ortis est scriptum: vinum novum ne vehatur in urbem ante quam vinalia kalentur.*

Эпитетъ Centumpeda указываетъ на стойкость, которую низпосылаетъ Юпитеръ въ бою, а Supinalis—на смятенія, когда непріятель въ бѣгствѣ показываетъ тыль побѣдителю. Кромѣ этихъ прозвищъ, приводимыхъ блаженнымъ Августинномъ, Юпитеръ чествовался въ Римѣ, какъ Versor и Praedator. Послѣдній имѣлъ особый храмъ, гдѣ приносилась ему въ даръ часть военной добычи. Но наибольшаго почитанія въ Римѣ получили культы Jovis Statoris, Feretrii и Victoris.

Первый, древнѣйшій въ Римѣ храмъ Юпитеру Статору воздвигъ Ромулъ на томъ мѣстѣ при подъемѣ на Палатинскій холмъ, гдѣ согласно преданію римляне, разстроенные въ битвѣ съ сабинцами, оправились и дали врагамъ отпоръ. Позднѣе, въ 294 г. до Р. Х. консулъ Маркъ Атилій Регуль во время битвы съ самнитянами далъ обѣтъ посвятить второй храмъ Юпитеру Статору. Храмъ этотъ былъ построенъ вблизи Фламиніева цирка.

Jupiter Victor своимъ первымъ святилищемъ въ Римѣ обязанъ извѣстному побѣдителю въ Самнитскихъ войнахъ К. Фабію Максиму Руллиану (297 г. до Р. Хр.). Позднѣе появилось нѣсколько храмовъ, посвященныхъ въ Римѣ Юпитеру побѣдителю. Одинъ изъ нихъ помѣщался на Палатинскомъ холмѣ, подлѣ храма Юпитера Статора; другой—на капитолійскомъ, гдѣ онъ вмѣстѣ со святилищами другихъ божествъ окружалъ главный храмъ капитолійской тріады. Въ одной, дошедшей до насъ, надписи сохранилось описаніе самаго истукана Юпитера Побѣдителя, помѣщавшагося въ этомъ храмѣ. Голову его украшалъ дубовый изъ золота вѣнокъ; въ правой рукѣ Юпитеръ держитъ земной шаръ и богиню побѣды, Викторію, украшенную пальмовой вѣтвью; въ лѣвой—серебрянное копьё.

Однимъ изъ древнѣйшихъ святилищъ на Капитолійскомъ холмѣ и вообще на римской территоріи былъ храмъ Юпитера Феретрійскаго. Построеніе его преданіемъ приписывается Ромулу, который, вскорѣ послѣ похищенія сабинянокъ, въ сраженіи съ латинцами убилъ царя ихъ Акрона, считавшагося однимъ изъ сыновей Геркулеса. Возвращаясь побѣдителемъ въ

Римъ, Ромулъ обвѣсилъ доспѣхами, снятыми имъ съ убитога царя, приготовленную для этой цѣли изъ древеснаго ствола особаго устройства вѣшалку (*feretrum*-носилки) и, принеся ее на вершину капитоля, помѣстилъ подъ священнымъ дубомъ. Здѣсь то и былъ воздвигнутъ имъ позднѣе храмъ Юпитеру Феретрійскому, которому по примѣру Ромула приносились въ даръ *spolia opima*, т. е. доспѣхи, снятые съ убитога неприятельской царя. Прозвище—*Feretrius*—происходитъ отъ слова *feretrum*—вѣшалка, или носилки, на которыхъ несли эти *spolia opima* въ храмъ*).

Это святилище, расширенное позднѣе царемъ Анкомъ Марціемъ, находилось вблизи главнаго капитолийскаго храма. Въ теченіи всей римской исторіи только двумъ удалось послѣ Ромула посвятить Юпитеру Феретрійскому *spolia opima*, именно: Корнелію Коссу, начальнику римской конницы, убитому Тулумніа, царя вейентовъ, въ битвѣ, происходившей въ 437 г. до Р. Хр. у стѣнъ города Фиденъ, и Марку Марцеллу, умертвившему на поединкѣ Виридомара, царя инсубровъ, во время битвы у рѣки По, въ 222 г. до Р. Хр.

Изъ представленія о Юпитерѣ какъ о божествѣ небеснаго свѣта вытекаетъ идея о небесномъ правосудіи, вѣрности, святости, правдѣ и душевной чистотѣ. Эта духовно-нравственная сторона Юпитера выступаетъ преобладающей въ культѣ *Diespiter*, въ тѣсной связи съ которымъ стоитъ институтъ феціаловъ, блюстителей святости международныхъ договоровъ. За тѣмъ божества: *Fides*, *Dius*, *Fidius*, *Terminus* и ихъ культы представляютъ ничто иное, какъ специализацію функций дѣятельности верховнаго Юпитера въ сферѣ установленія и развитія правовыхъ отношеній. *Regia* и *ara Capitolina* были поэтому назначены Т. Таціемъ и Нумой мѣстами для жертвоприношеній Юпитеру въ иды каждаго мѣсяца. Эти такъ называемыя *idulia sacra* состояли въ закланіи блага ягненка въ честь Юпитеру. Жертвоприношеніе сопровождалось религіозной

*) Т. Liv. I, 10. Verg. Aen. XI, 83: *indutosque jubet truncos hostilibus armis ipsos ferre duces inimicopae nomina figi.*

процессіей, направлявшейся отъ regia къ capitoлийскому замку по улицѣ, которая получила отъ этого свое названіе sacra via *).

Высочайшую святость и чистоту, присущія Юпитеру, доказываютъ также установленные царемъ Нумой обряды, которыми былъ обставленъ главный жрецъ Юпитера flamen Dialis и супруга его, flaminica, являшіеся въ сознаниі народа какъ бы живымъ олицетвореніемъ тѣхъ свѣтлыхъ божествъ, служителями которыхъ они состояли. Между прочими фламинами flamen Dialis занималъ первое мѣсто, чему соотвѣтствовала и вся обстановка, торжественная и полная достоинства, сопровождавшая всякій его выходъ передъ народомъ. Только ему одному было запрещено занимать или искать какой-либо свѣтской должности, хотя сенатъ всегда былъ открытъ для него. Flamen Dialis не долженъ былъ садиться на лошадь, смотрѣть внѣ священнаго померія на вооруженное войско, носить кольцо или перстни, имѣть на своей остроконечной шапкѣ либо на поясѣ и вообще на своей одеждѣ—узлы. Ему было запрещено давать клятву въ какихъ-бы то ни было случаяхъ **). Бороду его и волосы могъ стричь только свободнорожденный (liber) и при томъ мѣднымъ ножомъ; обрѣзки ногтей и волосъ юпитерова жреца зарывались въ землю подъ какимъ либо плодовымъ деревомъ. Строго воспрещалось фламину не только касаться рукой, но даже произносить названіе козы, собаки, сыраго мяса, вьючагося плюща и бобовъ, посвященныхъ умершимъ. Онъ не долженъ былъ трогать тѣста, находящагося въ броженіи, не долженъ входить въ густую, виноградную поросль, или въ бесѣдку, обвитую вьющимся плющемъ. Ножки его ложа (кровати) обмазывались тонкимъ слоемъ глины. Фламинъ не долженъ былъ проводить болѣе двухъ ночей подрядъ внѣ своей

*) Paul: p. 104: idulis ovis dicebatur, quae omnibus idibus jovi mactabatur. Fest: p. 290: Sacram viam,—quod eo itinere utantur sacerdotes idulium sacrorum conficiendorum causa---a regia usque in arcem. Varro, l. l. V, 47: qua (via) sacra quotquot mensibus feruntur in arcem. Ср: Marcob. I, 15, 16; Ovid. F. I, 60 и 590.

**) Gellius I. c. jurare Dialectem fas nunquam est. и дальше, ex edicto perpetuo praetoris: Sacerdotem Vestalem et flaminem Dialectem in omni sua jurisdictione non cogam. Gell. I. c. annulo uti fas non est. Nodum in apice neque in cinctu, neque alia in parte nullum habet.

кровати, на которую не дозволялось никому другому ложиться. У ея ногъ всегда находился маленькій ларецъ съ обычными жертвенными дарами (*capsula cum strue atque fertō*). Далѣе ему строго возбранялось появиться подъ открытымъ небомъ съ обнаженной головой, а тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ избѣгать обнажать свое тѣло, чтобы наготой его не оскорбить Юпитера *). Воспреещалось употреблять огонь, взятый съ его очага для какихъ либо иныхъ цѣлей, кромѣ сакральныхъ. Жилище фламينا было убѣжищемъ для всѣхъ узниковъ и осужденныхъ на казнь. Только одинъ разъ онъ могъ вступать въ бракъ, совершаемый по древнѣй формѣ *confarreatio*. Разводъ не допускался. Въ случаѣ смерти жены фламинъ долженъ былъ сложить свое жреческое достоинство; жрецъ Юпитера не долженъ былъ ступать по тому мѣсту, гдѣ покоился прахъ умершаго, не долженъ былъ касаться покойника; хотя онъ могъ присутствовать на погребеніи, но ему возбранялось слушать звуки погребальныхъ флейтистовъ и причитанія плакальщицъ.

Жена фламينا Юпитера, фламиника, была жрицей Юноны и представляла идеалъ римской матроны въ духѣ и характерѣ древне-римскихъ нравовъ. На ея обязанности лежало собственноручно выткать шерсть для тоги своего мужа; волосы на головѣ она убирала, согласно обычаямъ старины, въ высокій пирамидальный кокъ (*tutulus*). Неотъемлемую принадлежность ея одѣянія составляла такъ называемая *gisa*, родъ капора изъ темно-красной, или, голубой шерсти, вытканной руками дѣвушекъ патриціанскихъ фамилій. При всякомъ священодѣйствіи фламиника возлагала себѣ на голову *argulum* — гранатовую вѣтку, дугообразно изогнутую (*arguare*) и связанную у своихъ концевъ бѣлой, шерстяной нитью **).

Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ праздникъ Саліевъ, а также въ іюнѣ все время, пока производилось очищеніе храма Весты, фламиника не должна была ни убирать своихъ волосъ, ни

*) Gellius I. c. *tunicam intimam nisi in locis tectis non exuit ne sub caelo tanquam sul oculis Jovis nudus sit.*

**) Въ данномъ случаѣ гранатовая вѣтьвь есть символъ плодородія подобно оливковой вѣтви, украшавшей остроконечную шапку фламينا (*арех*) и другихъ жрецовъ.

стричь ногтей, также во время аргейскихъ жертвоприношеній она являлась нечесанной и безъ своего обычнаго, головнаго украшенія.

Таковъ былъ общій характеръ культа Юпитера, сообщенный ему главнымъ образомъ реформами царя Нумы, за реформаторской дѣятельностью котораго, какъ извѣстно, слѣдовала эпоха Тарквиніевъ, давшая новое направленіе политической, культурной и религіозной жизни Рима. Въ тѣсной связи съ этимъ направленіемъ стоитъ дальнѣйшее развитіе культа Юпитера какъ вообще въ Лаціумѣ, такъ и въ самомъ Римѣ, направленіе, внесшее въ первоначальное представленіе о Юпитерѣ, какъ о верховномъ владыкѣ неба, элементъ часто мірской, политической, сдѣлавъ Юпитера идеальнымъ представителемъ римскаго государства. Съ этого времени онъ именуется Rex; цари Рима, а позднѣе консулы, суть только его уполномоченные, дѣйствующіе отъ его имени*).

Какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія, вся обстановка культа капитолійскаго Юпитера служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что въ этомъ культѣ на первый планъ выдвигается политическое, мірское могущество, власть и триумфъ, которыми затемняется духовная святость и чистота, составлявшія существенныя свойства Юпитера какъ верховнаго владыки неба.

Прежде чѣмъ приступить къ подробному обозрѣнію этого новаго направленія въ культѣ Юпитера, внесеннаго Тарквиніями, укажемъ на нѣкоторыя другія стороны этого божества, получившія развитіе въ представленіяхъ римлянъ о своемъ верховномъ владыкѣ. Какъ виновникъ плодородія и произрастанія всякихъ земныхъ плодовъ Юпитеръ умножаетъ и хранитъ также юное поколѣніе, почему и самъ носитъ имя *Juventus, Juvenis, Adultus*. Въ частной жизни онъ, какъ причина благополучія и счастья отдѣльныхъ семей, чтится подъ именемъ

*) Cic. de Rep. III, 13, 23: sunt enim omnes, qui in populum vitae necisque potestatem habent, tyranni, sed se Jovis optimi nomine malunt reges vocari. Сравни слова Юлія Цезаря у Діона Кассія, *ὅτι Ζεὺς μόνος τῶν Ῥωμαίων βασιλεὺς εἶναι*. По той же причинѣ и въ томъ же, политическомъ, смыслѣ Юнона Капитолійская почти всегда именуется *regina*.

deus penealis (греческій Ζεὺς ἑρκαιός)*). Юпитеръ вообще боже-ство милостивое, благодѣтельное, охотно вспомошествоющее человѣку; отсюда его прозвища: Opitulus, или Opitulator, Praestes и Obsequens (внимающій мольбѣ). Другіе эпитеты сближаютъ его съ греческимъ Ζεὺς Σωτήρ и Ἀλεξίτακος. Въ этомъ смыслѣ онъ въ частныхъ и общественныхъ моленіяхъ призывается какъ Jupiter Conservator и Custos. Послѣднему императоръ Домиціанъ воздвигъ богатое святилище на capitoлии. Избавляя человѣка отъ тѣлесныхъ и душевныхъ немочей, онъ именуется salutaris. Наконецъ, какъ богъ-цѣнитель и врачеватель болѣзней, Юпитеръ подъ именемъ Jupiter Valens призывается на ряду съ другими, подобными божествами, какъ напр. въ одной надписи читаемъ: Jovi Valenti, Aesculapio et saluti.

Переходя къ обзорѣнію нововведеній эпохи Тарквиніевъ, рассмотримъ сначала такъ называемыя Ferae Latinae, а затѣмъ организацію культа capitoлійскаго Юпитера.

Jupiter Latiaris, иначе, Latialis, былъ верховнымъ, небеснымъ патрономъ латинскаго союза подобно тому, какъ Jupiter Capitolinus — верховнымъ главой Рима. Поэтому наивысшее процвѣтаніе его культа совпадаетъ съ той эпохой, когда Римъ, будучи только однимъ изъ членовъ латинскаго союза городовъ, на равныхъ съ послѣдними правахъ возносилъ общія моленія одному тому же Юпитеру. Почитаніе Юпитера на Албанской горѣ было однимъ изъ древнѣйшихъ учрежденій Лаціума**). На праздничное торжество, установленное для его чествованія стекались сюда жители всѣхъ союзныхъ городовъ. Съ разрушеніемъ Альбы Лонги прекратились и Ferae Latinae, пока Тарквиніи, власть которыхъ опиралась на правителей отдѣльных латинскихъ городовъ, не возстановили какъ самый латинскій союзъ, такъ и его общее святилище на албанской горѣ, конечно, съ усиленіемъ признанія Рима главой этого союза. Діонисій Галикарнасскій (Dion. Hal. IV, 49) называетъ

*) Cic de Fin. III, 20. Paul. p. 101: Hercules jupiter inter conceptum domus ejusque colebatur, quem etiam deum penetralem appellabant.

**) По преданію Ferae Latinae учреждены et imperato Fauni. Также prodigia на Албанской горѣ, о которыхъ повѣствуетъ Титъ Ливій (I, 31) указываютъ на очень отдаленную древность этого культа.

Тарквинія Гордаго виновникомъ этой реставраціи. Но онъ же сообщаетъ (VI, 95), что первый день празднествъ латинскихъ фѣрій былъ установлень послѣ одержанной надъ этрурсками побѣды, виновникомъ которой, какъ по свидѣтельству самаго Діонисія, такъ и Флора (I, 5) былъ никто иной, какъ Тарквиній Прискъ. Второй день празднествъ былъ учреждень по изгнаніи изъ Рима Тарквиніевъ. Въ 494 г. до Р. X. послѣдовало удаленіе римскаго плебса на священную гору. Въ слѣдующемъ, 493 году, по учрежденіи трибуната и восстановленіи согласія между плебеями и патриціями, былъ возобновлень союзъ съ латинцами консуломъ Спуріемъ Кассіемъ, по поводу чего былъ присоединень къ латинскимъ фѣріямъ третій день празднествъ (Dionys: VI, 95). Наконецъ, въ 367 г. до Р. X. прибавлень четвертый праздничный день также въ воспоминаніе состоявшагося примиренія между патриціями и плебеями.

Feriae Latinae были праздникомъ всеобщаго веселія и мира для членовъ латинскаго союза, въ другое время обыкновенно разъединенныхъ взаимными несогласіями и спорами. Существовавшіе между отдѣльными городами союзные договоры изъ года въ годъ въ дни латинскихъ фѣрій возобновлялись и скрѣплялись общимъ жертвоприношеніемъ и соединеннымъ съ нимъ жертвеннымъ пиромъ*). Опредѣленнаго времени для празднованія латинскихъ фѣрій не было установлено; но консулы ежегодно послѣ своего вступленія въ должность опредѣляли день начала празднествъ и оповѣщали объ этомъ по всему Лаціуму, каковое оповѣщеніе на оффиціальномъ языкѣ обозначалось словами *conscipere Latiar*, или *ferias Latinas*. Первоначально латинскія фѣріи обыкновенно справлялись весной, въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая; въ позднѣйшее же время республики между іюнемъ и августомъ.

Совершеніе жертвоприношеній составляло непремѣнную обязанность консуловъ, которые поэтому не могли отправиться въ свои провинціи раньше исполненія ими этой религіозной

*) Dionys: VI, 49; ср. Macrob. 1. c.: *Latinarum tempore, quo publice quondam induciae inter populum Romanum Latinosque firmatae sunt.*

церемоніи. Только въ исключительныхъ случаяхъ для этой цѣли назначался диктаторъ (*dictator feriarum Latinarum causa*). Кромѣ консуловъ доступъ на это торжество имѣли и прочіе сановники, а равно народные трибуны и эдилы, которые возносили жертву отъ имени римскаго плебса, какъ представители послѣдняго. Наконецъ, участниками въ латинскихъ феріяхъ были депутаты и магистраты всѣхъ латинскихъ городовъ, входившихъ въ составъ союза.

Религиозную сторону праздника составляло жертвоприношеніе и слѣдовавшій за нимъ жертвенный пиръ, для какой цѣли закланное въ жертву животное раздѣлялось на опредѣленное количество частей по числу членовъ союза, участвовавшихъ въ праздникѣ *).

Въ жертву приносился сосунокъ, бѣлой шерсти бычокъ (*juvencus*) **). Жертвоприношеніе сопровождалось молитвословіемъ, причемъ Римъ возносилъ молитвы за благополучіе и благоденствіе латинцевъ, а послѣдніе—за Римъ. Жертвенный бычекъ доставляемъ былъ сообща всѣми участниками праздника, тогда какъ прочія приношенія, какъ-то: ягнята, сыръ, молоко, жертвенныя лепешки и проч.—отдѣльно каждымъ членомъ союза ***). Одновременно съ общимъ жертвоприношеніемъ на Албанской горѣ совершавшимся отъ имени всѣхъ латинцевъ, праздникъ въ честь Юпитера Латіарскаго отправлялось и въ каждомъ отдѣльномъ городѣ Лаціума.

По единогласному свидѣтельству многихъ писателей †), въ Римѣ въ эти дни Юпитеру приносилась кровавая человѣческая жертва, для каковой обыкновенно назначался приговоренный къ смертной казни преступникъ (*bestiarius*), а также устраивалось состязаніе въ бѣгѣ на колесницахъ (*quadrigae*), причемъ побѣдителю предлагали выпить крѣпкой, полынной настойки (*absentis*), какъ бы для засвидѣтельствованія его тѣлесной силы и здоровья.

*) *Carnem petere* было сакральнымъ выраженіемъ для обозначенія права на полученіе части жертвеннаго животного.

***) Рога жертвеннаго животного обыкновенно покрывались позолотой и переплетались лентами, *Verg. Aend. V, 366*.

***) *Dionys a. a.*

†) *Tertul. Apolog. 9; Lactant: 1, 21, 3.*

Церемоніаль тріумфальнаго шествія, происходившій на Албанской горѣ, служилъ воспоминаніемъ о томъ времени, когда Римъ и латинскіе города, какъ равноправные члены союза, справляли общественное торжество не у себя дома, каждый отдѣльно, а сообща на общемъ святилищѣ, именно, на священной горѣ Юпитера Латіарскаго.

Въ позднѣйшее время республики тріумфъ на Албанской горѣ справляли только тѣ полководцы, которымъ было отказано въ немъ въ Римѣ, и потому подобный тріумфъ имѣлъ значеніе простаго военнаго зрѣлища. Г. Палирій Мазо, консулъ 231 г. до Р. Х. первый устроилъ себѣ такой тріумфъ по случаю побѣды, одержанной въ Корсикѣ. Его примѣру послѣдовали потомъ и многіе другіе римскіе военачальники. Тріумфаторъ въ этомъ случаѣ украшался не лавровымъ вѣнкомъ, а миртовымъ, какъ при оваціи, составлявшей низшую ступень тріумфа. При оваціи, шествіе которой начиналось съ Албанской горы, виновникъ торжества возсѣдалъ не на колесницѣ, какъ это бывало во время тріумфа, а ѣхалъ верхомъ на конѣ и, вступивъ въ Римъ пѣшкомъ, всходилъ на Капитолій при менѣ торжественной обстановкѣ.

Теперь обратимся къ организаціи культа Юпитера Капитолійскаго. Начало его (культа) также относится ко времени Тарквинія Приска. По свидѣтельству Т. Ливія (I, 38) и Діонисія (III, 69) этотъ царь во время войны съ сабинцами далъ обѣтъ—выстроить Юпитеру храмъ на Капитоліумѣ. Для этой цѣли по его приказанію была произведена планировка этого холма, на которомъ затѣмъ и былъ воздвигнутъ Тарквиніемъ Гордымъ храмъ вызванными изъ Этрурїи архитекторами. Самое посвященіе храма послѣдовало только въ первые годы республики. Съ его построеніемъ связаны двѣ знаменательныя легенды, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, когда культъ Капитолійскаго Юпитера получилъ господство въ римскомъ пантеонѣ. Одна изъ этихъ легендъ гласитъ, что помѣщавшіяся на капитолійскомъ холмѣ сабинскія божества Терминъ (Terminus) и Ювента (Juventa) не пожелали удалиться изъ своихъ святилищъ при постройкѣ храма Юпитеру, почему и были

оставлены на прежнемъ мѣстѣ, подлѣ вновь воздвигнутаго капища, какъ бы въ свидѣтельство того, что послѣднему предопредѣлено безсмертіе и вѣчная юность. По словамъ второй легенды, во время закладки фундамента храма была найдена въ скалѣ человѣческая голова съ вполне сохранившимися чертами лица (*integra facie*), что тогда же было истолковано этрурскими провидцами въ томъ смыслѣ, что этому мѣсту предназначено содѣлаться главой государства, а затѣмъ и всего тогдашняго міра. Къ образованію послѣдней легенды могло подать поводъ также и пророчество Сивиллы, которое приводитъ Діонъ Кассій (*Dio Cass. fragm. 25, 9*), гласившее, что Капитолій будутъ главой вселенной до скончанія вѣка *). Собственно слово: *Capitolium* означало укрѣпленное, огороженное стѣной мѣсто, кремль, внутри котораго помѣщался храмъ, получившій и самъ названіе *capitolium*. Онъ состоялъ изъ трехъ капищъ (*cellae*), изъ коихъ въ среднѣй помѣщался истуканъ Юпитера; капища по правую отъ него руку была посвящена Минервѣ, а лѣвая—Юнонѣ. Хромовое изображеніе Юпитера было произведеніемъ одного художника изъ Вей. Идолъ былъ сдѣланъ изъ глины, съ перунами въ правой рукѣ. Въ дни праздничныхъ торжествъ ликъ Юпитера былъ раскрашиваемъ сурикомъ подобному тому, какъ это практиковалось триумфаторами, такъ какъ красный цвѣтъ служилъ символомъ радости и благополучія **). Обширный дворъ (*area*), окружавшій храмовое зданіе, съ теченіемъ времени весь былъ уставленъ священными и дорогими монументами для увѣковѣчиванія памяти римскихъ побѣдъ, римской доблести и всевѣтнаго могущества вѣчнаго города.

Соотвѣтственно преобладающему значенію культа капитолійскаго Юпитера въ общественной и государственной жизни Рима, самыя празднества въ честь его и соединенныя съ нимъ жертвоприношенія справлялись съ наибольшою пышностью и торжественностью. Эти празднества носили слѣдующія названія: *ludi Romani*, *Magni*, *Plebei* и *Capitolini*. Существенную сто-

*) *Dio Cass: fr. 25, 9.***) *Plin. H. N. XXXV, 12, 46.*

рону всѣхъ ихъ составляли во первыхъ жертвоприношеніе и соединенный съ нимъ жертвенный пирь; во вторыхъ — праздничная процессія и игры, въ первое время состоявшія исключительно изъ однихъ цирковыхъ зрѣлищъ, позднѣе также и изъ сценическихъ представлений. Главный актъ празднествъ, — жертвоприношеніе — всегда совпадаетъ съ идами, издревле посвященными Юпитеру, при чемъ въ римскихъ играхъ онъ приходился въ сентябрскія иды, въ капитолійскихъ — въ иды октября, а въ плебейскихъ — въ ноябрскія.

Древнѣйшими изъ этихъ игръ были *ludi Romani*, учрежденные Тарквиніемъ Древнимъ по образцу этрусскихъ цирковыхъ зрѣлищъ *). Главный день этого праздника приходился въ сентябрскія иды, въ доказательство чего могутъ быть приведены слѣдующія соображенія: во-первыхъ посвященіе храма происходило именно въ иды сентября, въ первый годъ республики (509 г. до Р. Х.); во вторыхъ, согласно древнему обычаю глава республики въ этотъ день вколачивалъ гвоздь въ правую стѣну божницы Юпитера. Въ третьихъ: въ первые годы существованія республики консулы вступали въ свою должность въ иды сентября; наконецъ, такъ называемый Антиатскій календарь указываетъ на *epulum jovis*, справлявшійся именно въ этотъ день.

Жертвеннымъ животнымъ во время справленія римскихъ игръ, какъ и въ латинскихъ феріяхъ, — былъ молодой, бѣлой шерсти бычекъ, съ позолоченными рогами; въ честь же Юноны закалывалась также корова **). За жертвоприношеніемъ слѣдовалъ пирь, участниками котораго были всѣ высшіе сановники государства и сенатъ въ соприсутствіи трехъ капитолійскихъ божествъ, возлежавшихъ за трапезой на своихъ *pulvinaria* ***).

День *epuli jovis* въ капитолійскомъ храмѣ во все время существованія Рима оставался самымъ торжественнымъ празднествомъ римскаго календаря.

На ряду съ жертвоприношеніемъ и пиромъ не менѣе су-

*) T. Liv. I, 35. Plin. III, 5, 9; Cic. in Verr. V, 14, 36.

***) Serv. Verg. Aend. IX, 628.

***) Valer. Max. II, 1, 2.

шественную сторону капитолійскихъ празднествъ составляло торжественное шествіе въ циркъ и происходившія тамъ игры. Главную роль въ этой процессіи играла такъ называемая *quadriga*, везомая четырьмя лошадьми: она составляла неотъемлемый атрибутъ культа капитолійскаго Юпитера, будучи символомъ его могущества и залогомъ вѣчнаго благополучія и торжества Рима. Относительно этой колесницы, вылепленной изъ глины и помѣщавшейся въ нишѣ, на фронтонѣ капитолійскаго храма, существовала такая легенда: Тарквиній передъ посвященіемъ храма, незадолго до своего удаленія изъ Рима, велѣлъ установить эту квадригу въ Вейяхъ. Но при этомъ свершилось чудо: колесница никакъ не вмѣщалась въ нишѣ фронтона, но все болѣе и болѣе раздувалась и росла въ объемѣ такъ, что въ концѣ концовъ пришлось разобрать часть кровли и стѣны храма, чтобы такимъ образомъ высвободить колесницу изъ ниши. Прорицатели истолковали это чудо въ томъ смыслѣ, что обладателю квадриги предопредѣлено высочайшее могущество на землѣ, а потому вейенцы отказались выдать ее обратно Риму. Но вотъ, однажды, во время справлявшихся въ Вейяхъ конныхъ ристалищъ, колесница побѣдителя въ бѣшенномъ бѣгѣ умчалась изъ Вей въ Римъ, гдѣ побѣдитель у самага подножія капитолійскаго храма, при *Porta Ratumena*, былъ сброшенъ съ квадриги и испустилъ духъ. Испуганные этимъ знаменіемъ, вейенцы отказались требовать у римлянъ выдачи обратно колесницы, которая затѣмъ украсила собой фронтонъ капитолійскаго храма.

Послѣ квадриги второе мѣсто въ этихъ процессіяхъ по своему значенію занимали такъ называемыя *tensae*, повозочки, на которыхъ везли атрибуты (*exuviae*) капитолійскихъ божествъ во время шествія изъ Капитолія въ циркъ, гдѣ они были затѣмъ помѣщаются на особаго устройства ложѣ, устланномъ подушками, которое носило названіе *pulvinar*. Такимъ образомъ цирковыя игры, подобно пиру въ Капитоліумѣ, происходили какъ бы въ присутствіи самихъ боговъ*). Ат-

*) *Fest.*, p. 364.

трибуты Юпитера, фигурировавшіе въ этой процессіи, были: его перуны, слоновый скипетръ, украшенный орломъ, золотой вѣнокъ, пальмовая туника (*tunica palmata*) и узорчатая тога (*toga picta*)—т. е. символы всесвѣтнаго могущества, побѣды и триумфа.

Процессія, которой открывались *ludi circenses*, направлялась отъ капитоліума по форуму чрезъ такъ называемый *vicus Tuscus* къ Велабрамъ и къ цирку. Всѣ площади, улицы и длинныя галереи цирка, по которымъ двигалась процессія, были убраны сообразно праздничному торжеству и запружены массами зрителей. Центръ шествія образовали тензы (*tensae*) боговъ и притомъ впереди прочихъ—тензы капитолійской триады, везомыя мальчиками изъ наиболѣе знатныхъ фамилій. Во главѣ шествія, передъ тензами, ѣхалъ сановникъ, которому выпала эта честь, и который предсѣдательствовалъ на цирковыхъ играхъ; одинъ изъ государственныхъ рабовъ держалъ надъ его головой дубовый вѣнокъ изъ золота, украшенный драгоценными камнями. Одѣяніе его по своей пышности не уступало одѣянію триумфатора*). Позади и впереди священной процессіи двигались цѣлыя группы изъ дѣтей, юношей, мужчинъ, пѣшихъ и конныхъ, толпы музыкантовъ и множество танцоровъ, исполнявшихъ разные національные и воинственные танцы въ полномъ вооруженіи; наконецъ, конгрегаціи различныхъ жреческихъ коллегій и множество жертвенныхъ животныхъ замыкали собой шествіе. Словомъ, зрѣлище это представляло собою самое пестрое собраніе людей изъ всѣхъ классовъ общества, всѣхъ возрастовъ и всякихъ профессій.

Какъ самая процессія, такъ и цирковыя игры, непосредственно слѣдовавшія за ней, происходили 15-го сентября, такъ какъ 14-го сентября ближайшій день за идами, когда происходило жертвоприношеніе и пиръ, былъ опредѣленъ для испытанія лошадей, назначенныхъ къ состязаніямъ въ циркѣ (*probatio equorum*). Игры продолжались пять дней, съ 15-го по 19-е сентября. Позднѣе къ цирковымъ состязаніямъ были присое-

*) Т. Liv. V, 41.

динены сценическія представленія, первоначально во квусѣ этрурсковь, а съ 240-го г. до Р. Х. и произведенія греческой сцены, такъ какъ именно въ этомъ году, непосредственно за окончаніемъ первой Пунической войны, Ливій Андроникъ поставилъ на сцену свою первую пьесу. Сценическія представленія предшествовали религиозному торжеству въ день идѣ; и для нихъ было назначено девять дней передъ наступленіемъ идѣ, т. е., время отъ 4-го по 12-е сентября. Давались они курцивными эдилами, на обязанности которыхъ лежалъ и общій полицейскій надзоръ во все продолженіе празднествъ, тогда какъ веденіе самой процессіи и предсѣдательство на играхъ въ циркѣ первоначально входило въ кругъ обязанностей царя, а во время республики—консуловъ, въ періодъ же имперіи—императоровъ.

На ряду съ римскими играми у римскихъ писателей упоминаются *ludi magni* или *maximi*. Долгое время ихъ считали за одно и то же торжество *). Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи относящихся къ этому вопросу указаній выясняется, что *ludi magni* отличалась отъ римскихъ игръ тѣмъ, что они не были постояннымъ установленіемъ, но справлялись въ виду какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, по данному обѣту (*ludi votivi*), *ex voto*; такъ напр. при объявленіи войны давали обѣтъ въ случаѣ благополучнаго ея окончанія отпраздновать игры въ честь Юпитера, подателя побѣдъ. Въ первый разъ *ludi magni* были отпразднованы въ 496 году по случаю побѣды римлянъ надъ латинскими союзниками Тарквинія при Регильскомъ озерѣ. Въ первое время республики, до уравниенія правъ плебеевъ и патриціевъ, игры эти пользовались среди народа тѣмъ болѣею популярностью, что въ нихъ принимали одинаковое участіе оба сословія на равныхъ правахъ, почему онѣ и названы *ludi magni*, или, *maximi*. Празднество продолжалось девять дней. Какъ и *ludi Romani*, Большія игры состояли изъ жертвоприношенія, соединеннаго съ пиромъ, процессіи и цирковыхъ состязаній; но сценическихъ представленій во время этихъ игръ не было даваемо.

*) Cic. de Rep. II, 20, 35.

Кромѣ римскихъ и большихъ игръ существовали, также въ связи съ культомъ capitoлийскаго Юпитера, плебейскія игры (*ludi plebei*), справлявшіяся въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Какъ показываетъ самое ихъ названіе, *ludi plebei* первоначально были установлены исключительно для римскаго плебса и потому находились въ вѣдѣніи плебейскихъ магистратовъ, именно, плебейскихъ трибуновъ и эдиловъ. Неизвѣстно въ точности, по какому поводу и когда впервые были учреждены эти игры*), всего вѣроятнѣй происхожденіе ихъ связано съ вослѣдовавшимъ послѣ удаленія плебса на священную гору примиреніемъ между плебеями и патриціями, когда былъ прибавленъ одинъ новый день празднествъ и къ латинскимъ феріямъ.

Организація плебейскихъ игръ была совершенно та же, что и римскихъ: въ идын оября происходило жертвоприношеніе и *epulum jovis*; затѣмъ слѣдовали цирковыя состязанія, но не въ Большомъ циркѣ (*Circus Maximus*), а въ циркѣ Фламинія, а до его постройки на Марсовомъ полѣ. Жертвоприношенію предшествовали сценическія представленія. Все празднество продолжалось съ 4-го по 17-е ноября, при чемъ на сценическія представленія назначались восемь дней передъ идами; въ иды совершалось жертвоприношеніе и *epulum jovis*; наконецъ, три послѣднихъ дня праздниковъ, отъ 14-го по 17-е ноября, были посвящены на игры въ циркѣ, не сопровождавшіяся однако процессіей, имѣвшей мѣсто во время римскихъ игръ.

Наконецъ, существовали еще capitoлийскія игры *ludi capitolini*; но, какъ объ ихъ организаціи, такъ и объ обстоятельствахъ, благодаря которымъ онѣ возникли, мы весьма мало освѣдомлены. По свидѣтельству Эннія, Капитолийскія игры были основаны Ромуломъ по поводу посвященія имъ храма Юпитеру Феретрійскому. По показанію же другихъ писателей учрежденіе ихъ находится въ связи съ однимъ триумфомъ Ромула по поводу побѣды надъ вейентцами, происходившимъ въ октябрскія иды. Среди прочихъ плѣнныхъ, рассказываетъ преданіе, триумфъ этотъ украшалъ царь города Вей, старичекъ-карликъ,

*) *Ascon. in Verrem*, p. 143.

въ память чего въ процессіи, происходившей въ день Капитолійскихъ игръ, принималъ участіе старичекъ, облаченный въ царское одѣяніе и съ дѣтскимъ амулетомъ на шеѣ. По его вступленіи въ Капитолій, особый герольдъ торжественно приглашалъ его, мнимаго царька, къ куплѣ сардійцевъ*). Наконецъ, по свидѣтельствѣ Ливія (V, 50) Капитолійскія игры установлены въ память спасенія Юпитеромъ Капитолія во время галльскаго нашествія, при чемъ была учреждена Камилломъ особая коллегія, которая имѣла свое пребываніе на обѣихъ вершинахъ Капитолія,—храмовой и замковой (*arx et capitolium*) и вѣдала эти игры. Всѣ вышеприведенныя указанія доказываютъ существовавшее съ очень давняго времени въ Римѣ торжество въ честь Юпитера Капитолійскаго, какъ подателя побѣды и триумфа, справлявшееся въ октябрскія иды; но праздникъ этотъ имѣлъ мѣстный характеръ, такъ какъ, по видимому, участниками его были одни обитатели обѣихъ вершинъ капитолійскаго холма.

Изъ представленнаго обзора празднествъ, установленныхъ для чествованія Юпитера Капитолійскаго и тѣсно связанныхъ съ его культомъ, мы видимъ, что всѣ они носили характеръ военныхъ, побѣдоносныхъ торжествъ и триумфа. Съ другой стороны самый триумфъ въ его обыкновенномъ, болѣе тѣсномъ значеніи побѣднаго возвращенія въ городъ полководца-побѣдителя, изображалъ собой не одно только военное торжество, но и религиозное зрѣлище, имѣвшее своей цѣлью прославленіе того верховнаго владыки на капитолійскомъ холмѣ, представителемъ котораго являлся глава государства; изъ такого представленія о послѣднемъ какъ о замѣстителѣ на землѣ самаго Юпитера объясняется причина, почему консулы передъ вступленіемъ своимъ въ должность обязаны были приносить въ Капитолійскомъ храмѣ жертвы верховному божеству Рима, а передъ всякимъ отправленіемъ на войну произносить торжественные обѣты на капитоліумѣ передъ изображеніемъ Юпитера**).

*) Жители Вей, подобно прочимъ этрускамъ, считали себя потомками ливійцевъ. Plut. Rom. 25; Fest: p. 322: сравни также Liv. II, 14.

***) Liv. XLII, 49.

Тріумфъ такимъ образомъ являлся выполненіемъ этихъ обѣтовъ, произнесенныхъ полководцемъ Юпитеру передъ выступленіемъ въ походъ. Сбыкновенно тріумфаторъ во главѣ своего войска вступалъ въ городъ со стороны Марсова поля черезъ porta triumphalis. Здѣсь выходили къ нему на встрѣчу сенать, сановники государства и великое множество простыхъ гражданъ. Отсюда, именно отъ Тріумфальныхъ воротъ, шествіе направлялось черезъ циркъ Фламинія по forum Boarium къ Большому цирку (Circus Maximus). Затѣмъ, обойдя старый Палатинскій городъ, вступало на Священную улицу (sacra via) и по римскому форуму направлялось къ Капитоліуму, главному пункту всего торжества.

Порядокъ тріумфальной процессіи былъ слѣдующій: впереди выступали магистраты и сенать; за ними слѣдовала музыка; затѣмъ—длинный рядъ военной добычи, жертвенныя животныя, знатнѣйшіе военно-плѣнные, наконецъ, тріумфаторъ, представлявшій изъ себя живое подобіе капиталійскаго Юпитера, виновника побѣды и мощи, къ подножію котораго онъ позтому возложитъ теперь лавровую вѣтвь, тогда какъ всѣ прочія тріумфальныя отличія (insignia) будутъ храниться въ его семьѣ на память потомкамъ.

Какъ самая высокая, золоченная колесница тіумфатора, везомая четырьмя бѣлыми конями, напоминала квадригу Юпитера, такъ и все одѣяніе его: туника, съ вышитыми по ней пальмовыми вѣтвями, пурпуровая тога, вытканная золотомъ, слоновый скипетръ съ изображеніемъ орла, золотой, украшенный драгоценными камнями, вѣнокъ, осѣнявшій его голову, наконецъ, самое лицо тріумфатора, разрисованное сурикомъ на подобіе лица Юпитера—словомъ, все было живой копіей верховнаго капитолійскаго владыки.

Окруженный соратниками своей военной славы тріумфаторъ, поднявшись на Капитолій и оставивъ здѣсь свою колесницу, всходилъ по ступенямъ въ святилище, приближался съ благоговѣйной молитвой къ изображенію Юпитера и возлагалъ на его лоно лавровую вѣтвь. Затѣмъ слѣдовало жертвоприношеніе и пиръ, участниками котораго были сенать, высшіе са-

новники, а главнымъ лицомъ, конечно, виновникъ всего торжества, триумфаторъ. По окончаніи пира его съ подобающимъ почетомъ сопровождали домой, а затѣмъ онъ возвращался къ обыденной, будничной жизни прочихъ своихъ согражданъ.

Для полноты обзора культа капитолійскаго Юпитера слѣдуетъ указать на ту обстановку, которой былъ окруженъ священный Капитолій, это *terrestre domicilium Jovis*, по выраженію Цицерона (in Verr. IV, 58, 129) и разсмотрѣть послѣдующую историческую судьбу Капитолійскаго храма. Такой топографически-историческій экскурсъ въ связи съ вышеизложеннымъ описаніемъ чествованій верховнаго божества Рима послужить къ большому выясненію главной идеи, лежавшей въ основѣ этого культа, именно, апофеозы всесвѣтнаго политическаго владычества римскаго государства.

Изъ предметовъ, украшавшихъ Капитолійское святилище и храмовой дворъ (*area*), прежде всего слѣдуетъ упомянуть о безчисленныхъ обѣтныхъ подаркахъ, служившихъ частью выраженіемъ искренняго, благоговѣйнаго чувства гражданъ самаго Рима, частью знакомъ почтительности и страха чужеземныхъ народовъ, которые своими подношеніями верховной, божеской триадѣ Рима желали выразить свою преданность и вѣрность римскому государству. Такіе дары состояли обыкновенно изъ золотыхъ и серебряныхъ чашъ и другихъ принадлежностей культа; затѣмъ изъ золотыхъ вѣнковъ, изъ атрибутовъ и символовъ капитолійской триады, какъ-то: изъ вылитыхъ изъ золота перуновъ, квадригъ и тому подобныхъ предметовъ. Для храненія этихъ обѣтныхъ подарковъ были устроены на Капитоліумѣ спеціальныя кладовыя (*favissae*). Существовалъ также особый денежный фондъ капитолійскаго Юпитера, сохранявшійся въ казнохранилищѣ, устроенномъ подъ троннымъ сѣдалищемъ божества. Основаніе этому фонду было положено Камилломъ по удаленіи изъ Рима галловъ.

Не меньшее значеніе и интересъ представляли сохранявшіеся въ храмѣ въ назиданіе потомству вещественные и письменные памятники доблести какъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ и цѣлаго государства, какъ напр. почетные щиты, трофеи,

изображенія богини побѣды (Victoria) и надписи. Послѣднія состояли въ описаніи сатурійскимъ стихомъ военныхъ подвиговъ триумфаторовъ, нѣкоторые образчики которыхъ сохранилъ намъ Ливій. Къ нимъ принадлежитъ: 1) надпись, въ которой Квинцій Цинциннатъ сообщаетъ въ простыхъ и скромныхъ выраженіяхъ о своей побѣдѣ надъ Пренестой (380 г. до Р. Х.), одержанной по милости къ нему Юпитера и другихъ боговъ (Liv. VI. 24). 2) Надпись, оповѣщавшая о морской побѣдѣ Л. Эмилиа Регилла надъ флотомъ Антіоха (Liv. XL, 52). 3) Надпись Тиб. Семпронія Гракха, сопровождавшаяся образнымъ описаніемъ острова Сардіи и битвъ, которыя онъ тамъ имѣлъ (Liv. XLI, 28).

Множество храмовъ разныхъ боговъ и статуй ихъ окружало святилище Капитолійскаго Юпитера, какъ верховнаго своего владыки. За ними размѣщались изображенія и монументы знаменитыхъ мужей Рима, стяжавшихъ военную славу; наконецъ, здѣсь же были собраны художественныя произведенія ваятелей и живописцевъ греческихъ, которыя римскіе полководцы отсылали въ Римъ, какъ военную добычу. Особенно многочисленны были статуи заслуженныхъ мужей Рима, такъ какъ въ періодъ республики считалось величайшимъ почетомъ получить право поставить свое изображеніе на священномъ капитоліумѣ. Такъ здѣсь помѣщались статуи семи римскихъ царей, а подлѣ нихъ изображеніе Брута, рядомъ съ которымъ въ послѣдствіи была поставлена статуя Ю. Цезаря. Къ нимъ примыкали статуи другихъ знаменитыхъ мужей, такъ напримѣръ Л. Цецилія Метелла, побѣдителя при Панормѣ, который, будучи понтифексомъ, спасъ изображеніе Весты; Марка Эмилиа Лепида, Сципіона Африканскаго и брата его Луція, Кв. Марція Рекса и многихъ другихъ. Но наивышей между ними почести было удостоено изображеніе Публия Сципіона Африканскаго Младшаго (Эмилиана), такъ какъ оно было поставлено въ самомъ святилищѣ Юпитера, тогда какъ статуи другихъ мужей украшали собой храмовой дворъ (area). Такого высокаго почета онъ вполне заслужилъ, такъ какъ ни одинъ римлянинъ не сознавалъ въ такой степени величіе Капитолій-

скаго Юпитера и не вѣровалъ съ такимъ энтузіазмомъ въ его могущество, какъ Сципіонъ Эмилианъ. Еще будучи юношей, онъ каждое утро, едва начинало свѣтать, подымался отъ своего дома, расположеннаго у самаго подножія Капитолія, на холмъ и, войдя въ храмъ, останавливался передъ изображеніемъ Юпитера, сосредоточившись въ безмолвной, внутренней молитвѣ и спрашивая у него совѣта и помощи кнѣкъ для своихъ частныхъ дѣлъ, такъ и для блага всего государства. Не безъ основанія поэтому народныя вѣрованія приписывали ему сверхъестественное, божеское происхожденіе въ виду успѣховъ, сопровождавшихъ всѣ его начинанія.

Отмѣтимъ теперь важнѣйшіе историческіе моменты въ судьбахъ римскаго Капитолія. Древній храмъ, построенный Тарквиніями, просуществовалъ слинкомъ четыреста лѣтъ, именно, до 5-го іюля 83 г. до Р. Х., когда онъ сдѣлался жертвой ночного пожара. Это произошло въ самый разгаръ междоусобной войны между Маріемъ и Суллой, который сейчасъ-же и приступилъ къ его реставраціи. Но счастье посвященія возстановленнаго святилища выпало на долю Кв. Лутацию Катуллу (78 г. до Р. Х.). Древній, первоначальный планъ храма остался неизмѣненнымъ, но былъ выполненъ съ бѣльшимъ великолѣпіемъ; статуя Юпитера, совершеннѣйшая копія Зевса Олимпійскаго, была сдѣлана изъ золота и слоновой кости художникомъ Аполлоніемъ. Августъ, величайшій реформаторъ всего римскаго культа, былъ озабоченъ также украшеніемъ и возстановленіемъ Капитолія. Такъ между прочимъ онъ воздвигъ здѣсь новый храмъ Юпитеру Громовержцу (Jupiter Tonans) въ память бывшаго съ нимъ во время его похода въ Испанію въ 26 г. до Р. Х. такого случая: разъ ночью, когда Августъ находился во дворѣ, молнія, сопровождаемая страшнымъ ударомъ грома, упала такъ близко отъ носилокъ, на которыхъ возлежалъ императоръ, что ослѣпила его, а шедшій впереди съ факеломъ для освѣщенія пути рабъ былъ убитъ на мѣстѣ. Посвященіе храма происходило въ сентябрскія календы 22-го г. до Р. Х. и святилище это стало привлекать къ себѣ такое множество молящихся, что Старый Юпитеръ жаловался

на это основателю новаго храма, явившись ему въ сновидѣннн. Поэтому Августъ велѣлъ повѣсить на фронтонѣ новаго храма маленькіе колокола, желая этимъ показать, что Юпитеръ Громовержецъ исполняетъ какъ-бы роль привратника у Юпитера Капитолійскаго.

Недавно реставрированный храмъ вторично сгорѣлъ во время штурма вителианцами Капитолія, гдѣ укрылись приверженцы Веспасіана, устроивъ для защиты себя баррикады изъ статуй историческихъ дѣятелей, украшавшихъ храмовой дворъ. Едва Веспасіанъ успѣлъ возстановить святилище, какъ оно снова, въ 80 г. по Р. Х., при императорѣ Титѣ, было разрушено влѣдствіе громаднаго пожара. Въ 82 г. по Р. Х. Домиціанъ закончилъ возстановленіе сгорѣвшаго храма: тогда же имъ были учреждены Капитолійскія игры, состоявшія изъ состязаній музыкальныхъ, конныхъ и гимнастическихъ. Веспасіанъ имѣлъ особыя побужденія чтить Юпитера Капитолійскаго, такъ какъ онъ во время вышеупомянутаго штурма вителианцевъ, находясь на капитоліумѣ, едва могъ спасти свою жизнь; поэтому еще при жизни своего отца онъ поставилъ часовню съ алтаремъ Юпитера Спасителя (Jupiter Conservator, греческій Ζεὺς Σωτήρ) на томъ мѣстѣ Капитолія, гдѣ находился храмовый домъ, давшій ему убѣжище отъ вителианцевъ*); позднѣй, будучи уже императоромъ, Веспасіанъ воздвигъ тамъ же огромный, величественный храмъ Jovi Custodi.

Такимъ образомъ древній культъ Юпитера въ періодъ имперіи воскресаетъ, но въ то же время получаетъ нѣсколько иной характеръ. Какъ въ государственной жизни Рима въ эту эпоху императоръ становится центромъ всей политической жизни, такимъ же образомъ и въ капитолійскомъ святилищѣ личность его получаетъ исключительное преобладаніе. Въ началѣ каждаго новаго года, затѣмъ въ день рожденія царствующаго императора, а также въ день восшествія его на престолъ и во многихъ другихъ, исключительныхъ случаяхъ въ Капитолійскомъ храмѣ совершались жертвоприношенія и

*) Tacit. Hist. III, 74.

возносились моленія о немъ, какъ о главѣ государства, и о его благоденствіи. Статуями цезарей былъ переполненъ весь передній дворъ храма. Императоры, подобно консуламъ въ періодъ республики, шли во главѣ религиозныхъ процессій на капитолій и, возвращаясь изъ походовъ, прежде всего всходили на капитолійское святилище для принесенія благодарственныхъ жертвоприношеній и затѣмъ уже отбывали въ свой дворецъ на Палатинскомъ холмѣ. Равнымъ образомъ и триумфъ сталъ теперь исключительнымъ достояніемъ цезарей. Въ эту эпоху Юпитеръ чествуется преимущественно по его отношенію къ императорскому дому и въ этомъ смыслѣ призывается въ молитвахъ какъ Praeses orbis, Pacator orbis, Praepugnator, Tutator, Sponso, Saeculi Augusti.

Въ это же время культъ Юпитера смѣшивается съ восточнымъ культами, какъ напр. съ почитаніемъ Jovis Maximi Optimi Heliopolitani, Damasceni, Dolicheni и др. Такому смѣшенію національныхъ вѣрованій Рима съ чужеземными содѣйствовало не только одно перенесеніе въ Римъ чуждыхъ культовъ, но и обратное явленіе, именно, распространеніе почитанія римскаго Капитолія по всеѣмъ почти провинціямъ имперіи, такъ что вполне понятно, почему Капитолійскій Юпитеръ сталъ, наконецъ, представителемъ всего вообще язычества, и римскій Капитолій обратился въ пандемоніумъ всеѣхъ главнѣйшихъ божествъ языческаго міра. Еще долгое время послѣ окончательнаго торжества христіанства римскій Капитолій, по крайней мѣрѣ главный храмъ, реставрированный императоромъ Домиціаномъ, оставался цѣль и о немъ упоминается еще въ IX вѣкѣ по Р. X.

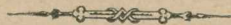
Мнѣнія великихъ писателей.

Графъ Л. Н. Толстой о переводахъ Гомера.

Съ утра до ночи учусь по гречески. Прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его. Для Гомера же нуженъ лексиконъ и немного напряженія. Жду съ нетерпѣніемъ случая показать комунибудь этотъ фокусъ. Но какъ я счастливъ, что на меня наслалъ Богъ эту дурь. Во первыхъ, я наслаждаюсь; во вторыхъ, убѣдился, что изъ всего истинно прекраснаго и простаго прекраснаго, что произвело слово человѣческое, я до сихъ поръ ничего не зналъ, какъ и всѣ— и знаютъ, но не понимаютъ. Ради бога, объясните мнѣ, почему никто не знаетъ басень Эзопа, ни даже прелестнаго Ксенофонта, не говорю уже о Платонѣ, Гомерѣ, которые мнѣ предстоятъ. Сколько я теперь ужъ могу судить, Гомеръ только изгаженъ нашими, взятыми съ нѣмецкаго образца, переводами. Пошлое, но невольное сравненіе: отварная и дистиллированная вода и вода изъ ключа, ломящая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ. А тотъ чортъ и поетъ и оретъ во всю грудь, и никогда ему въ голову не приходило, что кто-нибудь его можетъ слушать.

А. Фетъ.

[Мои Воспом. М. 1890. 225.]

не личныя глагольныя формы, каковыми они стали въ современномъ русскомъ языкѣ; да и вообще все личныя глагольныя формы на лъ, ла, ли, отъ всехъ глаголовъ, употребляющихся въ современномъ русскомъ языкѣ, суть причастія древнецерковно слав. языка, — а имъ авторъ приписываетъ признакъ конкретности и считаетъ возможнымъ выражать ими и предложенія и члены періода. Итакъ, признавая за личнымъ глаголомъ свойство выражать и члены періода и предложенія, нельзя отрицать этого свойства у причастія и дѣепричастія, когда они бываютъ сказуемыми въ такъ называемыхъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ, которыя выражаютъ не отдѣльныя логическія понятія, а цѣлыя мысли, какъ и полныя приложенія. Въ отношеніи конкретности, или наглядности, въ вырожденіи мысли пусть полное придаточное предложеніе преимуществуетъ предъ сокращеннымъ, которое, не смотря на то, что оно сокращено, не перестаетъ быть предложеніемъ. Впрочемъ, конкретность нельзя назвать безотносительнымъ достоинствомъ рѣчи. Конкретность или абстрактность выраженія мыслей зависитъ отъ свойствъ изображаемыхъ предметовъ: поэтическимъ образамъ, картинамъ, вообще описательнымъ сочиненіямъ свойственна конкретность, они изображаются, большею частію, отрывистой рѣчью; но въ разсужденіяхъ объ отвлеченныхъ предметахъ, въ свѣтскихъ ораторскихъ рѣчахъ, духовныхъ словахъ, гдѣ преобладаетъ рѣчь періодическая, приличнѣе пользоваться слогомъ отвлеченнымъ, абстрактнымъ. Кромѣ свойствъ изображаемыхъ предметовъ, на конкретность или отвлеченность слога вліяютъ свойства писателей, при чемъ каждый писатель въ своемъ стилѣ можетъ быть совершеннымъ. Такъ «рѣчь Карамзина, по общему справедливому признанію, отличается стройностію и изящностію, и этими высокими качествами вполне удовлетворяетъ эстетическому вкусу и чувству читателя» (стр. 198), хотя Карамзинъ очень часто употребляетъ въ своей рѣчи причастія и дѣепричастія, — «и съ именемъ «карамзинистъ» нынѣ соединяется понятіе о такомъ писателѣ, слогъ котораго имѣетъ названныя характеристическія качества, т. е. изящность и пріятность» (стр. 198).

Обратимся къ дѣленію періодовъ на простые и сложные и отличію между ними.

«Въ дѣленіи періодовъ на простые и сложные весьма много условнаго» (стр. 202). Приводя (стр. 171—172) различное число видовъ сложнаго періода, 7 — 10 — 11 — 12, авторъ говоритъ: «буквально ни въ одномъ школьномъ учебникѣ не объясняется, по какимъ основаніямъ въ сложномъ періодѣ указывается, напр. 12 или 10 родовъ, а не другое какое-нибудь число. Также ни въ одномъ учебникѣ не выясняется, почему только сложный періодъ можетъ быть разныхъ родовъ, простой же періодъ надраздѣленій имѣть не можетъ» (стр. 172). «Отличіе простаго періода отъ сложнаго по однимъ современнымъ школьнымъ учебникамъ зависитъ отъ главныхъ предложеній: одно главное съ придаточными или безъ нихъ дѣлаетъ періодъ простымъ, а нѣсколько главныхъ дѣлаютъ періодъ сложнымъ; по другимъ учебникамъ отличіе простаго періода отъ сложнаго заключается въ слѣдующемъ: въ простомъ періодѣ — одна мысль, въ сложномъ нѣсколько — одна глвная, другія второстепенныя, сопоставляемыя съ главной *). По инымъ школьнымъ учебникамъ въ сложномъ періодѣ разумѣются такія самостоятельныя предложенія **), которыя имѣютъ форму придаточныхъ предложеній» (стр. 199). «Большинство же начальныхъ учебниковъ различіе между простымъ и сложнымъ періодомъ полагаетъ въ количествѣ ***) сопоставляемыхъ мыслей» (стр. 200).

Начнемъ съ рѣшенія вопроса: почему простой періодъ не имѣетъ подраздѣленій (стр. 172)? Съ рѣшеніемъ этого вопроса тѣсно связано рѣшеніе другого вопроса: чѣмъ отличается простой періодъ отъ сложныхъ въ логическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ.

Съ логической стороны — въ простомъ періодѣ

*) Здѣсь основаніемъ для дѣленія періодовъ берутся отдѣльно — или грамматическая сторона, или логическая; указывать лучше ту и другую сторону, различая ихъ.

**) Лучше «мысли».

***) Въ приуствіи даже одной сопоставляемой мысли, не считан, конечно, тому.

должна быть одна главная, основная мысль (тема) но могутъ быть и подчиненныя ей мысли, закрывающія ее, или, лучше сказать, замѣняющія въ составѣ главной мысли; въ сложномъ же періодѣ можетъ быть нѣсколько мыслей (не менѣе двухъ): одна изъ нихъ главная основная (тема), другія—сопоставляемыя съ главной, которыя тоже самостоятельныя мысли, но онѣ присоединяются къ главной для выясненія какой-либо стороны ея: представляютъ причину или слѣдствіе къ темѣ, мысль противоположную темѣ или согласную съ ней; указываютъ на цѣль дѣйствія и образъ его совершенія; наконецъ, въ сложномъ періодѣ могутъ выражаться мысли, изображающія факты или явленія въ послѣдовательномъ порядкѣ по времени или мѣсту. Мысли, сопоставляемыя съ главной, въ сложномъ періодѣ, не раскрываютъ отдѣльныхъ понятій, входящихъ въ простомъ періодѣ, но объясняютъ ее во всемъ ея объемѣ.

Съ грамматической стороны—въ простомъ періодѣ должно быть одно главное предложеніе, распространенное отдѣльными членами и цѣлыми придаточными предложеніями; въ сложномъ же періодѣ могутъ быть два главныхъ предложенія и болѣе, но можетъ быть и одно главное съ придаточными; но придаточныя въ сложномъ періодѣ нужно отличать отъ придаточныхъ въ простомъ періодѣ: въ послѣднемъ придаточныя предложенія служатъ лишь къ развитію членовъ главнаго предложенія, замѣняя второстепенныя члены предложенія (опредѣленія, дополненія и обстоятельства); въ сложномъ періодѣ могутъ быть точно такія же предложенія, т. е. замѣняющія простые члены, но въ немъ бываютъ еще и другія придаточныя предложенія, которыя, относясь непосредственно къ главному (т. е. выражая сопоставляемыя мысли), не объясняютъ или не замѣняютъ второстепенныхъ его членовъ, а соотвѣтствуютъ главному предложенію всѣмъ своимъ составомъ. Сопоставляемыя мысли въ сложномъ періодѣ могутъ выражаться и главными предложеніями и придаточными, объясняющія же мысли въ простомъ періодѣ могутъ быть выражены только придаточными предложеніями. Слѣдовательно, сложный періодъ не можетъ выражаться простымъ предложе-

ніемъ, а простой періодъ не бываетъ сложно-сочиненнымъ предложеніемъ. Объяснимъ это на примѣрахъ.

«Участь человѣка, одареннаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого дѣла, которое заняло бы всѣ до единой его способности, тяжелѣе участи послѣдняго бѣдняка» [Гоголь]. Этъ періодъ простой: въ немъ одно главное предложеніе и два придаточныхъ опредѣлительныхъ—первое опредѣляетъ подлежащее «человѣкъ», второе опредѣляетъ дополнение «дѣло»; но ни то, ни другое предложеніе не соотвѣтствуетъ, въ полномъ своемъ составѣ, главному, такъ что во всемъ періодѣ, при одномъ главномъ предложеніи, и одна главная мысль: участь даровитаго, но не занятаго человѣка тяжелѣе участи бѣдняка. Такимъ образомъ, придаточныя предложенія направлены къ объясненію отдѣльныхъ членовъ главнаго предложенія и не выражаютъ собою мыслей, сопоставляемыхъ съ главной.

«Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
 Когда росой обрызганный душистой
 Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
 Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
 Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —
 Тогда смиряется души моей тревога,
 Тогда расходятся морщины на челѣ,
 И счастье я могу постигнуть на землѣ,
 И въ небесахъ я вижу Бога» [Лермонтовъ].

Главная мысль въ этомъ сложномъ періодѣ слѣдующая: поэтъ чувствуетъ себя спокойнымъ, счастливымъ и набожнымъ; мысль это выражается главными предложеніями. Сопоставленные съ ней мысли выражаютъ причину такого ду-

шевнаго состоянія поэта: умиротворяющее дѣйствіе производятъ слѣдующіе предметы природы: нива, лѣсъ, малиновая слива (въ саду, 1-я картина), ландышъ (2-я картина) и ключъ (3-я карт.). Сопоставляемыя мысли объясняютъ главную во всемъ ея объемъ, выражаются придаточными предложеніями обстоятельства времени, которыя всѣмъ своимъ составомъ соотвѣтствуютъ главному предложенію.

Изъ вышеуказаннаго понятно, что простой періодъ, какъ заключающій въ себѣ съ логической стороны одну мысль, а съ грамматической—одно главное предлошеніе, подраздѣленій имѣть не можетъ.

Что касается дѣленія, или группировки, сложныхъ періодовъ, то обратимся сначала къ разбираемой статьѣ.

«Причинные и заключительные періоды суть одни и тѣ же: въ причинномъ слѣдствіе стоитъ во 2-й половинѣ, а въ заключительномъ—въ 1-й». Примѣръ: «Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго,—ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило у него высокое выраженіе». Измѣненіе этого примѣра: «Сквозитъ невидимо сквозь презрѣнное прекрасная душа создавшаго, презрѣнное уже получило высокое выраженіе,—слѣдовательно, въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго» (стр. 205). Приведа примѣры, авторъ не указалъ, который періодъ причинный и который заключительный. Если 1-й причинный, а второй заключительный (какъ мы думаемъ); то мѣстоположеніе причины и слѣдствія будетъ обратное тому, какое предлагаетъ авторъ, именно: слѣдствіе въ причинномъ періодѣ въ 1-й половинѣ, а въ заключительномъ—во 2-й. Но лучше отличать причинные періоды отъ заключительныхъ не потому, въ которой половинѣ находится слѣдствіе или причина (они могутъ находиться и въ той и въ другой половинѣ, безъ различія), а по тому, чѣмъ служить основная, главная мысль (тема)—причиной или слѣдствіемъ; если тема служить причиной, и изъ нея выводится

слѣдствіе, то періодъ заключительный; если же тема служить слѣдствіемъ, и къ нему подыскивается причина, то періодъ причинный. «Раздѣлительный періодъ иногда относится къ условному, иногда къ причинному» (стр. 205). — По внутреннему отношенію мыслей и внѣшнему ихъ выраженію, этотъ періодъ имѣетъ сходство со многими періодами: въ немъ приводится или нѣсколько причинъ, или нѣсколько слѣдствій, нѣсколько условій и вообще нѣсколько какихъ-либо обстоятельствъ, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности представляется одинаково возможнымъ. Напр.

1) Россія должна была отстать отъ другихъ европейскихъ государствъ въ просвѣщеніи, или потому, что въ ней не было задатковъ къ просвѣщенію, или потому, что она не желала просвѣщенія, или потому, что была задержана независящими отъ нея обстоятельствами.

Періодъ раздѣлительно-причинный.

2) Кто строгъ къ другимъ и снисходителенъ къ себѣ, тотъ или знаетъ себя менѣе, чѣмъ другихъ; или — другихъ менѣе, чѣмъ себя; или, наконецъ, не знаетъ достаточно ни себя, ни другихъ.

Періодъ раздѣлительно-заключительный.

3) Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ, —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ [Пушкинъ].

Періодъ условно-раздѣлительный.

4) Крыловъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то онъ возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ насъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ насъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ [Жуковскій].

Періодъ раздѣлительно-изяснительный.

И слѣдующій періодъ такой же, съ тѣмъ только разли-

чѣмъ, что въ немъ тема уясняется не указаніемъ на образъ совершенія дѣйствія, а на цѣль его.

Государство, оставивъ Бога, можетъ быть нѣкоторое время предоставлено самому себѣ, по закону долготерпѣнія, или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе показанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконій [Филаретъ]. Но приведенный авторомъ примѣръ (стр. 205):

«И святъ о Боже! твой избранникъ.

Мечомъ ли руку ополчить,

Велѣній Господа посланникъ,

Онъ исполина сокрушить», —

заключаетъ въ себѣ одно условіе, выбора тутъ нѣтъ; поэтому періодъ этотъ --- условный, а не раздѣлительный.

«Уступительный періодъ относится [къ противительному]... (стр. 205) и къ винословному (мы прибавимъ), потому что въ немъ тема представляетъ слѣдствіе, противоположное тому, какого мы могли бы ожидать, на основаніи сопоставляемой мысли. Напр.

Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, одякожъ ему должно раскрыться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ [Карамзинъ].

Если талантъ есть вдохновеніе природы, то отсюда естественное слѣдствіе было бы — не нужно учить и упражнять его; но въ данномъ примѣрѣ, какъ и во всякомъ уступительномъ періодѣ, приведено слѣдствіе совершенно вродивоположенное. «Такимъ образомъ, главные виды сложнаго періода, говоритъ авторъ, суть слѣдующія: причинный, условный, послѣдовательный, сравнительный, противоположный и изъяснительный. Всѣ другіе виды сложныхъ періодовъ должны быть относимы къ шести перечисленнымъ» (стр. 207).

Въ причинныхъ и условныхъ періодахъ мысли относятся другъ къ другу, какъ причина къ слѣдствію: только въ причинномъ слѣдствіе и причина представляются, какъ факты, а въ условномъ—какъ предположенія. Какъ сходные, эти періоды лучше отнести къ одному виду. Точно также сравнительные и изъяснительные считать за отдѣльные виды

нельзя; въ изъяснительныхъ періодахъ тема уясняется указаніемъ или цѣли, или образа дѣйствія,—а послѣдній и изображается въ сравнительномъ періодѣ.

При группировкѣ періодовъ главнѣе всего найти точку опоры. На стран. 190-й авторъ говоритъ: «въ логическомъ отношеніи сложное грамматическое предложеніе, сравнительно съ простымъ, представляетъ отношеніе причины и слѣдствія, или наоборотъ». И въ другомъ мѣстѣ (стр. 204) онъ говоритъ тоже: «въ сложномъ періодѣ непременно есть соотвѣтствіе между причиною и слѣдствіемъ». Дѣйствительно, причинная связь въ рѣчи — связь преобладающая; ее и нужно взять, какъ точку опоры, при дѣленіи сложныхъ періодовъ на виды. Возьмемъ самое большое число ихъ, 12, и покажемъ, какъ ихъ можно сгруппировать. Виды эти слѣдующіе: причинный, заключительный, условный, относительный, раздѣлительный, соединительный, уступительный, противоположный, изъяснительный, сравнительный, послѣдовательный и смѣшанный. Послѣдній періодъ, какъ заключающій въ себѣ соединеніе отдѣльныхъ видовъ періодовъ, нельзя подвести подъ одну точку зрѣнія съ прочими; поэтому рѣчь о немъ будетъ впереди,—рассмотримъ сначала отдѣльные виды.

Приведемъ примѣры періодовъ — 1) причиннаго, 2) заключительнаго, 3) условнаго, 4) раздѣлительнаго и 5) относительнаго.

1) Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно грекамъ и римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелью народа русскаго, а побѣда — вѣстницею бытія его [Карамзинъ].

2) Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, и людей отъ раздоровъ и преступленій: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно и приближать счастливую эпоху порядка, мира и благоденствія [Карамзинъ].

3) Если бы монголы сдѣлали у насъ то же, что въ Китаѣ и Индіи, или что турки въ Греціи: если бы, оставивъ степь и кочеваніе, переселились въ наши города, — то могли бы существовать и донинѣ въ видѣ государства [Карамзинъ].

4) Большою частію рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ главныхъ погрешностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ его непослѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности; или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи [Давыдовъ].

5) Когда подумаешь о природѣ, окружавшей древнихъ грековъ; когдаобразишь, въ какой близкой связи съ свободной природой находился этотъ народъ подъ своимъ счастливымъ небомъ, какъ его нравы ближе подходили къ простой природѣ, и какое вѣрное отраженіе ея представляютъ произведѣнія его поэзіи, — тогда покажется страннымъ, отчего встрѣчается у него такъ мало слѣдовъ того сантиментальнаго сочувствія, съ которымъ мы, новые народы, увлекаемся картинами природы и всматриваемся въ ея фізіономію. (Изъ Шиллера).

Сравнивая между собою эти пять періодовъ, мы видимъ, что во всѣхъ ихъ, съ логической стороны, раскрывается винословное отношеніе мыслей, слѣдовательно, всѣхъ ихъ можно назвать однимъ общимъ именемъ «винословные періоды». Итакъ, изъ пяти видовъ составитя одинъ съ подраздѣленіями.

Уступительный періодъ занимаетъ средину между винословнымъ и противоположнымъ, такъ какъ онъ тому представляетъ слѣдствіемъ, противоположнымъ сопоставляемой мысли, какъ причины. Напр.

И хоть безчувственному тѣлу
 Равно повсюду истлѣвать,
 Но ближе къ мплону предѣлу
 Мнѣ все бь хотѣлось почивать [Пушкинъ].

Согласно съ словами автора: «каковъ бы по формѣ ни былъ уступительный періодъ, въ немъ всегда есть свойство противоположности» (стр. 206), мы отнесемъ его къ противоположному, назвавъ нхъ оба вмѣстѣ періодами противительными.

Въ изъяснительныхъ періодахъ тема уясняется указа-

ніемъ на образъ дѣйствія въ соединеніи или 1) съ слѣдствіемъ, или 2) съ цѣлю. Напр.

1) Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечомъ и пламенемъ княжескихъ междоусобій, такъ что въ XIII вѣкѣ мы уже отстали отъ державъ западныхъ въ государственномъ образованіи [Карамзинъ].

2) Духъ чистѣйшаго незлобія и кроткости долженъ проникать величавыя рѣчи старца, такъ чтобы молодежь ничего не нашлась сказать въ возраженіе, почувствовавъ, что неприличны будутъ ея рѣчи, и что сѣдина есть уже святыня. [Гоголь].

Въ первомъ примѣрѣ образъ дѣйствія соединяется съ слѣдствіемъ, во второмъ — съ цѣлю. Указаніе на слѣдствіе сближаетъ эти періоды съ винословными, именно съ заключительнымъ. Только одинъ образъ дѣйствія указывается въ періодахъ сравнительныхъ. Напр.

Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, плѣняется созерцаніемъ своего внутренняго богатства; углубляется въ самое себя, оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоящимъ и находитъ способъ украшать одно другимъ [Карамзинъ].

Такимъ образомъ изъяснительные періоды подраздѣляются на собственно изъяснительные (указывающіе вмѣстѣ съ образомъ дѣйствія цѣль и слѣдствіе) и сравнительные (указывающіе только образъ дѣйствія).

Соединительный и послѣдовательный періоды составляютъ также подраздѣленія одного вида періодовъ — соединительныхъ, въ которыхъ представляется рядъ мыслей, раскрывающихъ тему и означающихъ или 1) совокупность явленій, или 2) ихъ послѣдовательность; въ послѣднемъ случаѣ періодъ и называется послѣдовательнымъ. Напр.

1) Карамзинъ не только усиливалъ въ современникахъ любовь къ чтенію, не только распространялъ литературное и историческое образованіе; но также возбуждалъ въ массѣ читателей религіозное и нравственное чувство, утверждалъ въ

нихъ благородный и честный образъ мыслей, воспламенялъ патріотизмъ [Гротъ].

2) Карамзинъ самъ совершенствуется съ своимъ временемъ: сначала онъ приноситъ дань школѣ писателей прошлаго вѣка; потомъ ищетъ вдохновеній въ Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гете*); наконецъ, удалившись отъ всѣхъ исканій свѣта, въ уединеніи, питающемъ умъ и сердце, воскрешаетъ предъ нами предковъ нашихъ, творитъ Палладіумъ народной славы — отечественную исторію [Давыдовъ].

Но и въ соединительныхъ періодахъ можно иногда указать причинную связь между повышеніемъ и пониженіемъ напр.

Іоаннъ III не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ только Украинскимъ, или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать повода къ измѣнѣ; но былъ и первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновлaстіемъ вѣнценосца [Карамзинъ].

Въ этомъ соединительномъ періодѣ мысль второй половины его (былъ истиннымъ самодержцемъ) вытекаетъ изъ первой (учредилъ единовластіе).

Такимъ образомъ, во многихъ періодахъ, если разсматривать ихъ съ логической стороны, преобладающею связью между повышеніемъ и пониженіемъ является отношеніе причины къ слѣдствію или наоборотъ. Если принять во вниманіе логическое основаніе, то всѣ разнообразныя виды періодовъ сложныхъ можно подвести подъ слѣдующія четыре группы: 1) винословныя періоды, 2) изъяснительныя, 3) противительныя и 4) соединительныя. Эти группы можно подраздѣлить на указанные выше виды, но не «по внутреннему смыслу предложеній (стр. 205), а по грамматической ихъ формѣ. Изъ дѣленія періодовъ на роды и виды ясно, что логическая и грамматическая стороны въ періодахъ (какъ и въ предложеніяхъ) весьма

*) Правописаніе по Гроту. «Рус. Правоп.», изд. 12, стр. 78.

тѣсно соединены между собою, — и вотъ почему ученіе о періодахъ вторгается въ область грамматики.

«Смѣшаннаго періода, по самой сущности рѣчи періодической, быть не можетъ» (стр. 205). Но разберемъ слѣдующій періодъ.

Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносозъ на измѣну, гдѣ страшились мести ляховъ и самозванца болѣе, нежели царя и закона, гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить день бытія своего и на часъ удалить гибель, — тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда государство едва существовало, и (когда) Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ правительству, безъ любви къ царю, — ибо москвитяне, нѣкогда усердные къ боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію — обвиненіе равно важное въ глазахъ народа [Карамзинъ].

Этотъ періодъ можно раздѣлить на три періода. Первый начинается словами: «гдѣ опасались не измѣны», и кончается словами: «призраку тишины и спокойствія», — это періодъ относительный, связь между половинами: гдѣ — тамъ. Второй періодъ нужно начать словами: «надлежало дивиться» и кончить словами: «безъ любви къ царю», — періодъ тоже относительный, связь: тогда (подразум.) — когда. Третій періодъ начать словами: «государство едва существовало» и до конца, — періодъ причинный, связь выражается союзомъ и бо. Графически расположеніе этого періода можно изобразить такъ:

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.	ВТОРОЙ.	ТРЕТІЙ.
Первая половина		
Вторая половина	Первая половина	
	Вторая половина	Первая половина
		Вторая половина

Изъ этого расположенія мы видимъ, что періоды въ этомъ отрывкѣ такъ переплетены между собою, что вторая половина 1-го періода служитъ первой половиной 2-го, а вторая половина 2-го періода служитъ первой 3-го, или вообще—вторая половина предыдущаго періода служитъ первой половиной послѣдующаго,—и всѣ связанные такъ періоды составляютъ одно цѣлое, маленькое сочиненіе. Такого рода соединеніе разнаго рода періодовъ въ одно цѣлое и принято называть смѣшаннымъ періодомъ.

Сказавши (стр. 205), что «смѣшаннаго періода, по самой сущности рѣчи періодической, быть не можетъ», авторъ все-таки приводитъ далѣе (стр. 206—207) въ примѣръ смѣшаннаго періода слѣдующій:

«Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междуособія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажные для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для грамматика, ни красотами для живописца; но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ». Приведя этотъ періодъ, авторъ говоритъ: «здѣсь два періода, а не одинъ сложный періодъ, именно союзъ «но» должно считать началомъ второго сложнаго періода» (стр. 207).—Извѣстно, что реченіе: «знаю, что», какъ и реченія: «положимъ, что», «допустимъ, что», «согласимся, что» и т. п. можно замѣнить союзами: хотя, пусть; сдѣлавъ эту замѣну, получимъ слѣдующія предложенія (періоды, по автору статьи): «хотя битвы нашего удѣльнаго междуособія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; хотя сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца»,—будутъ ли имѣть полный смыслъ эти предложенія, т. е. могутъ ли быть періодами? Нѣтъ, тутъ обѣ половины нужно соединить въ одно цѣлое, и это цѣлое будетъ сложный періодъ (уступительный), а не смѣшанный.

Съ этимъ разборомъ сопоставимъ разборъ другого отрывка изъ Карамзина, предложенный авторомъ (стр. 200—202). «Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить ста-

рость; однакожь не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ могъ утѣшить старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство. Можно ли хвалить болѣзнь! а старость сестра ея».

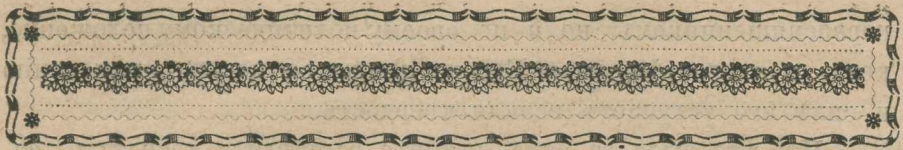
Въ этомъ отрывкѣ, послѣ перваго предложенія, вмѣсто точки съ занятой авторъ ставитъ точку, а предъ словами: «Можно ли хвалить»... оставляетъ точку, при чемъ говорить: «можетъ быть многіе не согласятся съ этимъ и скажутъ, что первое предложеніе рѣзко отдѣляетъ отъ втораго не слѣдуетъ, что всѣ три предложенія составляютъ періодъ» (стр. 202). — Да, всѣ предложенія этого отрывка, не исключая и послѣднихъ двухъ, отдѣленныхъ точкой, тѣсно связаны между собою, такъ что, не замѣняя точки съ занятой точкою послѣ перваго предложенія, лучше точку передъ словами: «Можно ли хвалить»... замѣнить двоеточіемъ, потому что слѣдующія послѣ нея мысли раскрываютъ предыдущую. Да и самъ авторъ справедливо говоритъ (стр. 200): «Основная мысль въ этомъ отрывкѣ слѣдующая: нѣтъ основаній хвалить старость. Частныя мысли, раскрывающія эту общую идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) по челоуѣколюбію Цицеронъ хвалитъ старость, 2) трактатъ его не можетъ утѣшить старцевъ, 3) остроуміе трактата плѣняетъ умъ, но не побуждаетъ естественнаго чувства, 4) нельзя хвалить болѣзнь, 5) а старость ея сестра. Всѣ эти частныя мысли находятся въ тѣсной связи между собою». Соглашаясь вполне съ выписанными словами автора, мы только прибавимъ, что въ отрывкѣ всѣхъ предложеній четыре: одно простое и три сложныхъ; первое къ второму находится въ уступительномъ отношеніи, второе къ третьему въ причинномъ, а четвертое—или тоже въ причинномъ отношеніи къ первому, или въ изяснительномъ къ третьему. Слѣдовательно, это—періодъ смѣшанный (уступительно-причинный). Разбирая далѣе этотъ отрывокъ, авторъ говоритъ, что всѣ вошедшія въ него предложенія суть періоды, при чемъ, сравнивая 1-е простое предложеніе со вторымъ сложнымъ, онъ не находитъ, съ логической стороны, никакой разницы между ними, видя въ томъ и другомъ отношенія причины и слѣдствія. Такимъ об-

разомъ, авторъ приходитъ къ неожиданному выводу, что простое предложеніе можетъ быть двучленнымъ (по Ломоносову и Востокову, стр. 201), т. е. сложнымъ, періодомъ, или, иначе говоря, въ простомъ періодѣ могутъ быть двѣ самостоятельныя мысли, съ чѣмъ согласиться нельзя: употребляемая въ первомъ (простомъ) предложеніи слова: «человѣколюбіе» и «хвалитъ» не сужденія, или мысли (которыя только и могутъ составлять предложеніе), а только логическія понятія, которыя могутъ быть развиты въ сужденія, — но тогда уже будетъ не простое предложеніе, каково первое; поэтому въ немъ не двѣ мысли, а одна, слѣдовательно, не выходитъ, что сложный періодъ можетъ выражаться простымъ предложеніемъ (стр. 201). Разбирая второе предложеніе, авторъ говоритъ, что въ немъ находятся четыре предложенія. Если судить о составѣ періода по суммѣ простыхъ предложеній, въ него входящихъ, то второе предложеніе есть четырехчленный періодъ, какъ придется назвать его, согласно ученію Ломоносова и Востокова (стр. 199). Но можно ли съ этимъ согласиться?» (стр. 201).—Отсюда видно, что самъ авторъ, принявъ теорію Ломоносова и Востокова, что простое предложеніе — простой періодъ, сложное — сложный, сомнѣвается въ этомъ, ставя вышеприведенный вопросъ.

Для полноты рѣшенія вопроса — въ чемъ заключается ненормальность постановки учения о періодахъ — намъ остается разсмотрѣть взглядъ автора на такъ называемую отрывистую рѣчь, на союзныя реченія, употребляемая въ періодахъ, на знаки препинанія въ нихъ и на произношеніе періодовъ. Съ точки зрѣнія автора, признающаго «всякую рѣчь, и краткую, и сложную, за періодъ» (стр. 192), не можетъ быть дѣленія рѣчи на отрывистую, періодическую и смѣшанную, о которыхъ мы выше сказали. Дѣйствительно, объ отрывистой рѣчи авторъ говоритъ только по поводу разбора учения о періодахъ Востокова. Сравнимъ опредѣленіе рѣчи отрывистой Востоковымъ и современными школьными учебниками, со словъ автора. «Отрывистую рѣчь Востоковъ опредѣляетъ такъ: «Когда рѣчь состоитъ изъ краткихъ предложеній, зависящихъ по смыслу одно отъ другого, но не соединенныхъ союзами,

тогда называется отрывистою рѣчью, напр. «Время драгоцѣнно; ничѣмъ не можно замѣнить его; оно проходитъ скоро; возвратить или остановить теченіе его не въ нашихъ силахъ; не беречь онаго худо; употреблять во зло еще того хуже» (стр. 179). «Взглядъ Востокова на отрывистую рѣчь, говоритъ авторъ, перешелъ цѣликомъ въ школьную учебную литературу, въ которой всѣ независимыя другъ отъ друга предложенія, рядомъ стоящія въ рѣчи, называются въ своей совокупности рѣчью отрывистою» (стр. 180). Сопоставляя слова Востокова съ словами автора, который передаетъ взглядъ на отрывистую рѣчь «школьной учебной литературы», мы находимъ между ними существенную разницу: Востоковъ отрывистою рѣчью называетъ «предложенія, зависящія по смыслу одного отъ другого», а авторъ — «независимыя другъ отъ друга». Первые т.-е. «зависящія по смыслу одно отъ другого», предложенія, въ противоположность имѣнію Востокова, могутъ образовать періодъ. И авторъ справедливо вышеприведенный примѣръ Востокова на отрывистую рѣчь признаетъ періодомъ, измѣнивши въ немъ знаки препинанія слѣдующимъ образомъ: «Время драгоцѣнно: ничѣмъ не можно замѣнить его, оно проходитъ скоро, возвратить или остановить теченіе его не въ нашихъ силахъ, не беречь онаго худо, употреблять во зло еще того хуже» (стр. 180). «Независимыя же другъ отъ друга» краткія предложенія, о которыхъ отъ лица «учебной литературы» говоритъ авторъ (стр. 180), и составляютъ такъ называемую отрывистую рѣчь. Напр.

«Климатъ арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, покрывающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города, но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ ковшикъ на цѣпи, и добрые мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саганъ-ду» [Пушкинъ].

Папство и свѣтская власть въ XI, XII и XIII вѣкахъ.

А. Громачевскій, Таганрогъ.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены представить историческій обзоръ, противолѣвствія государей западной Европы вмѣшательству папъ въ свѣтскія дѣла ихъ государствъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ.

Изложеніе притязаній римскаго первосвященника на свѣтское значеніе и вмѣшательства его въ свѣтскія дѣла христіанскихъ государей западной Европы, а съ другой стороны борьбы гражданской власти за свои права съ церковью вводитъ насъ въ самый центръ средневѣковой исторіи, разоблачаетъ самую любопытную и интересную ея сторону. Съ одной стороны, дѣло касается представителей гражданскихъ обществъ, ихъ взглядовъ, понятій и убѣжденій. Съ другой стороны, положеніе въ тогдашнемъ мірѣ римскаго первосвященника, — это огромное политическое зданіе іерархіи римской, колоссальный памятникъ политическаго ума, какъ бы оно ни было извѣстно уже всякому, сколько-нибудь знакомому съ исторіей, никогда не перестанетъ быть однимъ изъ главныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ изученія въ эпохѣ, въ которую весь западный христіанскій міръ группируется и сосредоточивается около римскаго престола не по одной только религіозной или нравственной связи съ своимъ

первосвященникомъ, но и по своему политическому положенію, когда вся просвѣщенная Европа движется по его мановенію и силѣ его уступаетъ всякая твердость.

Что это была за сила, которая заставляла трепетать самихъ императоровъ западнаго міра, приводила въ мертвое оцѣпененіе цѣлые народы? Откуда взялись эти безгласные, безжизненные народы, не способные ни къ какому протесту противъ насилія и деспотизма, куда дѣвалась ихъ политическая самостоятельность?

То было время темное, время, въ которое болѣе чѣмъ когда-либо чувствовался недостатокъ просвѣщенія, отсутствіе зрѣлаго самостоятельнаго мышленія, и политическаго развитія, время, въ которое первую роль въ умственной жизни народовъ играла прихотливая и суевѣрная фантазія. Это было время такого же не зрѣлаго политическаго устройства обществъ, какъ косно и неправильно совершилось развитіе и умственной жизни народовъ,—время разложенія на свои элементы прежняго политическаго зданія, наслѣдованнаго отъ древнеисторическихъ народовъ, и періодъ броженія новыхъ элементовъ, новыхъ народностей, выступившихъ на поприще исторической дѣятельности. Наконецъ, то были народы, принявшіе проповѣдь Евангелія отъ римскаго первосвященника. Нельзя было-бы пожелать обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ для римскаго первосвященника, если-бы онъ теперь рѣшился дѣятельно заботиться о приобрѣтеніи свѣтскихъ владѣній своему престолу, свѣтскихъ преимуществъ, даже,—если бы онъ только дошелъ до этой мысли,—объ устройствѣ христіанской всемірной монархіи. На его сторонѣ было многочисленное и сильное если не своимъ нравственнымъ вліяніемъ на общество, то свѣтскими владѣніями и державными правами духовенство, отлично, сравнительно съ прочими сословіями, образованное и выдрессированное, вѣрное орудіе папской политики, со всѣми средствами входитъ не только во внутренній народный бытъ, въ расположеніе умовъ, но и въ убѣжденія совѣсти всѣхъ и каждаго; на его сторонѣ—санъ патріарха западныхъ церквей, къ которому рабски относились неразвитыя и часто искажае-

мыя, приурочиваемыя къ представленіямъ языческимъ, христіанскія понятія народовъ.

Конечно, какъ-бы ни были благопріятны внѣшнія обстоятельства, дѣло великое, планъ широко задуманный, никогда легко не обходится художнику. Не такъ легко политическое зданіе, какъ зданіе вещественное; не съ мертвымъ, безотвѣтнымъ матеріаломъ здѣсь приходится имѣть дѣло, а съ лицами, геройскими личностями и цѣлыми народностями. Но художникъ не бѣгаетъ трудовъ. Рано созрѣвшая политика римскаго престола не только видѣла всю выгоду положенія вещей въ Европѣ для своихъ личныхъ, интересовъ, — она уже издавна ожидала танихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ вождельнаго плода своей предусмотрительности. Сомнѣваться въ чистотѣ правственности дѣла было уже поздно, когда удачное начало, проводимое и развиваемое въ теченіе столѣтій, было уже близко къ состоянію наградить счастливаго обильными плодами. Такое сильное искательство, чести, славы, власти, свѣтскихъ удобствъ жизни водило политикою римскаго первосвященства, что оно не хотѣло видѣть никакихъ преградъ своему стремленію. Мы увидимъ, въ какую отчаянную борьбу съ императорскою властію вступали папы, еѣрные своей политикѣ, какъ мало заботились о нравственномъ достоинствѣ своего сана, о нравственномъ значеніи своемъ въ церкви, какъ мало дорожили своей жизнію.

Мы не будемъ разбирать ни тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя первоначально подали мысль римскому первосвященнику о возможности дать свѣтское значеніе апостольскому престолу, ни послѣдующей политики этого престола, которая изъ вѣка въ вѣкъ неизмѣнно и дѣятельно преслѣдовала свою постоянную цѣль — приобрѣтеніе внѣшняго величія церкви римской и главы ея, намѣстника апостольскаго. Это было дѣломъ не одного вѣга, не одного папы; это длинная исторія, которая тянется по крайней мѣрѣ съ VIII вѣка, если не восходитъ далѣе. Мы прамо относимся къ тому періоду исторіи папъ, когда вполне созрѣвшая политика римскаго престола выступаетъ съ рѣшительными мѣрами къ выполне-

нію своихъ широкихъ плановъ, и первосвященникъ римскій восходитъ на высоту своего могущества,—посвящая особенное вниманіе вопросу, какъ понимались и принимались государями западнаго міра притязанія папъ на свѣтское владычество и вмѣшательство ихъ въ свѣтскія дѣла государствъ западной Европы въ VI, VII и VIII вѣкахъ.

Къ первой половинѣ VI вѣка мы находимъ церковь Римскую въ полномъ подчиненіи императору нѣмецкому. Папы утверждаютъ на своемъ престолѣ императорами. Хотя, въ свою очередь, и императоры все еще принимаютъ корону изъ рукъ римскаго первосвященника, но это коронованіе въ Римѣ теперь нужно было развѣ только для полноты титула императора нѣмецкаго. Папы же сами заботились о томъ, чтобы соблюденіемъ обычая, хотя-бы то и потерявшаго свое прежнее значеніе, подкрѣпить внѣшнее свидѣтельство величія своего престола; имъ постоянно нужна была опора во власти императорской чтобы пріучить итальянскихъ вельможъ къ повиновенію, пока еще не былъ прочно утверждень политическій престолъ первосвященника. Оттонъ III и Генрихъ II были для нихъ необходимы, какъ могущественные покровители. Послѣдній пользовался уже такимъ сильнымъ вліяніемъ на церковь, что предполагалъ даже произвести нѣкоторыя реформы въ ея внѣшнемъ устройствѣ. При Конрадѣ II церковь была почти въ томъ же положеніи относительно императора нѣмецкаго, какъ и при его предшественникахъ. При Генрихѣ III папы восходятъ на престолъ и оставляютъ его по волѣ императора. Въ 1046 г., на соборѣ въ Сутри, Генрихъ низложилъ трехъ соперничествовавшихъ папъ Бенедикта IX, Сильвестра III, Григорія и возвелъ на престолъ первосвященнической епископа Бамбергскаго, подъ именемъ Климента II, взявъ съ Рима клятвенное обѣщаніе, что впредь безъ его воли и согласія онъ не будетъ избирать папъ. Эта клятва и дѣйствительно имѣла свою силу въ продолженіи всего царствованія Генриха. За Климентомъ Генрихъ и еще возвелъ на престолъ папскій трехъ епископовъ также германскихъ, Дамаса II, Льва IX, Виктора II. Генрихъ былъ могущественнымъ властителемъ Рима и распо-

рядителемъ апостольскаго престола. Такое положеніе его въ Римѣ и покровительствуемое имъ положеніе нѣмецкихъ епископовъ на первосвященническомъ престолѣ римскомъ должно было, наконецъ, воззудить политическое соискательство въ церковной національности итальянцевъ.

Между тѣмъ, въ стѣнахъ монастыря судьба готовила достойнаго наслѣдника обширныхъ плановъ политики римскаго престола. Медленнымъ, но твердымъ шагомъ шелъ онъ къ цѣли своего призванія. Наконецъ, уже одна ступень отдѣляетъ отъ него званіе первосвященника, но онъ хочетъ лучше распорядиться избраніемъ пресвященника, чѣмъ занимать его престолъ. Ему еще не съ кѣмъ было имѣть дѣла, еще въ колыбели былъ его противникъ, борьбѣ съ которымъ посвятилъ онъ въ послѣдствіи своего генія, обширную опытность и глубокое знаніе политики; онъ медлилъ вступить на престолъ самъ, но между тѣмъ дѣятельно старался предварительно обезпечить права своего будущаго сана. Въ 1059 году Гильденбрантъ успѣлъ уже присвоить на будущее время право папскаго избранія однимъ кардиналамъ исключительно.

Только Гильденбрантъ, одинъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ, былъ способенъ отвѣчать своей строго послѣдовательною политической на современные вопросы Италіи, соблюсти ея интересы національные не въ ушербъ личной политикѣ своихъ предшественниковъ. Въ головѣ его сложился планъ не только достиженія личной независимости римскаго первосвященника отъ произвола свѣтской власти, и церкви римской отъ германскихъ императоровъ, но и положительнаго господства первосвященника надъ церковью, а церкви надъ всякимъ свѣтскимъ государствомъ. Какъ очевидно, по его плану прежде всего слѣдовало преобразовать духовное сословіе, на злоупотребленія котораго раздавались уже громкія жалобы, — слѣдовало возвысить его положеніе надъ обществомъ, упрочить это положеніе, какъ основаніе всего огромнаго зданія іерархіи, которая имѣла потомъ стать всемірною христіанскою монархіею. Но Григорій запоздалъ съ своимъ желаніемъ возвысить нравственное вліяніе клира на общество, нравственное возвышеніе

духовенства надъ положеніемъ свѣтскаго общества, чтобы на такомъ именно значеніи духовенства въ обществѣ, какъ единственно надежномъ основаніи, утвердить гражданское, правительственное значеніе апостольскаго престола. Глубокій знатокъ челоѳческой души, онъ не въ силахъ былъ, однако-же, возвысить нравственное значеніе глубоко павшаго клира; неудачами сопровождались на этотъ разъ его энергическія мѣры. Но неудачи не ескрушали его предпріимчиваго и рѣшительнаго духа; въ его рукахъ было много средствъ, которыя не казались ему непозволенными. Онъ взялъ на себя трудъ единственно собственной политикой возвысить положеніе духовенства: мѣра болѣе вѣрная для предпріимчиваго дѣятеля и болѣе легкая для его кліентовъ, которые не могли же не сочувствовать дѣлу, обѣщавшему имъ, уже пользовавшимся державными правами, положеніе независимое отъ власти императорской. Тѣ же самыя постановленія, которыя Григорій направлялъ противъ пороковъ духовенства, составлявшихъ основательную причину укоризнъ и упрековъ духовенству, онъ обратилъ теперь противъ свѣтскихъ государей, объявивъ ихъ право давать епископамъ инвеституру — симонію.

На соборѣ, 1075 г. въ Римѣ, онъ объявилъ запрещеніе духовенству; подъ страхомъ отлученія отъ церкви, принимать инвеституру отъ мірянъ. Посохъ, говорилъ папа, есть символъ власти пастырской, а перстень означаетъ духовный бракъ пастыря съ церковію; тотъ, кто сими знаками даетъ инвеституру, по смыслу символовъ, подаетъ Св. Духа; кто же не призванъ къ подаванію Св. Духа и даетъ инвеституру, тотъ симоніанинъ, еретикъ, — каковы государи современные, и во главѣ ихъ императоръ. Но въ сущности шло дѣло не о символахъ. Государи хорошо понимали это дѣло. Всѣ высшіе сановники духовные пользовались державными правами и владѣли землями, и поэтому самому уже должны были нести государственныя повинности; всѣ обязанности ихъ, какъ подданныхъ, по существовавшему порядку вещей, должны были являться подъ видомъ отношеній вассала къ ленному владѣльцу, государю. Если уже церкви непремѣнно хотѣлось

видѣть невозможнымъ нравственное исправленіе духовенства, не прерывая связи съ міромъ, то ей ближе было бы достигнуть своей цѣли, разорвавъ всѣ связи съ бытомъ свѣтскимъ, предоставивъ духовенству не графства и маркизства, а одну только духовную паству среди этихъ графствъ.

Немного требовалось ума, чтобы символъ гражданской власти объяснить какъ символъ власти папской, церковной: но не такъ легко было перевести самую власть изъ однихъ рукъ въ другія. Государи, для которыхъ право инвеституры казалось правомъ неотъемлемо имъ принадлежащимъ, для которыхъ оно служило нерѣдко единственнымъ средствомъ къ обезпеченію, — были въ необходимости отстаивать свои права, похищаемыя папою. Такимъ образомъ, первый шагъ римскаго первосвященника къ осуществленію вѣковыхъ плановъ политики своего престола долженъ былъ породить жестокую и продолжительную борьбу съ властію гражданской.

Не одни личные интересы руководили политикою государей въ борьбѣ съ притязательною властію папскою, точно также, какъ и папы не одни личные свои преслѣдовали интересы. Эта борьба, въ сущности, вытекала изъ современнаго развитія понятій, и современнаго положенія дѣлъ, какъ необходимое ихъ слѣдствіе. Государи защищали императорскую власть, которая стала уже видимо колебаться и обращаться въ пустую теорію; папы, пользуясь надѣлѣ равной властію съ императорскою, искали только подкрѣпить эту власть теоретическими соображеніями. Рано утвердился въ христіанскомъ мірѣ авторитетъ папы, авторитетъ тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ ближе онъ стоялъ къ понятіямъ и убѣжденіямъ народовъ, и чѣмъ болѣе на дѣлѣ, своимъ посредничествомъ между государями, какъ христіанами, охранялъ онъ миръ и благосостояніе обществъ, — авторитетъ религіозный. Какъ единственный патріархъ запада, видимая глава церкви христіанской, папа былъ попечителемъ всего западнаго христіанства, которому принадлежалъ постоянный контроль надъ всѣми дѣлами христіанства. Въ правѣ этого-то всеобщаго контроля надъ дѣлами христіан-

ства, издавна признаваемомъ, лежала уже причина усиленія духовной власти на счетъ свѣтской: какой угодно поступокъ, только бы это былъ поступокъ христіанина, какъ сына церкви, признавался подлежащимъ суду церкви. Высокое значеніе духовной власти такимъ образомъ должно было войти въ общественное народовъ и подчинить ихъ ея вліянію. По господствующимъ понятіямъ времени, власть императорская стояла такъ же высоко, какъ и власть папы въ дѣлахъ церкви, но это была власть чисто-свѣтская, хотя и ей принадлежали права на нравственное, духовное первенство въ государствѣ, какъ покровителю и защитнику церкви, пекущемуся о внутреннемъ благосостояніи церкви.

Та и другая власть, по современнымъ понятіямъ, относились къ общественной жизни, какъ душа и тѣло къ жизни недѣлимаго; императоръ и папа представляли собою двѣ главы одного и того же міра христіанскаго, свѣтскую и духовную. Въ этихъ-то понятіяхъ лежалъ уже задатокъ вѣковаго обоюднаго соперничества, вѣковой борьбы свѣтской власти съ духовною. Непостижимо связаны душа и тѣло въ одно гармоническое цѣлое, чтобы давать своимъ союзомъ, какъ результатъ, гармонію жизни: каждое дѣйствіе человѣка можно разсматривать какъ результатъ ихъ общей дѣятельности, такой впрочемъ, въ которой участіе, принимаемое тою или другою изъ нихъ, не можетъ быть схвачено съ точностью математической и опредѣлено непр ходимыми границами. Но это дѣло Творческой премудрости, которому напрасно думала бы подражать исторія въ организованиіи обществъ. Отношенія жизни государственной и церковной такъ сопроникаются взаимно, что представителямъ началъ той и другой необходимо было-бы для успѣшнаго благоустройства общества слиться въ одну волю, въ одну личность; и гаче имъ не было никакой возможности точно и опредѣленно разграничить права свои и осчастливить міръ гармонією христіанской нравственности и политическаго благоустройства, что испытала изображаемая нами эпоха. Папа смотрѣлъ на императора, какъ сына церкви римской, и какъ глава этой церкви, видѣлъ въ немъ своего подчиненнаго;

императоръ считалъ папу своимъ подданнымъ, какъ челоуѣка среди общества, въ которомъ онъ возвышается верховною своею властію, вытекающею изъ того же источника, какъ и власть папы*): тотъ и другой имѣли одинаковыя на это права.

Очевидно, что эти права могли имѣть силу и эти отношенія могли существовать на самомъ дѣлѣ только при одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, при равновѣсіи дѣйствительнаго положенія того и другаго въ одномъ и томъ же мірѣ христіанско-политическомъ. Стоило только одному пріобрѣсти перевѣсъ, и другой необходимо долженъ былъ потеряться. Мы уже говорили о томъ, какой вѣсъ имѣлъ въ обществѣ религіозный авторитетъ папы. Императора мы видимъ опирающимся въ своей власти почти исключительно на феодальную систему, на ленныя отношенія къ нему вассаловъ, и между ними — преимущественно сановниковъ духовныхъ, аббатовъ и епископовъ, лены которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могли сдѣлаться владѣніями наследственными.

Григорій VII, весьма хорошо понимавшій положеніе дѣла, на этотъ именно пунктъ и обратилъ свое особенное вниманіе, чтобы ослабить императорскую власть. Нравственное исправленіе духовенства было только предлогомъ къ началію дѣла. Генрихъ IV обѣщалъ ему, что будетъ стараться о пресѣченіи злоупотребленій, въ точности будетъ исполнять его предписанія и помогать ему въ низложеніи духовныхъ сановниковъ, возвысившихся симоніею. Но это были только обѣщанія, исполненія которыхъ напрасно сталъ бы ждать Григорій. Пять совѣтниковъ императора по этому дѣлу были преданы отлученію отъ церкви римскимъ сборомъ 1075 года, но Генрихъ не удалялъ ихъ отъ себя, какъ людей ему полезныхъ. Григорій заботливо предостерегалъ его письмомъ, въ которомъ писпосылалъ ему благословеніе апостольское въ случаѣ, если онъ послушенъ сѣдалищу апостольскому (*sedes apostolica*), какъ прилично христіанину, и изъявлялъ удивленіе, что онъ, по-

*) въ борьбѣ съ папами императоры постоянно ссылаются на ученіе св. Писанія объ отношеніяхъ христіанина къ власти гражданской.

слушный церкви въ своихъ письмахъ, своими поступками оказываетъ небреженіе къ апостольскому престолу и его опредѣленіямъ. Онъ, конечно, предугадывалъ, что такая деликатная и сдержанная переписка ни къ чему не поведетъ, но еще не рѣшался рѣзче и прямѣ высказаться противъ императора, выжидая благопріятнаго случая, который не замедлилъ представиться.

Въ могущественной Матильдѣ, маркграфинѣ Тосканской, въ ея слѣпой преданности римскому престолу, Григорій видѣлъ надежную себѣ защиту, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій государя; на его сторонѣ были храбрые норманны, которые, владѣя Апуліей, Калабріей и Сициліей, оказывали повиновеніе римскому престолу, какъ вассалы его и сыны римской церкви; саксонцы, угнетаемые деспотизмомъ Генриха, непримиримые враги своего императора, естественно, должны были стать на сторонѣ папы; наконецъ, въ рукахъ Григорія былъ обоюдоострый мечъ апостольскаго престола, мощное слово отлученія отъ церкви, предъ которымъ умолкало всякое сопротивленіе христіанина опредѣленіямъ своего первосвященника. Огражденный такимъ образомъ крѣпкою защитою со всѣхъ сторонъ, Григорій вмѣшивается въ дѣло Генриха съ саксонцами, и тѣмъ благовиднѣе, что Генрихъ своею жалобою на святотатство саксонцевъ, не пощадившихъ храма въ Гартсбургѣ, какъ бы самъ прибѣгаетъ къ его суду и посредничеству. Не смотря на то, что Генрихъ — первый обратился къ нему съ жалобою на саксонцевъ и требовалъ суда имъ по дѣлу чисто-церковному, Григорій не хотѣлъ удовлетворить его, и ожидалъ, пока саксонцы сами войдутъ на него съ жалобою къ папскому суду. Конечно, не безъ особеннаго отношенія къ политикѣ папскаго престола, вмѣстѣ съ жалобою на тиранство императора, стояло обвиненіе въ раздачѣ мѣстъ сановникамъ духовнымъ, или, какъ понималась она тогда въ Римѣ, въ симоніи. Это обстоятельство для выполненія обширныхъ плановъ политики Григорія послужило точкой отправления.

На Госларскомъ сеймѣ (1076 г.) уже положены были

мирныя условія, рѣшавшія дѣло Генриха съ саксонцами, какъ вдругъ папскіе легаты объявляютъ Генриху волю своего первосвященника, который зоветъ его въ Римъ на судъ по этому дѣлу, подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Генриху настало время заявить свои права и защитить ихъ отъ произвола папы. На сеймѣ Вормскомъ, въ Январѣ 1076 г., Генрихъ предложилъ собору германскихъ епископовъ разсмотрѣть, по какому праву Григорій занимаетъ первосвященнической престолъ, не бывъ утвержденъ въ своемъ избраніи согласіемъ императора, какъ это велось издавна, — и когда епископы нашли его похитителемъ престола, Генрихъ произнесъ папѣ низложеніе*). Тоже подтвердили и гальянскіе епископы, недовольные постановленіями Григорія относительно безбрачія духовенства, на соборахъ Пiacенскомъ (февр. 1076) и Павійскомъ (въ апр. того-же года). Григорій въ свою очередь произнесъ Генриху отлученіе отъ церкви, объявилъ его лишеннымъ престола и разрѣшилъ его подданныхъ отъ присяги ему въ вѣрности. Хотя при общемъ неудовольствіи на жестокости Генриха мѣра эта подѣйствовала такъ сильно, какъ желалъ Григорій, и доставила триумфъ папской власти въ Каноссѣ у Матильды, Генрихъ не хотѣлъ, однако-же, такъ дешево уступить папѣ права власти императорской и примиряясь къ папоу, вскорѣ думалъ дать ему новый отпоръ. Миръ состоялся на условіяхъ, чтобы Генрихъ оставилъ все права власти императорской, пока на имѣющемъ собраться для того сеймѣ не будетъ рѣшено, можетъ ли онъ остаться императоромъ. За это униженіе новая опасность угрожала Генриху со стороны короны Ломбардской, если онъ не разорветъ союза съ папоу. Уже самая папская политика, подъ влияніемъ которой германскіе князья, въ 1077 году, въ Форхгеймѣ избрали на мѣсто Генриха императоромъ Рудольфа Швабскаго, призывала Генриха къ защитѣ своего престола.

*) Отъ этого времени сохранилось интересное письмо императора къ Григорію, которое по окончаніи собора отправлено было къ папѣ; оно проливаетъ яркій свѣтъ на то, какъ понималъ императоръ права свои, какъ понималъ права папы и отношенія одной власти къ другой.

Впрочемъ, какъ Генрихъ не заявилъ папѣ своего разрыва съ нимъ, такъ и папа все еще оставался при своемъ мнѣніи, что дѣло Генриха еще ожидаетъ рѣшенія, по крайней мѣрѣ не хотѣлъ высказать до времени своего утверженія Рудольфу. Въ 1080 году, когда въ борьбѣ Генриха съ Рудольфомъ оказался перевѣсъ на сторонѣ послѣдняго, Григорій окончательно думалъ порѣшить дѣло Генриха, — снова объявилъ его лишеннымъ престола, и запретилъ подданнымъ оказывать ему повиновеніе. Генрихъ снова отвѣчалъ папѣ пизложениемъ въ Майнцѣ и за восстановление ему соперника въ Рудольфѣ — самому Григорію противопоставилъ антипапу въ Равенискомъ архіепископѣ Гибертѣ. Вскорѣ Генрихъ избавился отъ своего соперника Рудольфа (18 окт. 1080 г.), двинулся въ Италію для отмщенія обидъ своихъ Григорію, разбилъ охранявшее его войско маркграфини Матильды и заставилъ папу сначала заточиться въ крѣпости св. Ангела и удалиться потомъ въ Калаврію къ покровительствовавшимъ ему норманнамъ, поставивъ на мѣсто его Климента-Гиберта.

Не одна Германія была цѣлію политики Григорія VII, не одна императорская власть возмущала его честолюбіе. Къ честолюбію, которое едвали когда-либо достигало такой высоты, какой достигло теперь въ лицѣ римскаго первосвященника, присоединялось исканіе матеріальныхъ выгодъ. Мысль о всемірной монархіи, тяготящей къ престолу папы, какъ единственному центру, невольно вырывалась изъ устъ Григорія*). Не далѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ своего вступленія на первосвященнической престолъ, Григорій уже пишетъ испанскимъ вельможамъ, чтобы они, какъ скоро вытѣс-

*) Такъ въ актѣ римскаго собора, которымъ Григорій въ 1080 году низлагалъ Генриха и отдавалъ императорскую корону Рудольфу, читаемъ слѣдующее заключительное воззваніе, обращенное къ св. Ап. Петру и Павлу: „Agite nunc, quaeso, Patres et Principes sanctissimi, ut omnis mundus intelligat et cognoscat, quia, si potestis in coelo ligare et solvere, potestis in terra imperia, regna, principatus, ducatus, monarchias, comitatus et omnium hominum possessiones pro meritis tollere unicuique et concedere.“

нять сарацинъ изъ Испаніи, предоставили Испанію въ по-мѣстье престола св. Петра, какъ это было прежде (Бароній). Сардиніи также писалъ онъ, чтобы и она считала островъ свой между помѣстьями римскаго престола. Незнаемъ, увѣнчались ли на этотъ разъ полнымъ успѣхомъ желанія Григорія; а въ Англіи Вильгельмъ Завоеватель противопоставилъ папскому вліянію на свое государство свое собственное вліяніе. «Я обязанъ своею короною единственно Богу и мечу своему»: такъ отвѣчалъ онъ нунцію Григорія, предлагавшему признать верховную власть папы, — и когда папа потребовалъ отъ него воздаванія почестей подданнаго и податей, отвѣчалъ что «грошъ св. Петра», который съ давнихъ временъ высылался въ Римъ, онъ согласенъ высылать въ даръ римскому престолу, но не болѣе. Что же касается подданнической почести, которой требовалъ отъ него Григорій, то Вильгельмъ запретилъ своимъ подданнымъ даже посѣщать Римъ. Въ силу его постановленій ни одна духовная особа не могла безъ его соизволенія выѣзжать за границы его владѣній; безъ его согласія не могло состояться ни одного собора, не могла быть обнародована никакая булла папская, ни одинъ его подданный не могъ быть преданъ отлученію отъ церкви. Онъ самъ вводилъ въ ленное владѣніе своихъ прелатовъ посохомъ и перстнемъ и не позволялъ имъ никакой аппелляціи въ Римъ. Григорій былъ безсиленъ противъ этого могущественнаго государя, поддерживаемаго знаменитымъ архіепископомъ Кентембертскимъ-Лафранкомъ, который на папскій вызовъ въ Римъ вмѣстѣ съ прочими епископами отвѣчалъ Григорію, что на это нѣтъ воли короля.

Политикъ Григорія слѣдовалъ его ближайшій преемникъ Дезидерій, возведенный на престолъ по назначенію Солернскаго изгнанника Григорія норманнами и Матильдою, подъ именемъ Виктора III. Онъ возобновилъ опредѣленіе объ инвеститурѣ, которымъ низлагалъ съ престола всякаго императора, короля, герцога, маркиза, противящагося сему опредѣленію. Но смерть предупредила исполненіе опредѣленія; онъ умеръ на томъ самомъ соборѣ, на которомъ обнародовалъ под-

твержденіе Григоріевыхъ постановленій (1088). Продолжать борьбу съ коронами суждено было Оттону, епископу Остійскому, достойному Григорія ученику, который взошелъ на престолъ первосвящ. подъ именемъ Урбана II. Первымъ дѣломъ его политики было усилить средства папскаго престола къ борьбѣ съ императорскою властію, открытыя Григоріемъ VII. Урбанъ старался придать первосвященническому слову отлученія отъ церкви чудовищную силу: изъ императоровъ и королей дѣлать прокаженныхъ, которыхъ бы чуждались не только лица съ политическимъ значеніемъ, но и послѣдніе изъ подданныхъ. Гебгардъ, легатъ папскій, съ этой цѣлію отправленъ былъ въ Германію съ обнародованіемъ новыхъ проклятій не только на Генриха и его партію, но и на всѣхъ лицъ, которыя имѣютъ съ нимъ общеніе хотя бы то внѣшнее по необходимой обстановкѣ жизни. Чтобы усилить свою партію, Урбанъ въ 1089 г. сочеталъ бракомъ Маркграфиню Матильду («вторую Деворру», «дочь св. Петра», какъ называли ее писатели — приверженцы папы) съ Вельфомъ V, сыномъ герцога Баварскаго Вельфа IV, давняго врага Генриха IV.

Два года провелъ Генрихъ въ Ломбардіи вмѣстѣ съ Гиббертомъ, тѣсня владѣнія непріязненной ему Матильды и возведеннаго ея партіею папу Урбана; наконецъ онъ удалился въ Германію, оставивъ въ Италіи своего сына и наслѣдника Конради затѣмъ, чтобы онъ возвратилъ ему прежнія ему владѣнія, находившіяся въ рукахъ женщины. Но Матильда не даромъ получила отъ римскихъ писателей своего времени названіе «Девворы»: сына непримиримаго своего врага она съумѣла склонить на свою сторону по мысли папы, своего мужа и тестя. Урбанъ снялъ съ него отлученіе отъ церкви, и архіепископъ медіоланскій Ансельмъ возложилъ на него корону Италіи. Несчастливый Генрихъ созванъ сеимъ въ Германіи и лишилъ Конрада всѣхъ правъ наслѣдственныхъ въ пользу младшаго своего сына, Генриха V. Враждебная Генриху партія торжествовала, впрочемъ, не долго. Вельфъ вскорѣ развелся со своею прославленною дворомъ римскимъ Матильдою (1093); императорская партія въ Италіи снова

возвысилась; Павія, соперничествовавшая Милану, поддерживала Генриха, и самъ Конрадъ, низложенный въ Германіи, умеръ въ 1097 г. оставленный своими приверженцами въ Италіи.

Англія продолжала поддерживать свою независимость отъ римскаго престола. Соборъ англійскихъ епископовъ объявилъ Урбана похитителемъ престола и призналъ папою Климента; такъ какъ по англійскимъ постановленіямъ никто изъ епископовъ англійской церкви не долженъ былъ признавать папою кого либо другаго, кромѣ того епископа, котораго считалъ папою самъ императоръ. Вильгельмъ II явно былъ на сторонѣ Климента и не хотѣлъ пустить къ Урбану Ансельма, еп. Кентенбер., за полученіемъ отъ него палліума, считалъ, съ одной стороны, Урбана не законнымъ папою, съ другой стороны — право давать инвеституру — за собою.

Норманнскіе князья, считаясь вассалами римской церкви, едва ли не меньше всѣхъ были невольниками римскаго двора. Урбанъ хотѣлъ имѣть въ Сициліи какъ и въ другихъ помѣстьяхъ римскаго престола, легата, который бы на мѣстѣ представлялъ его особу и повелѣвалъ его именемъ. Но что сносили французскіе короли, того не потерпѣлъ норманнскій дворянинъ. Когда Урбанъ отправилъ въ Сицилію легата, графъ Рожеръ не допустилъ его къ исправленію должности посольской и дѣйствовалъ такъ рѣшительно, что папа разсудилъ предоставить власть скуилійскаго легата самому Рожеру и его преемникамъ. «Мы не поставимъ въ вашихъ областяхъ безъ вашего согласія легата Римской церкви, — гласила булла Урбана, — и желаемъ, чтобы то, что могли бы мы приказать въ нихъ выполнить нашему легату, было вами выполняемо такъ, какъ будто бы вы были нашимъ легатомъ».

Достойный преемникъ Урбана, Пасхалій II дождался, наконецъ, несчастной гибели главнаго врага папскаго престола, Генриха IV, противъ котораго вели войну уже три его предшественника. По обыкновенію, отлучивъ его отъ церкви, Пасхалій самъ взялся устроить несчастный конецъ Генриху, — подстрекнулъ послѣдняго Генрихова сына и наслѣдника

поднять оружіе противъ своего отца, подъ предлогомъ защищенія церкви, освободивъ его отъ тяготѣвшаго на немъ отлученія церковнаго и разрѣшивъ отъ присяги въ вѣрности отцу своему, императору. Генрихъ былъ предательски низложенъ своимъ сыномъ. Но папа напрасно думалъ пожикать плоды своей политики. Генрихъ V, возстановленный папою противъ своего отца, получивъ императорское достоинство, уже не хотѣлъ болѣе служить папѣ. Уже въ первые годы своего царствованія онъ оспариваетъ у папы право инвеституры, съ угрозою порѣшить этотъ давній споръ мечемъ. Въ 1111 году Генрихъ сочетался съ дочерью англійскаго короля Генриха I, который также оспаривалъ у Пасхалія право инвеституры, и увеличивъ такимъ образомъ свои силы, двинулся за Альпы за короной. Но такъ какъ Пасхалій соглашался удовлетворить его желанію только въ случаѣ, если онъ торжественно уступить церкви права инвеституры, то Генрихъ приказалъ схватить папу съ епископами и кардиналами во время самаго священнодѣйствія и всѣхъ, кто еталъ бы защищать его, положить на улицахъ Рима. Послѣ двухмѣсячнаго заточенія въ Сютри, Пасхалій склонился на его сторону. Въ день св. Пасхи, 1112 года, папа короновалъ Генриха и послѣ чтенія Евангелія на литургіи, предъ алтаремъ св. Петра и Павла, предъ глазами всѣхъ князей и вельможъ торжественно предоставилъ ему привиллегію пользоваться правами инвеституры епископовъ и аббатовъ. «*Domine Imperator, говорилъ папа, причащая св. даровъ Генриха, hoc corpus Domini, natum ex Maria virgine, passum in cruce pro nobis, damus tibi in confirmationem verae pacis inter te et me*»: *) это было вѣрнѣйшимъ залогомъ примиренія такъ долго враждовавшихъ главъ современнаго общества. Дѣло, однако же, приняло совсѣмъ другой оборотъ, чѣмъ можно было ожидать, судя по важности ручательства. Едва Генрихъ возвратился изъ Италіи, какъ противъ папы возстали епископы, неусыпно заботившіеся о своей независимости отъ короны императорской. Папа, опасаясь

*) Sigebert.

открыто нарушить клятву, предоставилъ дѣйствовать противъ Генриха собору, на которомъ объявилъ миръ съ императоромъ за вынужденный. Епископы и кардиналы возмутились противъ императора и имперскихъ князей. Со всѣхъ сторонъ неслись на Генриха отлученія отъ церкви. Въ Виеннѣ, что въ Дофинѣ, въ подвластномъ ему городѣ, онъ уже не считался императоромъ. Кононъ, легатъ папскій, отлучивъ его въ Иерусалимѣ, сзывалъ соборы для его низложенія въ Венгріи, Саксоніи, Лотарингіи и Франціи. Смерть Матильды, владѣнія которой Генрихъ считалъ настолько же своими, какъ и папа, привела, наконецъ, Генриха въ Римъ, а страхъ его оружія заставилъ Пасхалія бѣжать изъ Рима въ Апулію. Генрихъ снова принялъ императорскую корону изъ рукъ кардинала Бурдена, котораго и провозгласилъ папою. Пасхалій покушался было снова овладѣть Римомъ, по успѣха не было, — и онъ умеръ въ изгнаніи. Анаемы Геласія II и Каллиста II, а также постоянныя возмущенія князей заставили, наконецъ, Генриха смириться предъ престоломъ римскаго первосвященника и доставили торжество политикѣ римскаго двора утвержденіемъ всеобщаго мира съ потерей для императорской власти вліянія на духовенство. Генрихъ и еще покушался было возстановить свои права и отмстить врагамъ своимъ. Онъ не могъ простить Людовику VI того, что онъ далъ у себя убѣжище папѣ преслѣдуемому страхомъ Генрихова оружія еще въ самомъ началѣ Генрихова правленія, и искалъ только предлога отомстить ему; наконецъ въ 1125 г. онъ двинулся на него со своимъ войскомъ: только возмущеніе въ Германіи отозвало его домой, и смерть остановила его мщеніе.

Съ смертію Генриха V настало время безнаказаннаго вмѣшательства политики римскаго двора въ дѣла Германіи, впрочемъ не надолго. Зато Англія не переставала защищать права свѣтской власти отъ притязаній духовенства и ограничивать далеко простертыя права послѣдняго. Генрихъ II употреблялъ всѣ мѣры къ ослабленію значенія усиливавшагося духовенства въ Англіи, къ отнятію у него правъ неподсуди-

мости, противорѣчившихъ постановленіямъ гражданскимъ, и къ прекращенію обширнаго судопроизводства, которое присвоило оно себѣ, вмѣшиваясь почти во всѣ дѣла, на основаніи якобы постановленій церкви, или вѣрнѣе, римскаго двора. Въ Кларендонѣ, въ собраніи вельможъ и епископовъ въ 1164 г., онъ, между прочимъ, утвердилъ уже вошедшія въ обычай постановленія своихъ предшественниковъ, по которымъ церковныя преступленія должны быть судимы въ судахъ гражданскихъ, — по которымъ никакой вассаль, зависящій отъ короны непосредственно, не можетъ быть отлученъ отъ церкви безъ согласія державной власти, никто не имѣетъ права относиться къ папскому суду и выѣзжать изъ государства, безъ королевскаго разрѣшенія. Только неблагоприятныя для англійскаго правительства послѣдствія насильственной смерти Бекета, вскорѣ должны были подчинить Генриха папскому суду и заставили его отказаться отъ своего постановленія.

Могущественный Фридрихъ Барбаросса опять на нѣсколько лѣтъ возвысилъ значеніе императорской короны. «Нѣмецкая корона независима и передается по свободному избранію; имперія, съ Божіею помощію, возвысила церковь, и если послѣдняя хочетъ теперь разрушить имперію, то императоръ не потерпитъ такого незаконнаго вмѣшательства ея въ дѣла имперіи», отвѣчалъ Фридрихъ на двусмысленное письмо папы Адріана IV, въ которомъ Адріанъ напоминалъ ему о полученныхъ имъ отъ римской церкви бенефіціяхъ*). Папа видѣлъ при этомъ, какую сильную опору составляло для Фридриха расположеніе къ нему нѣмецкаго дворянства, и не смѣлъ болѣе тревожить его своими притязаніями, пока самъ императоръ не затронулъ чувствительной струны римской политики этого періода, — владѣній давно уже умершей маркграфини Матильды. Возобновились обычные споры папы съ императоромъ, жаркая и рѣзкая переписка, и дѣло, наконецъ, дошло

*) Что папа понималъ свои *beneficia* какъ деньги, за это ручается объясненіе его совѣтника и преемника, Александра III; „отъ кого же императоръ получилъ имперію, если не отъ владыки папы...?“

до битвы, которой не пережилъ Адрианъ (1159 г.). Александръ III продолжалъ начатое Адрианомъ дѣло, возмущая и безъ того мятежный Миланъ противъ императора. Фридрихъ жестоко поражалъ итальянскихъ мятежниковъ, и только несчастная битва при Комо заставила его признать надъ собою власть отвергаемаго имъ прежде Александра III (1177 г.).

Франція до сихъ поръ представляла изъ себя безмолвную рабу римскаго двора и убѣжище для папъ, въ случаѣ угрозы со стороны императора. Наконецъ, и на французскомъ престолѣ стали появляться самостоятельные короли. Прежде всѣхъ высказался противъ папы изъ французскихъ государей Филиппъ II (Августъ). Въ 1200 году Иннокентій III за разводъ Филиппа съ Агнессою фонъ-Меранъ наложилъ запрещеніе на все его государство. Филиппъ такъ мало уважалъ папскій интердиктъ, что даже наказалъ тѣхъ, кто исполненіемъ приказаній папы возмущалъ государство. Вскорѣ потомъ Филиппу пришлось имѣть новое дѣло съ папой. Филиппъ вель дѣло съ Англіею по смерти Ричарда-Львиное Сердце. Когда Іоаннъ Безземельный умертвилъ законнаго наслѣдника престола, герцога Бретанскаго Артура, — Филиппъ позвалъ Іоанна на судъ пэровъ, который объявилъ его лишеннымъ своихъ леновъ. На этомъ основаніи Филиппъ въ 1203 году взялъ Нормандію, въ 1205 году Мэнь, Анжу, Турэнь и часть Пуату, и всѣ эти области присоединилъ къ французской коронѣ. Иннокентій счелъ долгомъ вмѣшаться въ это дѣло приказаніемъ Филиппу прекратить завоеванія, говоря, что онъ судить, впрочемъ, Филиппа не за военныя дѣйствія, а за грѣхъ противъ заповѣди христіанской о любви къ ближнему. Филиппъ смѣло отвѣчалъ ему, что ссоры королей не подлежатъ суду церкви. Иннокентій ждалъ удобнаго случая отмстить непокорному Филиппу. Въ 1207 году Іоаннъ поссорился съ папою за то, что Иннокентій безъ воли его отдалъ кардиналу Лангтону Кентенбрійскій престолъ. Англія подверглась интердикту папскому, наконецъ, и самъ Іоаннъ отлученъ отъ церкви. Послѣ трехлѣтней борьбы папы съ Іоанномъ, папа передаетъ его, наконецъ, въ руки короля французскаго Иннокентій

предлагаетъ Филиппу Англiю, и поручая ему завоеванiе ея, даетъ индульгенцію, какъ и крестовымъ воинамъ. Конечно, владѣнiе, основанное на папскомъ разрѣшенiи завоеванiя, не могло быть прочно; папы нерѣдко и объ императорахъ отзывались какъ о своихъ вассалахъ. Папѣ нужно было только занять англiю хотя бы то французскими войсками, чтобы она стала леномъ римской церкви. Но Филиппъ былъ увѣренъ въ себѣ, не боялся ничего подобнаго и хотѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Онъ принялъ индульгенцію, и флотъ его двинулся на завоеванiе Англiи. Между тѣмъ Римъ совсѣмъ не то имѣлъ въ виду, о чемъ догадывался Филиппъ. Пандольфъ, легатъ папскiй, немедленно отправляется въ Дувръ для переговоровъ съ Иоанномъ, представляетъ ему опасность со стороны Францiи, указывая единственное средство поправить обстоятельства — помириться съ папою, принять Лангтона и подчинить все государство первосвященнику. Иоаннъ признаетъ Англiю и Ирландiю леномъ римскаго престола, обязуется платить ежегодную дань римскому двору по 1000 марокъ серебра, становится предъ легатомъ папы на колѣна и даетъ ему присягу въ вѣрности первосвященнику. Иннокентiй поздравляетъ Иоанна съ обладанiемъ первосвященническимъ государствомъ, и въ тоже время Пандольфъ является къ Филиппу съ извѣщенiемъ, что Англiя сдѣлалась помѣстьемъ Римской церкви, и съ запрещенiемъ нападать на нее, подъ страхомъ отлученiя отъ церкви. Филиппъ, потерявъ флотъ, отомстилъ на этотъ разъ по крайней мѣрѣ Иоанновымъ союзникамъ, графу Фландрскому и императору Оттону IV. При всемъ томъ Иоаннъ, по личному характеру своему, не могъ пользоваться расположенiемъ подданныхъ. Въ слѣдующемъ же году англiйскiе бароны встали противъ него и заставили подписать Великую Хартiю, а нѣкоторые изъ нихъ предложили корону сыну и наследнику Филиппа Людовику. Угрозы и анаемы Иннокентiя ни мало не подѣйствовали на Филиппа и Людовика. Филиппъ, показывая видъ, будто и не хочетъ думать о новомъ обладанiи Англiею, которое Иннокентiй называетъ святотатствомъ, принялъ дѣятельныя мѣры къ походу

на Англію, и въ 1216 году Людовикъ, отлученный какъ и отецъ его папою отъ общенія церковнаго, овладѣлъ почти всею Англіею, хотя по обстоятельствамъ долженъ былъ уступить англійскую корону преемнику Іоанна, Генриху III. Иннокентій, получивъ извѣстіе объ этомъ походѣ на Англію, торжественно воскликнулъ съ каеэдры: «мечъ, мечъ, выйди изъ ноженъ, и изострись на пораженіе», но не успѣлъ ничего предпринять противъ Филиппа и Людовика, какъ застигла его смерть.

Иннокентій III, такъ заботившійся о приобрѣтеніи отдаленныхъ странъ, не опускалъ изъ виду и положенія Италіи. Возлагая въ 1209 году императорскую корону на Оттона IV, Иннокентій заставилъ его присягнуть, что онъ отдастъ ему маркизство Анконское, герцогство Сполеттское, земли маркграфини Матильды, Равенну и нѣкоторыя другія помѣстья. Въ слѣдующемъ же году Оттонъ нарушилъ свое обѣщаніе, занявъ Апулію и Неаполь. Папа отлучилъ его отъ церкви, и въ томъ же году нѣмецкіе князья избрали на Нюренбергскомъ сеймѣ императоромъ короля Сициліи, Фридриха II. Фридрихъ, при вступленіи своемъ на престолъ, долженъ былъ утвердить за папою всѣ земли, какія обѣщаль ему Оттонъ IV, отдѣлить Сицилію и Неаполь отъ короны императорской двухлѣтнему сыну своему Генриху и дать обѣщаніе предпринять крестовый походъ. Въ 1215 году въ Ахенѣ происходило коронаваніе Фридриха, и въ 1220 году, при торжественномъ принятіи имъ императорской короны, Фридрихъ еще разъ повторяетъ папѣ, уже Гонорію III, обѣщаніе уступить папскому престолу спорныя земли маркграфини Матильды и предпринять крестовый походъ. Женатый на Іолаидѣ, наслѣдницѣ іерусалимскаго престола, и уже пользуясь титуломъ короля іерусалимскаго, Фридрихъ медлилъ идти въ Палестину; къ тому же, постоянныя возстанія въ Сициліи не могли ему обезпечивать спокойствіе и благополучіе его имперіи въ его отсутствіе. Между тѣмъ римскій дворъ настоялъ въ своемъ требованіи отъ Фридриха похода въ Палестину. Иннокентій III уже достаточно высказалъ предложеніемъ Фридриху условій

на получение короны, чего ищетъ престолъ римскій: уступивъ земли Матильды папѣ, навсегда отдѣлить королевство обѣихъ Сицилій двухлѣтнему своему сыну и отправиться въ Палестину, — для Фридриха это значило остаться при одной коронѣ германской. Гонорій III руководился мыслию Иннокентія, принимая участіе въ распряхъ волновавшихъ Сицилію, и передалъ эту же мысль своему преемнику Григорію IX. Всѣ они боялись могущества дома Швабскаго, и, какъ поборники Вельфовъ, питали къ нему непримиримую вражду. Григорій IX продолжалъ настоятельно требовать отъ Фридриха похода въ Палестину. Фридрихъ и дѣйствительно отправился съ крестовымъ походомъ, но чрезъ три дня послѣ отъѣзда возвратился изъ похода подъ предлогомъ тяжкой болѣзни. Григорій отлучилъ его отъ церкви и угрожалъ ему торжественнымъ низложеніемъ. Фридрихъ опять отправился въ Палестину, но какъ на этотъ отъѣздъ онъ не испросилъ себѣ у папы разрѣшенія, Григорій отлучилъ его вторично.

Несмотря на папскую немилость, Фридрихъ приобрѣлъ, между тѣмъ, въ Палестинѣ Іерусалимъ, Виолеемъ, Назареть, Сидонъ и заключилъ съ Султаномъ перемиріе на десять лѣтъ. Достигнувъ цѣли крестовыхъ походовъ, Фридрихъ, очевидно, долженъ былъ пользоваться еще большимъ теперь вліяніемъ на міръ христіанскій и стать тѣмъ опаснѣе для папы. Григорій, поставивъ ему въ вину самое отбытіе на освобожденіе св. гроба, въ отлученіи отъ церкви, настоятельно требовалъ отъ него возвращенія, и, узнавъ объ успѣхѣ его похода, поразилъ его громомъ проклятій: договоръ съ невѣрными и позволеніе имъ опрaвлять богослуженіе въ мечети іерусалимской были достаточными для папы предложениями къ низложенію Фридриха. Папа возбудилъ противъ него Италію, занялъ Апулію, возбудилъ Іоанна Бріэннскаго противъ своего зятя, пытался возстановитъ противъ него орденъ тамплиеровъ и даже самаго султана.

Возложивъ на себя Іерусалимскую корону, въ 1229 году, Фридрихъ поспѣшилъ на защиту своихъ владѣній отъ папскаго

насилія. Оружіемъ положили онъ преграду папскимъ притязаніямъ, стѣснивъ самаго папу и Сень-Жерменскимъ миромъ получилъ себѣ разрѣшеніе отъ всѣхъ прежнихъ проклятій папскихъ. Миръ впрочемъ, не долго продолжался. Ломбардія снова возмутилась (1230 г.); папа поддерживалъ ея сторону и рѣшился даже возмутить короля Генриха, Фридрихова сына, противъ своего отца (1234 г.) Но папѣ не удался опытъ подражанія Пасхалию II. Бунтовщикъ немедленно схваченъ, и кончилъ жизнь свою въ темницѣ; а побѣда при Кортенуовѣ погасила заговоръ (1237 г.).

Вскорѣ потомъ возгорѣлась открытая борьба Фридриха съ папою за Сардинію, на которую Фридрихъ объявилъ притязаніе, какъ на ленъ императорской короны, и которую папа считалъ принадлежностію своего престола. Григорій снова предаетъ Фридриха отлученію отъ церкви, и разрѣшаетъ его подданныхъ отъ данной ему въ вѣрности присяги; мало того, — папа проповѣдуетъ противъ него крестовый походъ, назначая на этотъ предметъ деньги и войска, собранныя для готовившагося похода въ Палестину, всенародно обвиняя Фридриха въ богохульствѣ. Императоръ оправдалъ свою вѣру письменно и въ свою очередь воздалъ папѣ за ругательства ругательствами, называя папу Валчамомъ, антихристомъ, дракономъ и искусителемъ. Папа предложилъ имперію графу Артуа, брату Людовика благочестиваго, и просилъ самаго французскаго короля объявить войну Фридриху, какъ еретикъ. Но Людовикъ не только не принялъ дара папскаго, но еще отвѣчалъ папѣ, что это предложеніе — очевидное слѣдствіе ненависти его къ императору; что императоръ въ его мнѣніи всегда былъ добрымъ католикомъ; что онъ, однако же, разрѣшаетъ его мысли о вѣрѣ и объявить ему войну, если найдетъ его еретикомъ, какъ поступилъ бы и со всякимъ другимъ государемъ, даже съ самимъ папою въ подобномъ случаѣ. Впрочемъ, онъ отпустилъ своихъ епископовъ въ Римъ, на соборъ, по дѣлу папы съ императоромъ. Между тѣмъ Фридрихъ побѣдоносно достигъ стѣны Рима; Энцио захватилъ флотъ, который вели за собою въ Римъ французскіе епископы, сбиравшіеся на со-

боръ для окончательнаго рѣшенія судьбы Фридриха, и папа умеръ съ досады въ 1241 г.

Преемникъ Григорія IX, Целестикъ IV умеръ спустя 18 дней послѣ вступленія на престоль, который, затѣмъ, полтора года оставался празднымъ, такъ какъ кардиналы не могли согласиться въ выборѣ. Императоръ писалъ къ нимъ: «всѣ увѣряютъ, что между вами обитаетъ не Богъ мира — Иисусъ Христосъ, но — отецъ раздора и лжи; что каждый изъ васъ добивается первосвященства и не хочетъ до этого сана допустить другаго». Наконецъ избранъ въ 1243 г. прежній другъ Фридриха, кардиналъ Фіэско, подъ именемъ Иннокентія IV, который совершенно измѣнилъ свои отношенія къ Фридриху, какъ и ожидалъ этого Фридрихъ. Иннокентій первымъ дѣломъ своего служенія церкви поставилъ — отлучить Фридриха отъ церкви (1244 г.). Отправившись на слѣдующій годъ во Францію, онъ сзываетъ противъ Фридриха соборъ въ Лионѣ, требуетъ сюда и самаго Фридриха, который, по обыкновенію, не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на это требованіе, и объявляетъ императора лишеннымъ короны. Соборъ епископовъ объявляетъ императоромъ Генриха Распе, ландграфа Туринскаго (Pfaffenkönig). Конрадъ, второй сынъ Фридриха, король Италіи, поразилъ епископскаго короля при Ульмѣ, и онъ вскорѣ потомъ умеръ. Папа носится съ предложеніемъ императорской короны, но никто не хочетъ ее принять: всѣ нѣмецкіе князья оставались вѣрными Фридриху, да никто и не хотѣлъ принять изъ рукъ папы одно только титуло императора, когда не могъ онъ дать короны, которую продолжалъ носить сильный и рѣшительный нѣмецкій императоръ. Наконецъ папѣ удалось найти (1247 г.) желаннаго честолюбца, Вильгельма Голландскаго; но Фридрихъ по прежнему былъ императоромъ и продолжалъ оправдывать свое достоинство на дѣлѣ; не смотря на пораженіе при Пармѣ въ 1248 г., онъ утвердился въ Италіи и держался въ ней до самой смерти (при Фіоренціо, въ 1250 году). Конрадъ, сынъ Фридриха, наследовалъ по смерти своего отца и германскую корону и папскія проклятія. Но папа умѣлъ усилить партію Вельфовъ,

и домъ Гогенштауфеновъ, достойныхъ защитниковъ короннаго права противъ притязаній церкви, долженъ былъ вскорѣ пасть.

Еще разъ римскому первосвященнику пришлось потерпѣть въ эту эпоху униженіе предъ свѣтскою властію (общеизвѣстный случай въ самомъ началѣ XIV вѣка), чтобы торжествовать потомъ побѣду надъ властію императорскою. Продолжительная борьба съ императорами, стоившая нерѣдко великихъ самопожертвованій, заточенія, изгнанія, самой жизни для римскихъ первосвященниковъ, возвысила, наконецъ, престолъ римскаго первосвященника надъ престолами всѣхъ римско-германскихъ государей. Но уже въ самомъ этомъ возвышеніи созрѣвало ихъ паденіе. Въ пылу сраженія не всегда можно разглядѣть противника. Когда шла ожесточенная борьба папъ съ императорами, немногіе были въ состояніи разсмотрѣть спорное дѣло, — и дѣло справедливое не могло найти себѣ надлежащаго сочувствія и оцѣнки. Лица, которыхъ дѣло не касалось, хотѣли оставаться безучастными зрителями и брать себѣ урокъ на чужой счетъ. Но эта самая борьба показала, чего хотѣлъ честолюбивый первосвященникъ, какими коварствами и злоупотребленіями своей церковной власти достигъ онъ своей цѣли. Крестовые походы научили христіанскую Европу отставать отъ суевѣрій и внесли свѣтъ въ общественное сознаніе. Минувшее сказало, что нѣтъ этого непобѣдимаго папы. Урокъ былъ данъ; свѣжія силы государей принялись работать.

Мысли педагоговъ.

Кто хочетъ быть или сдѣлаться учителемъ, долженъ научиться самоотреченію и тѣмъ ранѣе начать воспитывать его въ себѣ, что въ настоящее время, повидимому, забыто самое слово и его значеніе. Занятіе учителя при всѣхъ условіяхъ, даже при наиболѣе благопріятныхъ, есть занятіе, требующее самоотреченія и побѣды надъ собой, и у кого нѣтъ необходимой для этого смѣлости или силы, тотъ лучше пусть откажется отъ учительства. Силу эту нельзя получить отъ людей; она дается выше, черезъ ученіе Того, Кто сказалъ: «Я есмь путь, истина и жизнь». Желаяющій образовывать долженъ глубоко проникнуться этимъ убѣжденіемъ, чтобы не навлечь на себя величайшей отвѣтственности, — и прежде и больше всего долженъ онъ служить примѣромъ своимъ воспитанникамъ. Но я подразумѣваю подъ этимъ не стѣсненіе духа въ рабскія оковы, а ту свободу воли, которая радостно отвергаетъ все, что не составляетъ сущности жизни, а лишь внѣшнюю оболочку, — и стремится только къ непреходящему, въ немъ ищетъ счастья своей жизни.

Пусть каждый учитель учится самоотреченію и упражняется въ немъ! Для этого никогда не рано, а наоборотъ часто бываетъ слишкомъ поздно, и горе тому, кто ему не научится самъ, а познаетъ его подъ желѣзнымъ гнетомъ судьбы!

Л. Кельнеръ,

Мысли о шк. и дом. воспитаніи. М. 1895. 30.
(Педаг. Библ. изд. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ).

ВОСПОМИНАНІЯ
о студенческой жизни въ Германіи.

[Окончаніе, см. «Гимн.» CVII—CVIII].

С. Николаевъ, Воронежъ.

VII.

Gaudeamus igitur.

Развлеченія такого студента, который, какъ я и мои товарищи, не имѣлъ въ городѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, разумѣется, были немногосложны и просты; это отчасти было хорошо, именно въ томъ отношеніи, что не отнимало дорогого времени отъ занятій, а трудиться намъ всѣмъ нужно было много. И такъ прогулки, посѣщеніе концертовъ, театра, студенческихъ фрейновъ, танцевальныхъ вечеровъ, двухъ-трехъ знакомыхъ русскихъ семействъ, вотъ все, что наполняло мой досугъ. Еще Гете въ своихъ воспоминаніяхъ о жизни въ Лейпцигѣ хвалилъ этотъ городъ за то, что въ немъ много прекрасныхъ мѣстъ для прогулокъ. И хотя съ того времени внѣшность города сильно измѣнилось, тѣмъ не менѣе и теперь любитель гуляній останется доволенъ Лейпцигомъ: ибо какъ внутри города, такъ и внѣ его чрезвычайно много зелени въ видѣ большихъ парковъ, содержимыхъ въ превосходномъ порядкѣ, чистотѣ и красотѣ.

Въ прекрасные лѣтніе вечера мы нерѣдко гуляли въ нихъ по цѣлымъ часамъ.

Красивъ, интересенъ и занимателенъ городъ особенно во время ярмарки, которая бываетъ ежегодно два раза, продолжаясь по 4 недѣли. Въ это время всѣ сколько нибудь сво-

бодныя мѣста застраиваются лавками, магазинами, гдѣ кипитъ бойкая торговля, а на площадяхъ въ безчисленныхъ балаганахъ и циркахъ гремитъ музыка, вертятся карусели, толпятся тысячи народа, любуясь разными диковинками.

Нѣмцы, какъ извѣстно, очень любятъ и усердно занимаются всеми искусствами. Трудно указать хоть одну область искусствъ, гдѣ они не имѣли-бы изъ своей среды первоклассныхъ представителей; всякое искусство они сумѣли сдѣлать своимъ національнымъ. Но въ особенности это относится къ музыкѣ и поэзіи. И въ Лейпцигѣ, всемірно извѣстномъ въ музыкальномъ отношеніи, всегда можно слышать прекрасную классическую музыку. Изъ видовъ поэзіи драма достигла у нѣмцевъ высокой степени развитія и разцвѣта еще въ прошломъ столѣтіи; извѣстно, что выдающіеся классики ихъ, какъ Шиллеръ, Гете, Лессингъ, оставили нѣмецкой сценѣ богатое наслѣдство.

Лейпцигъ имѣетъ два прекрасныхъ театра, въ которыхъ ставятся оперы и драмы. Студенты имѣютъ большія льготы въ посѣщеніяхъ театра. За 40—50 коп. на наши деньги студентъ получаетъ прекрасное мѣсто въ театрѣ. Понятно, что театръ былъ нашимъ любимымъ развлеченіемъ; мало того, что мы знакомились здѣсь съ классиками драматической поэзіи, — мы изучали при этомъ самый языкъ въ лучшихъ его формахъ. Предъ каждымъ представленіемъ я прочитывалъ ту пьесу, которая шла въ этотъ вечеръ, бралъ нерѣдко книжечку съ собою въ театръ и слѣдилъ по ней за актерами, и такимъ образомъ я въ одинъ вечеръ прочитывалъ болѣе, чѣмъ въ годъ въ гимназін. Словомъ, театръ былъ для насъ почти такую же школою литературы эстетики и языка, какъ университетъ.

Существованіе студента въ Германіи внѣ общества невозможно: ему, какъ и всякому человѣку, необходимо общеніе съ подобными себѣ, какъ ради благороднаго развлеченія послѣ труда, такъ ради обогащенія ума новыми свѣдѣніями, почерпнутыми внѣ узкой спеціальности.

Примѣръ выше цитированнаго Гёте представляетъ наглядное, имъ самимъ подтвержденное, доказательство этого поло-

женія. Не только современникъ его, но и люди нашего времени справедливо удивляются многосторонности его ума, которому были доступны всѣ области человѣческаго знанія. По этимъ свойствомъ онъ былъ обязанъ тому, что обучаясь въ университетѣ, онъ поддерживалъ общеніе съ товарищами разныхъ факультетовъ.

Для достиженія этихъ цѣлей при Лейпцигскомъ университетѣ существуетъ цѣлая система студенческихъ обществъ, которыя, соотвѣтственно своему внутреннему характеру, организаціи и исторіи, носятъ различныя названія: корпорацій, землячествъ, научныхъ фереиновъ (Corps, Landsmannschaften, Vereine). Первые два вида обществъ (Corps, Landsmannschaften) занимаютъ въ Лейпцигѣ, какъ и во всѣхъ другихъ университетахъ, особое, привилегированное положеніе какъ въ глазахъ націи, такъ и предъ университетскимъ управленіемъ. Эти корпораціи имѣютъ характеръ аристократическихъ, совершенно замкнутыхъ обществъ. Ихъ внутренній строй, создавшійся втеченіе многихъ десятковъ лѣтъ, представляетъ оригинальный и для иностранцевъ удивительный сюзъ, основанный на братскихъ отношеніяхъ между сочленами и охраненіи чести съ цѣлію развитія въ молодомъ человѣкѣ тѣхъ качествъ, коими долженъ, по общему мнѣнію, онъ обладать, чтобы быть сначала «бравымъ студентомъ», а потомъ «добрымъ нѣмцемъ».

Членъ такого землячества долженъ безусловно подчиняться всѣмъ законамъ своего братства, быть рыцаремъ въ охраненіи чести, обладать твердымъ и мужественнымъ характеромъ, развивать свои тѣлесныя силы фехтованіемъ и гимнастикой, но въ то же время и умѣть пить, веселиться, держать себя съ достоинствомъ въ лучшемъ обществѣ.

Разумѣется, для этого требуются значительныя средства, такъ какъ бѣдный студентъ не можетъ во всемъ слѣдовать за своей корпораціей (Alles mitmachen). Эти землячества, менѣе обращая вниманія на собственно научныя занятія, особенно отличаются національнымъ и патріотическимъ направленіемъ. Изъ ихъ среды, дѣйствительно, вышла масса выдающихся государственныхъ дѣлателей — Германіи, среди которыхъ пер-

вое мѣсто слѣдуетъ, конечно, отвести Бисмарку. Въ молодости онъ съ увлеченіемъ отдавался корпоративной жизни; въ ней онъ развилъ тѣ свойства своего характера, благодаря которымъ осуществилъ давнишнія мечты нѣмцевъ объ единствѣ имперіи; излишекъ стихійныхъ силъ его духа перебродилъ въ безчисленныхъ дуэляхъ и пиршествахъ разной корпораціи и изъ необузданнаго прусскаго дворянина вышелъ политикъ гениальный: глубоко національный, дальновидный и сильный, гдѣ требовалась сила. Впослѣдствіи онъ не разъ высказывалъ, что считаетъ германское студенчество носителемъ и хранителемъ національныхъ идей. И насколько высоко держать корпораціи свое знамя чести, доказываютъ многіе факты: напр. представители ихъ принимались еще Вильгельмомъ I, а нынѣшній императоръ Вильгельмъ II не такъ давно, въ бытность свою въ Боннѣ, гдѣ онъ штудировалъ, принадлежа къ корпораціи Borussia, посѣтилъ мѣсто обычныхъ вечернихъ собраній этого землячества и участвовалъ въ банкетѣ, сидя со студентами въ своей прежней корпоративной шапочкѣ. Замѣчательны эти банкеты и національныя празднества, устраиваемыя корпораціями. На нихъ являются всѣ бывшіе ихъ члены, ставшіе профессорами, судьями, врачами, пасторами и т. д.; они сидятъ рядомъ съ молодыми студентами, какъ съ младшими братьями, любясь на молодое племя, близкое имъ во имя интересовъ отечества и образованія.

Таковъ ихъ внутренній характеръ. Чтобы судить о ихъ количественномъ значеніи, достаточно сказать, что ихъ въ одномъ Лейпцигѣ около тридцати.

Намъ, русскимъ, вступать въ эти корпораціи нельзя было по многимъ причинамъ; во первыхъ уже потому, что ихъ строго-національный характеръ не допускаетъ участія въ нихъ чужестранцевъ. Если всякій образованный нѣмецъ чуждъ космополитизма, то тѣмъ болѣе члены этихъ землячествъ; изъ русскихъ пришельцевъ исключеніе дѣлается только для остзейскихъ нѣмцевъ; но это исключеніе только подтверждаетъ сказанное положеніе; во вторыхъ вступленіе въ корпораціи связано съ такою тратою времени и денегъ на цѣли, для насъ,

въ сущности, постороннія, что даже имѣя возможность сдѣлаться членомъ, едва ли бы кто воспользовался ею.

Инымъ характеромъ отличаются научныя общества; число ихъ быстро увеличивается, и въ мое время уже ихъ было 25. Эти общества посвящены научнымъ цѣлямъ и тѣсно соединены съ факультетами. Не всякому по душѣ шумная жизнь корпорацій; человекъ серьезный, увлекающійся, чисто по нѣмецки, наукой ищетъ общества людей съ одинаковыми интересами. Наличность одного — двухъ десятковъ членовъ уже создаетъ общество; вырабатывается уставъ, который утверждается университетскимъ правленіемъ, назначается день собраній, и общество начинаетъ жить, а иногда быстро достигаетъ цвѣтущаго состоянія.

Особенно близки намъ были два общества: славянское и классическо-филологическое. Славянское общество имѣло общеніе славянъ, ознакомленіе ихъ другъ съ другомъ путемъ научныхъ рефератовъ; тутъ были представители всѣхъ племенъ, группировавшіяся около русскихъ. Общество имѣло свою небольшую кассу, на которую содержало библіотеку и читальню.

Нужно знать, что въ Лейпцигѣ въ большихъ ресторанахъ всякимъ фереинамъ даются на вечера соответственныя помѣщенія совершенно даромъ; хозяинъ довольствуется тѣмъ что студенты выпьютъ пива и поужинаютъ именно у него.

Такимъ образомъ мы еженедѣльно по субботамъ въ 8 ч. вечера собирались въ одномъ весьма приличномъ ресторанѣ. Послѣ краткой дѣловой части слѣдовало чтеніе реферата, дебаты и затѣмъ увеселительная часть, нерѣдко затягивавшаяся до полночи и состоявшая въ томъ, что мы пили пиво, пѣли русскія и нѣмецкія пѣсни, нѣкоторые играли на піанино. Въ классическо-филологическомъ обществѣ мы бывали часто. Многіе изъ русскихъ студентовъ были его членами, даже предсѣдателями и теперь еще поддерживаютъ съ нимъ связь.

Это солидное общество, близкое намъ по духу, всегда относилось къ намъ весьма любезно и внимательно. Разъ въ годъ оно устраивало грандіозный праздникъ съ драматическимъ представленіемъ комедій на греческомъ или латинскомъ языкѣ.

Этотъ праздникъ обязательно посѣщался профессорами классической филологіи, которые любезно принимали гостепрѣимство студентовъ, нерѣдко оставались и на соувііиш послѣ представленія. Впрочемъ, эти нѣмецкія пирушки совершенно своеобразны. Главное ихъ содержаніе составляетъ общее пѣніе патріотическихъ и студенческихъ пѣсень, произнесеніе рѣчей на разныхъ языкахъ и пива. Во все время соблюдается образцовый порядокъ и благочиніе; весьма часто на хорахъ бываетъ масса приглашенныхъ гостей и дамъ. Нѣмцы вообще любятъ пѣть; но пѣсни ихъ и мелодіями и словами совершенно отличаются отъ нашихъ русскихъ. Въ пѣснѣ какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ выражаетъ свои чувства, настроеніе и отношеніе къ природѣ и жизни. О русской пѣснѣ крылатое слово сказалъ Пушкинъ: по его словамъ «отъ ямщика до перваго поэта».

Мы всѣ поемъ увыло;
 печалію согрѣта
 гармонія и нашихъ дѣвъ и музъ.

Эта грусть, печаль, правда, носитъ глубокой, человѣческой характеръ, но несомнѣнно она свидѣтельствуетъ о нѣкоторой односторонности чувствованій и во всякомъ случаѣ не вполне нормальна, хотя происхожденіе ея вполне естественно и понятно изъ всей совокупности историческихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій русской жизни.

Не такъ жилъ и живетъ нѣмецъ, не такова и его пѣсня: оно пріятно дѣйствуетъ на насъ своею разносторонностью, въ ней, можно сказать, преобладаетъ бодрое настроеніе.

Этимъ свойствомъ въ особенности отличаются пѣсни нѣмецкихъ студентовъ. Полное собраніе ихъ издано въ видѣ весьма изящной книги, имѣющей 750 стр.; въ ней помѣщено 709 пѣсень съ нотами. Текстъ принадлежитъ перу лучшихъ нѣмецкихъ писателей и поэтовъ какъ Гете, Шиллеръ, Гейне Кернеръ и др., а музыка написана выдающимися композиторами. Пѣсни раздѣлены на четыре группы: патріотическія, народныя, собственно студенческія и юмористическія. Патріотическія пѣсни ихъ, иногда возвышающіяся до сильнаго грознаго

хората, свидѣтельствуютъ о горячей любви ихъ къ родинѣ, — народныя — о совершенномъ согласіи и единеніи ихъ съ народомъ во всѣхъ чувствахъ и воззрѣніяхъ, собственно студенческія — о любви къ академической жизни и ея поэзіи, а юмористическія — о жизнерадостномъ отношеніи ко всему окружающему. Вотъ почему студенческія собранія вносили въ насъ свѣтъ, тепло и были истиннымъ душевнымъ отдохновеніемъ. Такъ мы проводили тотъ часъ, который по русской пословицѣ можно удѣлить потѣхѣ, посвящая «время» — дѣлу.

Мысли великихъ людей.

Обученіе, въ силу дисциплинарныхъ правилъ педагогій, должно воспитывать въ учащихся навыкъ къ неукосительному исполненію обязанностей и къ выносливому терпѣнію, чтобы преодолѣть трудную работу.

А. Буслаевъ.

[Мои Воспоминанія, В. Евр. 1891, апр.]

„Журналъ для родителей и наставниковъ“
1864 и 1865 годовъ *).

А. Соловьевъ, Казань.

«Журналъ для родителей и наставниковъ» сталъ выходить въ 1865 году и окончилъ свое существованіе въ 1865 году. Этотъ журналъ выходилъ послѣ прекращенія журнала «Воспитаніе» издававшагося съ 1857 по 1863 г. и имѣлъ какую то связь съ этимъ журналомъ. Прекратился, какъ увидимъ дальше, журналъ для родителей по недостатку подписчиковъ, какъ и «Ясная Поляна». Подписчиковъ у журнала было мало, вѣрнѣе всего потому, что былъ недостатокъ въ сотрудникахъ, могшихъ заинтересовать читателей, такъ какъ въ это время главныя педагогическія силы были сотрудниками журнала «Учитель», съ выходомъ котораго прекратили свое существованіе одинъ за другимъ: «Воспитаніе», «Русскій педагогическій вѣстникъ» и разбираемый мною журналъ, издававшійся Кейзеромъ. Изъ возникшихъ съ 1857 г. педагогическихъ журналовъ по 1865 г., 4 прекратили свое существованіе.

«Журналъ для родителей», за послѣдній годъ его существованія, начинается статьею самого редактора, гдѣ онъ говоритъ о неудачѣ его изданія, такъ какъ его труды не были вознаграждены, публика не сочувственно отнеслась къ его изданію и было всего 300 подписчиковъ; но не смотря на это, Кейзеръ порѣшилъ издавать журналъ еще годъ и если

*) Со многими замѣчаніями автора мы не согласны; но какъ историческая справка о бывшихъ идеалахъ и идолахъ, статья заслуживаетъ большаго интереса.

число подписчиковъ будетъ менѣе 600, то грозилъ прекратить изданіе. Въ предисловіи онъ высказался, что иностранная система обученія не вполне пригодна для русскаго воспитанія, а потому желалъ, чтобы существующія педагогическія силы сами заявили свои требованія отъ журнала, призывалъ къ составленію опытной русскаго педагогики, указывалъ на предъидущіе годы — годы борьбы противниковъ классицизма съ противниками реализма, указывалъ на то, что за послѣднее время преподаваніе постановлено лучше, чѣмъ прежде, но еще многого нужно желать, призывалъ учителей указывать на недостатки современнаго преподаванія и воспитанія безъ указа- нія на лицъ и мѣста съ платою по 2 коп. за строку, затѣмъ заявлялъ, что въ русскомъ педагогическомъ мірѣ нѣтъ вид- ныхъ педагогическихъ силъ. Много обѣщалъ дать въ жур- налѣ, но просуществовалъ два года, не найдя сочувствія въ обществѣ и погибъ не успѣвши расцвѣсть; да и не могъ онъ существовать въ то время, такъ какъ съ 1861 года началъ выходить журналъ «Учитель» имѣвшій много сотрудниковъ, энергично работавшихъ по народному образованію, увлекшихъ много учителей своей энергіей, и можно сказать въ «Журналѣ для родителей» не было надобности, такъ какъ увлеченіе нѣ- мецкими способами преподаванія въ то время было сильно и журналъ «Учитель» больше отвѣчалъ требованіямъ общества того времени.

Въ № 1-мъ была помѣщена не безынтересная статья П. Шестакова «Учебный курсъ Бременскихъ сельскихъ школъ», гдѣ говорится, что Любенъ при составленіи программы собралъ сельскихъ учителей и обсудилъ съ ними программы началь- ныхъ школъ, цѣлью которыхъ было — всестороннее раз- витіе дѣтской души, при чемъ было постановлено, если успѣхи учениковъ недостаточны въ силу непосѣщенія уче- никами школъ, то учитель объ этомъ долженъ доносить сель- скому начальству. Здѣсь авторъ видѣлъ принудительную си- стему, безъ которой по его мнѣнію, едва ли можно обойтись при образованіи народа: съ чѣмъ я не могу согласиться, такъ какъ принудительныя мѣры всегда приносили вредъ и принуж-

дали дѣлать почти всегда то, что вредно, или было не нужно принуждаемымъ. Цѣль преподаванія Закона Божія въ Бременской школѣ была ознакомить съ основными истинами христіанства, освѣтить и обогатить учениковъ, оживить и образовать ихъ религіозное и нравственное чувство и укрѣпить ихъ волю. Цѣль преподаванія языка значилась въ томъ, чтобы ученикъ могъ понимать мысли другихъ, доступныя ему по степени его образованія, и былъ бы въ состояніи ясно выразиться письменно и устно обо всемъ, что онъ узналъ, что достигается различными устными и письменными упражненіями въ языкѣ. Но оказывается, намѣтить цѣль и выполнить ее — двѣ вещи разныя. Цѣль Любеномъ намѣчена вѣрно, средства, какъ достигнуть, указаны такъ-же вѣрно, но Любенъ и имъ собранные учителя не отрѣшились, какъ увидимъ дальше, отъ способа зубренія; такъ напримѣръ: чтобы привести къ пониманію прочитанной статьи, необходимо, по мнѣнію Любена, чтобы статья была нѣсколько разъ прочитана учителемъ и учениками, чтобы предлагались вопросы, исчерпывающіе содержаніе статьи и дѣлались объясненія, на сколько нужно *). Кромѣ того предлагалъ лучшія стихотворенія выучивать по временамъ наизусть. На этомъ я долженъ остановиться, такъ какъ, къ несчастью, этотъ способъ, по почину ли Любена или другихъ, практикуется до сихъ поръ во многихъ школахъ. Прочитываніемъ статьи нѣсколько разъ, учителемъ и учениками, достигается то, что ученики выучиваютъ содержаніе статьи, воспроизведеніе же ея, по вопросамъ, даетъ имъ возможность заучить статью слово въ слово, что бываетъ причиною того, что ученики читаютъ и рассказываютъ хорошо только статьи изъ той книги, которую они учили, или вѣрнѣе, передаютъ слово въ слово только такія статьи, которыя ими выучены наизусть или вообще изъ той книги, по которой учатъ въ школѣ, но плохо читаютъ по книгѣ, не бывшей у нихъ въ рукахъ, и не могутъ рассказывать помѣщенныхъ въ ней статей. Что же достигнуть хотѣлъ Любенъ заучиваніемъ стихотвореній

*) Тоже говорилъ Буслаевъ въ своемъ «Опытѣ обученія отечеств. языку» въ 1868 году.

— неизвѣстно; по моему мнѣнію всякое заучиваніе наизусть вредно. Я говорю, что способъ веденія объяснительнаго чтенія, предлагаемый Любенымъ и собранными имъ учителями, практикуется до сихъ поръ, что мнѣ пришлось видѣть на Казанской выставкѣ, гдѣ ученики какой-то школы всѣ до одинаго написали слово въ слово объясненную имъ по этому способу, т. е. вѣрнѣе выученную наизусть статью. Я не противъ дословнаго разбора, прочитаннаго въ младшемъ отдѣленіи для того, чтобы заставить учениковъ вдумываться въ то, что они читаютъ, но заставляя учениковъ читать статьи нѣсколько разъ и затѣмъ воспроизводить дословно по вопросамъ — вредно, такъ какъ такой способъ научаеъ заучивать читаемое, а не понимать его. Чтобы достигнуть правильнаго писанія словъ, Любенъ совѣтуетъ зорко смотрѣть на правильнo написанное и напечатанное и чаще списывать слова, которыя видимъ и слышимъ, на что нужно обратить преимущественное вниманіе и не давать для списыванія стагей предварительно необъясненныхъ. Диктовать дѣтямъ онъ совѣтуетъ только то, что они могутъ написать. Цѣль письма — пріобрѣсти простой, бѣглый и пріятный почеркъ, для чего сначала пишутъ на доскѣ грифельмъ, затѣмъ на бумагѣ перомъ. Совѣтуетъ черезъ каждые 10 дней, задавать ученикамъ на домъ письменныя упражненія, что до сихъ поръ практикуется въ нашихъ школахъ, отнимая бесполезно свободное время учениковъ и принося имъ несомнѣнный вредъ. Школа должна обратить особенное вниманіе на чтеніе, и цѣль обученія чтенію будетъ достигнута, если дѣти читаютъ бѣгло, громко и правильно, благозвучно и съ удареніемъ на тѣхъ словахъ, ударять на которые требуетъ смыслъ, но только я отъ себя повторяю, что очень грустно, если ученики будутъ умѣть читать хорошо только ту книгу, которая имѣется въ классѣ. Наглядное обученіе соединяется съ уроками чтенія и языка, и бесѣды эти могутъ продолжаться часъ. Это ложное пониманіе объяснительнаго чтенія существовало почти до 1880 г. и Корфъ даже до того увлекся, что выдалъ за истину свои слова, переходящія изъ устъ въ уста учителей, что лучший тотъ учитель, который по поводу

одного слова можетъ говорить часы. Но видимо Любенъ и Корфъ не видѣли различія въ объяснительномъ чтеніи и предметныхъ бесѣдахъ; они не хотѣли поставить цѣлью объяснительнаго чтенія достиженіе того, чтобы ученикъ понялъ читаемую статью, а считали нужнымъ навалить ему побольше ненужныхъ знаній.

Оставляемъ положенія Любена, касающіяся другихъ предметовъ, какъ не представляющія особеннаго интереса.

Не безынтересною является статья о физическомъ воспитаніи по Андрею Спяцецкому, составленная Мироновичемъ, такъ какъ многое, что онъ совѣтовалъ тогда, можетъ быть принято къ свѣдѣнію и теперь, хотя нельзя согласиться съ авторомъ, что воспитаніе дѣвицъ должно быть со всѣмъ другое, чѣмъ мальчиковъ. По мнѣнію автора, изъ дѣвочекъ, съ 7 лѣтъ, надо готовить куколь для гостинныхъ, а не человѣка, который можетъ приносить пользу ближнему.

Жаловались въ томъ журналѣ на недостатокъ книгъ для дѣтей до 10-ти лѣтняго возраста и указывалось какъ на лучшія книги — изданіе журнала «Ясная поляна». Жалоба эта слышна и до сихъ поръ. Курьезной является статья о развитіи души, въ которой авторъ, сказавъ, что душа есть ничто, но существующее, имѣющее свойство, не пожелалъ однако опредѣлить, что такое душа, а развить ее, значитъ, по его мнѣнію, наглядно преподавать. У всѣхъ людей, по мнѣнію этого педагога, живущихъ на земномъ шарѣ, души разныя, потому, если всему человѣчеству будетъ дано одинаковое воспитаніе, люди выйдутъ разные. Это-то ложное, нехристіанское понятіе о душѣ породило вѣру въ равнодушіе въ человѣчествѣ и было причиной неправильной постановки воспитанія на всемъ земномъ шарѣ до сихъ поръ, благодаря раздѣленія людей на способныхъ и неспособныхъ, и модный вопросъ о наслѣдственности, какъ и вѣра въ предопредѣленіе, много убило людей до сего времени. Изъ казанцевъ участвовали какъ сотрудники въ этомъ журналѣ П. А. Орловъ, Е. Т. Соловьевъ, П. Д. Шестаковъ и Жубиковскій, изъ которыхъ только одинъ остался въ живыхъ. Статья Соловьева,

близко мнѣ извѣстнаго, обратила на себя вниманіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и вызвала возраженіе въ этомъ журналѣ Б—ва и отвѣтъ самой редакціи «С.-Петерб. Вѣдомостей». Вопросъ — оставлять ли учениковъ безъ обѣда былъ тогда вопросомъ новымъ, потому что большинство учителей пользовалось всѣми мѣрами наказанія и сожалѣли о томъ, что они не могутъ примѣнять, какъ исправительныя мѣры, розги. Соловьевъ, какъ человѣкъ молодой, опередилъ своихъ товарищей по дѣлу и какъ мнѣ извѣстно лично, вынесъ на себѣ ту школу звѣрства, какая была до 1860 г. Въ своей статьѣ онъ скорѣе былъ противъ наказаній, но такъ какъ съ нимъ не могли разстаться его собратья, онъ предложилъ на одномъ изъ учительскихъ собраній вопросъ объ оставленіи учениковъ безъ обѣда и высказался за то, что оставлять учениковъ безъ обѣда однихъ, безъ всякаго призора, значитъ портить ихъ, приучать къ бездѣлю и шалостямъ, а ужъ если оставлять ихъ безъ обѣда, то учитель долженъ самъ оставаться съ ними и сдѣлать съ ними то, въ чемъ ученики не успѣли. Предложеніе это было принято учительскимъ собраніемъ въ Казани въ 1864 г. и даже рекомендовалось, какъ видно изъ циркуляра по округу, но, какъ мнѣ извѣстно, не исполнялось.

Зная же лично Е. Т. Соловьева и его взгляды на обученіе, считаю нелишнимъ познакомить съ нимъ читателя. Человѣкъ энергичный, взявшій на себя дѣло учительства только потому, что оно ему нравилось, онъ съ любовью относился къ нему и велъ дѣло обученія такъ интересно, что ученики на его уроки шли съ удовольствіемъ, и онъ держался того взгляда, что ученикъ не можетъ быть наказанъ за шалости, такъ какъ онъ въ классѣ заинтересованъ преподаваемымъ предметомъ и ему шалить некогда: не тѣмъ занять его умъ; а если приходится оставлять учениковъ послѣ класса, то только тѣхъ, которые, по своей неподготовкѣ, отстали отъ товарищей, и оставить послѣ класса въ школѣ не значитъ оставить безъ обѣда, а употребить больше времени на подготовку ученика, чтобы подогнать его къ познаніемъ товарищей, какъ и дѣлалъ Соловьевъ; а оставленіе учениковъ въ школѣ однихъ съ отбира-

нѣмъ запасовъ хлѣба и шапокъ, какъ практиковалось тогда, не принесеть пользы. Если бы учителя искренно желали избавиться отъ неспособныхъ, говорилъ онъ, то они скоро бы могли это сдѣлать: именно, уравнивъ прежде знанія учениковъ, подготовить менѣе подготовленныхъ къ тѣмъ знаніямъ, которыя они хотятъ дать ученикамъ, а затѣмъ вести преподаваніе такъ, чтобы ученикъ видѣлъ, что всѣ тѣ знанія, которыя учитель даетъ ему, дѣйствительно нужны сейчасъ, или будутъ необходимы въ будущемъ.

Возражавшій Соловьеву Б — въ неудобства проекта видѣлъ въ томъ, что учителя получаютъ ограниченное содержаніе, что имъ, чтобы существовать, нужно имѣть сторонній заработокъ, что учителю нужно время для отдыха, и однимъ словомъ — обидѣлся на Соловьева, что онъ заставлялъ оставаться съ учениками безъ обѣда самому, и Б. пришелъ къ тому заключенію, что Соловьевъ вовсе не учитель. Коснулся я этого вопроса потому, что съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ и мы можемъ встрѣтить въ нѣкоторыхъ школахъ, что оставленіе безъ обѣда, съ отбираниемъ шапокъ и хлѣба, живетъ еще, и учителя не разстались съ мѣрами наказаній.

Очень интересны мысли Фребеля, приведенные въ этомъ журналѣ, который постоянно повторялъ, что для дѣтей мы не должны жалѣть нашей жизни. Пока мать не предназначитъ всей своей жизни для воспитанія дѣтей, до тѣхъ поръ всѣ педагогическія реформы не будутъ имѣть прочнаго основанія. Не безъ интересна также въ № 12 статья Попова о преподаваніи русскаго языка, и только потому, что высказанное Поповымъ тогда, несмотря на непригодность нѣкоторыхъ взглядовъ, живетъ въ школахъ, а высказанное съ толкомъ оставлено въ сторонѣ. Вообще, видно, прививалось и оставалось больше то изъ выработаннаго въ предъидущіе годы, что облегчало трудъ учителя, давало ему больше спокойствія, но что было не удобно ученику. Въ № 16-мъ помѣщена перепечатка статьи Истомина изъ «С.-Петербургскихъ вѣдомостей», которыя, кстати замѣтить, не рѣдко помѣщали статьи о воспитаніи и обученіи: «Школа — средство отъ пьянства» гдѣ спра-

ведливо говорится, что одна грамотность не можетъ удержать отъ пьянства, а нужно еще занять полезнымъ ремесломъ и рукодѣліемъ свободное время, котораго будто бы очень много.

Въ № 18-мъ Зиновьевъ высказалъ, что до основательнаго изученія роднаго, русскаго языка не слѣдуетъ изучать иностранныхъ, такъ какъ это смѣшеніе очень вредно. Въ этомъ же № какой то Хохловъ все спасеніе видитъ въ обязательномъ обученіи, хотя въ это время существовалъ опытъ почти обязательномъ обученія въ удѣльныхъ школахъ. Вопросъ о введеніи обязательномъ обученія поднимался нѣсколько разъ въ педагогической литературѣ, обсуждается со многихъ сторонъ, бесѣдуютъ о немъ и теперь, но оно тогда бы только принесло пользу, если бы школа начальная давала ученику то, что ему необходимо сейчасъ и въ будущей жизни, и то, что отъ нея требуетъ общество, для котораго она существуетъ.

Далѣе, въ № 13 помѣщены статьи о тѣмъ, что классическія гимназіи не даютъ того, что требуетъ отъ человѣка жизнь, а только массу непригодныхъ иностранныхъ словъ, именъ, годовъ и событій.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь и извѣстія» вообще не мало интересныхъ фактовъ, имѣющихъ теперь не только историческое значеніе, но не бесполезное для примѣненія и въ наше время. Здѣсь мы узнаемъ, что, съ уничтоженіемъ розогъ, уменьшились шалости учениковъ и ученики занимались успѣшнѣе. Учебныя заведенія въ педагогическихъ совѣтахъ рѣшали вопросъ о наказаніяхъ и наградахъ, примѣняемыхъ въ школахъ и пришли къ заключенію, что наказанія и награды не должны имѣть мѣста въ школѣ; трактовалось объ уничтоженіи отмѣтокъ въ старшихъ классахъ гимназіи, такъ что удивительной является статья въ «Педагогическомъ Сборникѣ» за 1888 г. какого то педагога съ еврейской фамиліей, который трактуеть о томъ, что для того, чтобы воспитывать, нужно иногда посягать; другой вооружился противъ тѣхъ, которые осмѣлились говорить, что задавать уроки на домъ вредно. Если бы за порку и за задаваніе уроковъ высказывался отставной солдатъ,

обучающій дѣтей, то мы бы взглянули на это какъ на обычное явленіе, но если уже это заявляется въ педагогическихъ журналахъ, то придется удивляться такому движенію назадъ, такому крайнему непониманію основныхъ истинъ, которыя съ 1857 по 1880 г. повторялись чуть не въ каждой педагогической книгѣ, вышедшей въ свѣтъ.

Не безъ интересенъ «дневникъ» занятій съ учениками младшаго отдѣленія Свіяжскаго приходскаго училища не потому, чтобы онъ давалъ что-нибудь новое, полезное для начальныхъ учителей, а потому, что такой порядокъ веденія нагляднаго обученія одобряется редакціей, и потому, что по этой статьѣ можно судить о томъ, что зналъ самъ редакторъ по начальному образованію. Редакція, видимо, желала призвать учителей писать о томъ, какъ они ведутъ наглядныя бесѣды. Образцовая бесѣда Свіяжскаго училища можетъ служить образцомъ тѣхъ бесѣдъ, какія велись учителями довольно долго и вести которыя считаютъ нѣкоторые педагогическіе журналы полезными и теперь. Но видимо, что такая бесѣда и такое веденіе обученія чтенію могло быть ведено очень рѣдкими учителями того времени, такъ какъ, напр., совѣтъ попечительства Харьковскаго Учебнаго Округа постановилъ отложить обученіе учениковъ чтенію по методѣ Золотова въ Богодуховскомъ училищѣ до пріисканія способнаго къ этому дѣлу преподавателя, и отмѣнить ношеніе форменной одежды учениками приходскаго училища, чтобы привлечь болѣе учениковъ; недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ ощущался и въ Одесскомъ округѣ, почему постановлено было устроить педагогическіе курсы. Суть нагляднаго урока Свіяжскаго училища заключается въ томъ, что учитель нарисовалъ мальчика, пойманнаго въ полѣ птицу и, показавъ картину ученикамъ, началъ бесѣдовать о зрѣніи (?), что люди, у которыхъ косые глаза, могутъ видѣть, а сова, при зоркомъ зрѣніи, днемъ не видитъ, и въ подтвержденіе словъ учитель указываетъ на мальчика, изображеннаго на картинѣ, котораго зовутъ «Сава косой, а сову поймалъ» и на доскѣ въ это время составлена изъ подвижныхъ буквъ фраза: «Сава косой, а сову поймалъ». Эти

знаки, сказалъ учитель, показывая перстомъ на доску, означаютъ тоже, что мы видѣли на картинѣ. Хотите ли прочитывать это? Ученики будто восхитились предложеніемъ учителя. Нагляднымъ бесѣдамъ, начиная съ 1859 г., по картинкамъ придавалось громадное значеніе по вѣянію изъ за моря, откуда въ это время пересаживали все цѣликомъ и нужное и ненужное. Бесѣды можно было прослушать въ любой школѣ: о носѣ, о головѣ, обо всемъ, что ученику хорошо извѣстно и безъ учителя; очень много времени тратилось на эти наглядныя бесѣды вплоть почти до 1880 г.; а уже съ этого времени замѣчено было отрезвленіе, начали высказываться за то, что нужно бесѣдовать съ дѣтьми о тѣхъ предметахъ, о которыхъ они имѣютъ смутное, но не ясное представленіе, и о тѣхъ, знать которые ученику необходимо въ его жизни. Въ «Современной лѣтописи» за 1862 г. И. Б. высказывался прогивъ нагляднаго обученія, будто учившіеся въ школѣ не берутъ въ руки книги, благодаря наглядности преподаванія; въ защиту нагляднаго обученія писалъ въ 1862 г. въ журналѣ «Воспитаніе» П. Шестаковъ; по его мнѣнію, дѣти до школы много видѣли, но ясно не понимаютъ видѣннаго, нѣтъ у нихъ понятія о практическомъ примѣненіи знаній, и дѣло учителя разумно открыть глаза, очистить слухъ дѣтей и возбудить душу къ внимательному разсмотрѣнію окружающихъ предметовъ, что, по его мнѣнію, достигается нагляднымъ обученіемъ; затѣмъ приводитъ урокъ нагляднаго обученія Вурста, урокъ безтолковый, бессмысленный; предлагаются вопросы ученикамъ, на которые не можетъ отвѣтить учитель. Стремленіе къ наглядности доходило до смѣшнаго. Потѣшный способъ преподаванія ариметики Хохлова былъ помѣщенъ въ № 21 журнала, гдѣ онъ высказываетъ порицаніе прежнему способу, т. е. писанію цифръ до 1000, и недовольство способомъ Грубе, а я-де лучший способъ выдумалъ: «игру на урокахъ ариметики»: нарѣзалъ Хохловъ изъ разноцвѣтной бумаги кружечковъ и четырехугольниковъ, подписалъ ихъ цѣнность, раздѣлилъ ученицъ на хозяекъ, лавочницъ и конторщицъ и служанокъ, купилъ мускатныхъ орѣховъ, и началась

въ классѣ игра въ лавочницы, при чемъ ученицы узнавали цѣны на всѣ жизненные припасы. Къ такой потѣшной наглядности прибѣгали учителя въ переходное время, стремясь выработать лучшей легкой способъ и ушли съ наглядностью такъ далеко отъ жизни, что начали представлять себѣ учениковъ, поступающихъ въ школу, незнающими, сколько у нихъ на рукахъ пальцевъ и что у нихъ на лицѣ есть носъ, и объ этомъ бесѣдовали часы и сообщали ученикамъ какъ неизвѣстную имъ новость; что касается до обученія по звуковому методу, то изъ сообщенія изъ Свіяжска видно, что методъ звуковой и его суть въ 1864 г. не вполне ясно понимался учителями, да и теперь не рѣдкость встрѣтить руководства, гдѣ отсутствуетъ полное пониманіе сути звуковаго метода. Видимо, что учителя того времени и теперь нѣкоторые составители руководствъ по звуковому методу главную цѣль при обученіи ставятъ въ затверживаніи, въ изученіи звуковъ, т. е., того, что ученикамъ извѣстно безъ учителя.

Еще въ то время было обращено вниманіе «Московскихъ вѣдомостей» въ № 1 и 2 на тяготѣніе руководителей школъ къ нѣмецкому, стремленіе переставить нѣмецкое преподаваніе на русскую почву и справедливо было сказано: лучше не увеличивать расхода на народное образованіе, если она будетъ вестись по нѣмецкимъ образцамъ, такъ какъ такія школы не принесутъ ничего кромѣ вреда. Очень интересно постановленіе Педагогическаго Совѣта Пермской гимназіи, гдѣ родителямъ предлагается посѣщать уроки наставниковъ, бывать въ засѣданіяхъ Педагогическихъ Совѣтовъ, дѣлать свои замѣчанія относительно преподаванія учителей и высказывать свое мнѣніе въ Совѣтѣ. Заслуживаетъ вниманія взглядъ попечителя Одесскаго учебнаго округа объ участіи учениковъ въ концертахъ и театральныхъ представленіяхъ: онъ считаетъ это вреднымъ, потому что отражается на успѣхахъ занятій учениковъ и на нравственности.

Въ этомъ же отдѣлѣ мы нашли, что педагогамъ нѣмецкимъ сильно не понравилась отиѣна въ нашихъ школахъ

тѣлесныхъ наказаній, которыя они считали естественнымъ, незамѣнимымъ средствомъ.

Очень интересна статья, помѣщенная въ № 14 о томъ: «Сколько забывается изъ того, чему учатся въ школѣ». Многое уже, говорится въ этой статьѣ, забывается, пока ученикъ учится, а къ 20 годамъ остается очень мало. Авторъ желаетъ рѣшить вопросъ о томъ, какъ помочь тому, чтобы приобретенное въ школѣ не пропадало даромъ. За рѣшеніе этого вопроса, говоритъ авторъ, принимались нѣсколько разъ и предлагалось много средствъ, но жалобы, что учать тому, что забывается, не умолкаютъ. Авторъ предлагаетъ очень разумное средство не учить ничему тому, что должны забыть. Многое бы вы, говоритъ авторъ, желали забыть изъ того, что вы учили негодного, но не можете. Такъ какъ не все забывается, то учителю стоитъ только отдѣлать то, что забывается, отъ того, что не забывается и послѣдному учить учениковъ; тогда не будетъ жалобъ на то, что ученики забываютъ приобретенное въ школѣ. Нѣкоторые учителя, говоритъ авторъ, говорятъ, что они могли бы учить тому, что ученикъ не можетъ забыть, но тѣ программы, которыя приходится выполнить, имѣютъ много такого, что забывается, почему авторъ совѣтуетъ учителямъ указать кому слѣдуетъ на несообразность программъ. Но авторъ самъ же приходитъ къ заключенію, что нужно учить законъ Божій, ариметику, и русскую грамматику, сообщать свѣдѣнія по географіи: все это человѣкъ долженъ знать въ жизни, но многое изъ этого испаряется. Но должно быть авторъ не уяснилъ себѣ, что эти-то предметы и должны давать такія знанія, которыя не должны быть забыты всю жизнь, а при правильномъ обученіи они и не забудутся.

Очень интересна статья помѣшенная въ № 13 журнала: «Образованіе учителей», гдѣ предъявлены такія требованія къ учителю, которыхъ не можетъ выполнять ни одинъ изъ нашихъ учителей, хотя дѣйствительно требованія отъ учителей должны быть велики, и если учитель не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ отъ учителя, то лучше не имѣть учителей и не

учиться. Учитель долженъ быть всесторонне образованъ, онъ долженъ всю жизнь стремиться къ увеличенію своихъ знаній и заботиться о своемъ образованіи. Непріятно, говоритъ авторъ, видѣть испорченную вещь мастеромъ, но каково видѣть, какъ портятъ жизнь людей, жизнь цѣлыхъ деревень, сель, городовъ и государствъ, что можетъ дѣлать негодный учитель. Жалка и достойна презрѣнія жизнь учителя не преданнаго всею душою своему дѣлу. Указывается въ этой статьѣ, что долженъ читать учитель для своего самообразованія по классической литературѣ, антропологи и педагогикѣ, но все указываемое авторомъ быть можетъ было въ то время лучшимъ, а теперь можно указать много больше лучшихъ работъ по этимъ предметамъ. Рекомендуетъ въ одной статьѣ для приготовленія учителей устроить школы при семинаріяхъ, совѣтовалось дѣлать учителями лучшихъ учениковъ, а не назначать людей сомнительной нравственности. Въ это время Кіевскій митрополитъ Арсеній открылъ педагогическіе курсы при духовной семинаріи.

Говорилось въ этомъ журналѣ и о томъ, какъ поддержать вниманіе учениковъ въ гимназіяхъ и одною изъ мѣръ было заведеніе журналовъ, въ которыя вписывались разсѣянные и невнимательные ученики, совѣтовалось выспрашивать уроки у возможно большаго количества учениковъ, совѣтовалось учителю говорить громче и возвышеннымъ тономъ и чтобы ученики отвѣчали также, совѣтовалось учителямъ готовиться къ урокамъ. Не безъинтересна замѣтка изъ Воронежа, гдѣ узнаемъ, что купеческое общество на содержаніе женской гимназіи ежегодно вноситъ 1½ тысячи рублей, и платитъ за ученіе за 30 ученицъ, а дворянство обѣщало 1¼ коп. съ десятины и ничего не давало не даетъ.

Такова справка объ одномъ изъ старыхъ педагог. журналовъ, существовавшихъ 30 лѣтъ назадъ.

На урокахъ Гомера.

(См. «Гимназія», кн. СХІІ).

Г. Янчевскій, Ревель.

VI. Громогласный витія.

На первыхъ же урокахъ Иліады, когда приходится знакомиться съ главными дѣйствующими лицами этой трагедіи, выступаетъ третье дѣйствующее лицо, какъ противовѣсь первымъ двумъ, молодымъ — Агамемнону и Ахиллу, старикъ Несторъ, который характеризуется Гомеромъ въ слѣдующемъ стихѣ [I 248]:

ἤδυστος ἀγορεύσει λιγυρὸς Πόλιον ἀγορητῆς.

Первый эпитетъ переводится буквально — «сладкословъ».

Выраженіе *λιγυρὸς ἀγορητῆς* Гнѣдичъ перевелъ «громогласный витія»; за нимъ и г. Минскій въ своемъ переводѣ Иліады тоже переводитъ «гремѣль на собраньяхъ» *).

Гнѣдичъ самъ былъ превосходный декламаторъ, и не удивительно, если позволилъ себѣ такое выраженіе; но мы должны указать ученику переводъ, соотвѣтствующій и буквѣ, и духу оригинала.

*) Въ предисловіи г. Минскій говоритъ: «при переводѣ Иліады я совершенно не руководствовался Гнѣдичемъ и никогда во время работы съ нимъ не справлялся», — и въ то же время представляетъ всю форму Гнѣдичеваго перевода! Мало того, даже духъ тотже: какъ у Гнѣдича, такъ и у г. Минскаго, всѣ дѣйствующія лица говорятъ басомъ. И не удивительно; потому что всѣ мы съ дѣтства сроднились съ Гнѣдичевскимъ переводомъ. Это все равно, какъ если бы кто изъ современныхъ поэтовъ сказалъ, что не руководствуется Пушкинымъ.

I. Въ *λυρος* рѣшительно нѣтъ понятія грома. Съ этимъ эпитетомъ названы, кромѣ Нестора: *Θερσίτης*, *Τηλεμαχῆς*, *Μουσα* (очень часто), *Λύρα* (обыкновенный эпитетъ) и *ἄτερης*; называются еще глашатые, въ *Иліадѣ* и въ *Одиссеѣ*, *λυροφθογοί*, по толкованію древнихъ = *ῥυθωνοί*; въ одномъ мѣстѣ *Δαίνα* сравнивается съ птицей *λυροφώνη* (*Ил.* 19,350). И такъ, ни *μουσα*, ни *λύρα*, ни птица, не могутъ гремѣть; не могъ гремѣть *Θερσίτης* или *Τηλεμαχῆς*, какъ и *ἄτερη*, обязанность которыхъ — сообщать наказы ясно; наконецъ, и *ἄτερης* «спутникъ благой» могъ только навѣвать, налѣвать и успокоивать.

II. Въ понятіи *ἀγορητής* тоже нѣтъ представленія грома: это — человекъ, выступающій въ народномъ собраніи. Таковыми, кромѣ Нестора, называются: *Τηλεμαχῆς*, *Πηλεΐδης* (пожалуй, такой же старикъ, какъ и Несторъ) и народные старцы *Троянскіе*. Вотъ это характерное мѣсто [*Ил.* I 149—153], которое мы приводимъ въ трехъ переводахъ: *Гнѣдича*, г. *Минскаго* и *нашемъ*:

*εἶατο δημογεροντες ἐπὶ Σκαίῃσι πολήσιν,
 γῆραι δὲ πολέμοιο πεπαυμένοι, ἀλλ' ἀγορηταὶ
 εὐθλοὶ, τειγέσσιν εὐκωτες, οἱ τε καθ' ὕλην
 δένδρεφ' ἐφεζόμενοι ὅπλα λειπέσσαν ἰεῖσιν
 τοιοῖσιν ἀπὸ Τρώων ἡγήτορες ἦνσ' ἐπὶ πύργῳ.*

У Гнѣдича:

Старцы народа сидѣли на Скейской возвышенной башнѣ,
 Старцы, уже не могущіе въ сражи, но мужи совѣта
 Сильные словомъ, цикадамъ подобны, кои по роцямъ
 Сидя на вѣтвяхъ деревъ, разливають голосъ ихъ звонкій:
 Сонмъ таковыхъ *Иліонскихъ* старѣйшинъ собрался на башнѣ.

У г. Минскаго:

Близко отъ Скейскихъ воротъ засѣдали *Троянскіе* старцы.
 Старость мѣшала имъ въ битву идти, но они краснорѣчиемъ
 Славилсь дивнымъ, подобны цикадамъ, когда среди лѣса,
 Сидя на деревѣ, голосъ оный издають сладковучный.
 Такъ и *Троянецъ* вожди засѣдали на башнѣ высокой.

По нашему переводу:

народные старцы сидѣли на Скейскихъ воротахъ, —
отъ старости чуждые битвамъ уже, но въ совѣтахъ
опора, — подобно кузнечикамъ, кои на вѣткахъ
сидятъ по кусту, издающіе голосъ лилейный:
такими и троевъ вожди на той башнѣ сидѣли.

Кто слыхалъ лѣтомъ кузнечиковъ, и слышалъ скорую, частую рѣчь южныхъ жителей, особенно стариковъ, тому это сравненіе понятно; но представленіе о громѣ никакъ не можетъ выйти изъ этого сравненія, которымъ Гомеръ хочетъ указать на тревожный говоръ безсильныхъ стариковъ, смотрѣвшихъ изъ башни на то, что внизу дѣлается.

III. Не можетъ гремѣть и самъ Несторъ, потому что по словамъ Гомера, онъ царствуетъ «въ срединѣ третьяго поколѣнія»; а такъ какъ древніе считали средній возрастъ человѣческій въ 30 лѣтъ, то, слѣдовательно, Гомеръ даетъ Нестору 75 лѣтъ; а въ этомъ возрастѣ можно только поучать и вразумлять, — каковъ и былъ Несторъ, который никогда не бралъ крикомъ, а умнымъ, практическимъ совѣтомъ.

IV. Но есть еще одна сторона, которая не допускаетъ мысли, чтобы Несторъ, во время этой распри, выступилъ съ крикомъ. Илиада — та же античная драма, или, по нашему, даже опера, съ монологами, дуэтами, тріо, квартетами, мужскими хорами и смѣшанными хорами. Разбираемое мѣсто представляетъ дуэтъ, въ которомъ оба дѣйствующія лица, крайне возбужденные, съ давно накипѣвшей ненавистью взаимной, готовы были кинуться другъ на друга съ оружіемъ, не смотря на всякое желаніе Ахилла сдержатъ себя (= появленіе Аѳины): возможно ли, чтобы вмѣшавшееся въ споръ третье лицо выступило тоже съ крикомъ и «загремѣло»? Совершенно наоборотъ: новое лицо, по замыслу автора, и по развитію драмы, должно было дать новое направленіе, и прежде всего успокоить сколько нибудь обѣ стороны. Для этого-то и выступаетъ 75-лѣтній старецъ:

τοῖσι δὲ Νέστορι
ἠδυσπέτης ἀνόρουσε, λιγὺς Πολίων ἀγορητής,
τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέειν αὐδῆ.

[Но нашему переводу:]

тогда Несторъ
къ нимъ всталъ сладкословъ, совѣщатель пилійскій пѣвучій,
у коего рѣчь съ языка слаще меда лилася.

[Тема для краткой бесѣды съ учениками, по поводу Нестора: «Значеніе и преимущества старости по Гомеру».

Библиографія,

В. П. Авенариусъ. Гоголь-студентъ. Вторая повѣсть изъ біограф. трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Съ 12 портр. и видами — фототипіями и автотипіями Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ. Изданіе кн. магазина П. В. Луковникова въ Спб. 1898. 334 стр. 8°. 1 р. 80 к.

П. В. Луковникову, издавшему много хорошихъ книгъ для юношества и для читающей публики, принадлежит изданіе и выше названной книги тоже давно прославившагося въ учебной литературѣ автора. «Гоголь-студентъ» представляетъ біографію Гоголя въ беллетристической формѣ, благодаря которой описываемое лицо, по выраженію автора, «является читателю гораздо ярче, цѣльнѣе да, пожалуй, въ общемъ и вѣрнѣе, чѣмъ въ сухомъ изложеніи ученаго біографа,» а для молодыхъ читателей повѣствовательная форма несравненно доступнѣе. Легкій и пріятный слогъ, разнообразіе матерьяла и привлекательная виѣшность изданія дѣлають книгу цѣннымъ вкладомъ не только въ литературѣ по изученію Гоголя, но и вообще въ ряду лучшихъ книгъ для чтенія юношества средняго и старшаго возраста. Приложенные восемь портретовъ: Гоголя и его матери, Базили, Кукольника, Рѣдкина, гр. Кушелева—Безбородко, Пушкина и Стороженко заставляютъ особенно рекомендовать ее, какъ цѣнный подарокъ для хорошихъ учениковъ. — *Г. Я.*

Объявленія.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНІЯ

ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ

Германа Шиллера,

директора гимназіи и педагогической семинарии и профессора
педагогіи въ Гисенскомъ университетѣ.

Переводъ подъ редакціей *Г. Янчевецкаго.*

Изданіе ж. «Гимназія».

Выпускъ I. Цѣна 50 коп.

Ж. Ж. БАРЕТЕЛЕМИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

МОЛОДОГО АНАХАРСИСА

≡ по Греціи ≡

ВЪ IV ВѢКѢ ДО Р. ХР.

Переводъ подъ редакціей *Г. Янчевецкаго.*

Изданіе ж. «Гимназія».

Выпускъ I. Цѣна 50 коп.

К. Ф. НЕГЕЛЬСБАХЪ.

Въроученіе Гомера Homerische Theologie.

Съ 3-го изданія перевелъ

С. Николаевъ

преподаватель Воронежской гимназіи.

ИЗДАНИЕ Ж. „ГИМНАЗІЯ“.

Выпускъ I. Цѣна 50 копѣекъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

МИѠОЛОГІИ

ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ

Для старшихъ классовъ гимназій

составить

Евг. Ветнекъ

преподаватель Ревельской гимназіи Императора Николая I.

Ревель. 1897. Стр. VIII + 116.

Цѣна 60 к.

Продается: въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ: въ книжныхъ магаз. «Новаго Времени» и Н. П. Карбасникова, въ Варшавѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, въ Одессѣ: въ кн. маг. «Новаго Времени» и Е. П. Распопова, въ Ригѣ: въ кн. маг. Ф. И. Трескиной, въ Харьковѣ: въ книж. маг. «Нов. Вр.», въ Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглобина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

Издается съ 1885 г.

5 РУБ.
безъ
достав.

Русскій Паломникъ

6 РУБ.
съ до-
став. и
перес.

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

подъ редакцію

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

«**РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**» представляетъ собою единствен-
ный въ Россіи журналъ для се-
мейнаго религіозно-правственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занима-
тельности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить
съ лучшими отечественными изданиями.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1898 ГОДА ПОЛУЧАТЬ:

52

иллюстрированныхъ №№.
Каждый номеръ въ размѣрѣ
двухъ листовъ большого фор-
мата (16 стр. убористой пе-
чати) съ 6—8 художествен-
ными рисунками.

12

ежемесячныхъ книгъ
изящно отпечатанныхъ на
плотной бумагѣ, объемомъ
каждая 10—12 листовъ (160—
200 стран.).

И КРОМЪ ТОГО **БЕЗПЛАТНО** ИСПОЛНЕННАЯ
НА МЕТАЛЛѢ **ВЪ 12 КРАСОКЪ**
РАЗМѢРОМЪ 5×6 ВЕРШКОВЪ **ВЪ РЕЛЬЕФНОЙ ЗОЛОЧЕНОЙ РИЗѢ**
копія съ чудотворной

ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

Въ 12 книжкахъ «**РУССКАГО ПАЛОМНИКА**» будетъ дано:

1) На каждый день. Сказанія изъ
жизни святыхъ православной церкви
восточныхъ и русскихъ, народные обы-
чай, повѣрья, обряды, легенды и пре-
данія, 1-е полугодіе, мѣсяцы январь
— июнь. *И. Ф. Тюменева.*

2) Послѣдніе дни Иерусалима. Исто-
рическая повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*

3) Книга бытія моего. Извлеченіе
изъ воспоминаній о Востокѣ, епископа
Порфирія Успенскаго.

4 и 5) Афонскій подвижникъ. Гра-
фини *Байревой-Сперанской.*

6) По слѣдамъ апостола Павла.
Жизнь и дѣятельность великаго апо-
стола языковъ. *А. Александрова.*

7) На каждый день. 2-е полугодіе
мѣсяцы июль—декабрь. *И. Ф. Тюменева.*

8) Пророчица Соломея. Историче-
ская повѣсть изъ быта поволжскихъ
раскольниковъ. *С. Воронина.*

9) Путешествіе антиохійскаго патри-
арха Макарія въ Москву въ XVII в.
Перев. съ арабскаго проф. *Г. А. Мур-
коса.*

10) Защитники христіанства (апо-
логеты). Проф. *И. В. Резерсова.*

11) Паденіе Константинополя. Исто-
рическій очеркъ *Ө. Е. Шеллюскаго.*

12) Святини Приднѣпровья. Очерки
и рассказы изъ путешествія по св.
обителямъ Юга. *С. Л. Астафьева.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ
безъ доставки въ Спб. **пять р.**

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Съ доставкой и перес. во всея города Россійской имперіи **шесть руб.** За границу
8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 1 руб., къ
1-му іюня 1 руб. и къ 1-му августа остальные.

Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 7 коп. марку.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ.

 Открыта подписка
на 1898 годъ

самый дешевый журналъ
политическій, литературно-художественный и сатирический
съ карриатурами.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ ВСТУПАЕТЪ ВЪ 40-Й (ЮБИЛЕЙНЫЙ) ГОДЪ
СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

*Развлечение въ 1898 г., не возвышая подписной
платы 6 руб. дастъ своимъ подписчикамъ:*

1) Пятьдесятъ номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасно исполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ карриатуристовъ-художниковъ.

2) Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ произведеніямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей и, между прочимъ, будетъ иллюстрирована извѣстная поэма Н. А. Некрасова „**Кому живется весело, вольготно на Руси**“. (Иллюстраціи—эти полны захватывающаго интереса по своему художественному исполненію).

3) Въ память сорокалѣтняго юбилея будетъ выпущенъ и разосланъ годовымъ подписчикамъ юбилейный номеръ.

 Въ будущемъ 1898 году редація журнала **РАЗВЛЕЧЕНІЕ** устраиваетъ

==== **КОНКУРСЪ** ===== НА ЛУЧШІЕ ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

За лучшіе четыре первыхъ разсказа назначаются преміи: за первый разсказъ 500 руб. и золотой именной жетонъ; за второй —300 руб и такой же жетонъ, за третій и четвертый разсказы по 100 руб. и серебряные именные жетоны.

Годовая цѣна журнала **шесть** рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **ТРИ РУБЛЯ**, въ мартѣ одинъ р., въ апрѣлѣ одинъ р. и маѣ одинъ р.

■ (Пробный № высылается за три семикопѣечныя марки). ■

Адресъ: Москва, журналу Развлечение.

Бесплатныя библіотеки и читальни, народныя и церковно-приходскія школы и училища, городскіе и сельскіе учителя и учительницы, сельскіе священники, дьяконы и церковнослужители, служащіе въ всеміхъ и частныхъ аптекахъ фармацевты и волостныя правленія пользуются исключительно правомъ получать журналъ „СѢВЕРЪ“, со всеміи къ нему приложеніями ипреміями, на особоблагоприятныхъ условіяхъ, а именно:

Открыта подписка 1998 годъ.

XI-й годъ изданія.

«СѢВЕРЪ»

XI-й годъ изданія.

еженедѣльный иллюстриров. литерат.-худож. журналъ, выходящій подъ редакціей А. А. Коринфскаго.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ печататься произведенія М. Н. Алъбова, А. В. Амфитеатрова, С. А. Андреевскаго, К. Д. Бальмонта, К. С. Баранцевича, А. Н. Будищева, И. А. Бунина, П. В. Быкова, Л. Б. Вейнберга, В. Л. Велічки, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, П. Г. Ганзена, И. А. Гофштеттера, П. И. Доброворекаго, С. Д. Дрожжина, Я. Е. Егорова, А. Е. Зарина, А. П. Коштяева, А. В. Круглова, Пл. А. Кускова, В. П. Лебедева, В. С. Лихачова, М. А. Лохвицкой, А. А. Лугового, К. А. и С. В. Максимова, Д. Н. Мина-Сибиряка, Л. М. Медвѣдева, Н. М. Минскаго, Д. Л. Михайловскаго, В. М. Михеева, проф. Н. А. Орлова, Н. А. Панова, П. Ф. Порфирова, И. Н. Потапенки, М. И. Пыляева, гр. Е. А. Саліаса, В. Я. Свѣтлова, К. К. Случевскаго, Н. А. Соловьева-Несмѣлова, Ф. К. Сологуба, проф. Н. В. Сорокина, Вл. А. Тихонова, Л. Н. Трефолева, С. С. Трубачева, кн. Э. Э. Ухтомскаго, К. М. Фофанова, Ф. В. Черниговца, Ант. П. Чехова, О. Н. Чюминой, И. Л. Щеглова и другихъ писателей.

Въ 1898 году подписчики журнала «СѢВЕРЪ» получаютъ:

52 №№ иллюстр. журнала, изъ которыхъ съ цвѣтными рисунками извѣстныхъ русскихъ и иностран. художниковъ. **12 №№**

52 №№ еженедѣльный «СѢВЕРЪ» (въ форматѣ газетн. листа убористой печати).

12 томовъ «БИБЛИОТЕКИ СѢВЕРА», каждый томъ — объемомъ отъ 16, до 240 страницъ плотнаго шрифта, въ которыхъ будетъ дано собраніе новѣйшихъ романовъ

ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА:

1) «БЕЗЪ ДОГМАТА», 2) «СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ», 3) «QUO VADIS?», [«КАМО ГРЯДЕШИ?»], «КРЕСТОНОСЦЫ». Этими романами знаменитый писатель создалъ себѣ во всемірной литературѣ громкое имя.

Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ», со множествомъ рисунковъ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ.

12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваній, дамскихъ рукодѣлій, монограммъ съ пояснительнымъ текстомъ, на отдѣльныхъ большихъ листахъ

12 №№ ежемѣсячнаго журнала «ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО», въ которомъ даются совѣты и указанія, необходимыя для хозяйства и домашняго обихода.

Кромѣ всего этого, годовые подписчики «СѢВЕРА» получаютъ **БЕЗПЛАТНО** РОСКОШНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ:

48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій

ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

Къ альбому будутъ приложены: 1) портретъ И. С. Тургенева, 2) вступительная статья объ И. С. Тургеневѣ и 3) пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ. Литературно-художественная цѣнность этой главной на 1898 г. премии журнала «СѢВЕРЪ», выпустившаго уже свои художественные альбомы къ произвед. Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится внѣ всякаго сомнѣнія.

Подписная цѣна со всеміи приложеніями:

6 руб. на годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. **7** р. съ достав. и пер. На 6 м. съ дост. и пер. **3** р. **50** к. во всѣ гор. Россіи; „ 3 „ „ „ „ **1** „ **75** „ загран. на годъ 11 р. „ 1 „ „ „ „ „ — „ **60** „

Подписка адресуется въ Глав. конт. журн. „СѢВЕРЪ“ (Спб. Екатерининская, 4) на имя издателя Н. Ф. Мерца.

„СѢВЕРЪ“ 5 руб. съ доставкой и пересылкой. Подписка на льготные экземпляры принимается исключительно въ Главной конторѣ журнала „СѢВЕРЪ“ и не иначе, какъ на годичный срокъ, безъ права передачи другимъ лицамъ или учрежденіямъ. (Спб. Екатерининская, 4)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 ГОДЪ

на ежемѣсячный литературно-историческій журналъ

„ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“.

Въ 1898 году «ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ попрежнему неуклонно преслѣдовать поставленную при его основаніи главную задачу — давать общедоступное, разнообразное, литературно-художественное чтеніе, знакомя въ хорошихъ переводахъ съ лучшими, какъ новѣйшими, такъ и классическими произведеніями всѣхъ выдающихся иностранныхъ изящныхъ литературъ.

Подписчики „Вѣстника Иностранной Литературы“ получаютъ при Январской книгѣ 1898 года

БЕЗПЛАТНОЕ ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ПЕРВОЕ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ

полнаго собранія (сто) новеллъ,

составляющихъ

„ДЕКАМЕРОНЪ“ ДЖІОВАННИ БОККАЧІО,

большой иллюстрированный томъ (свыше 650 стран.).

Въ текстѣ будетъ воспроизведено болѣе 100 копій съ гелиографуръ и 30 копій съ офортовъ лучшаго изъ иллюстраторовъ «Декамерона» даровитаго Жака Вагнца. Тонкое изящество и артистическая законченность выполненной соединяются въ иллюстраціяхъ этого выдающагося французскаго художника съ глубокимъ знаніемъ флорентійскаго быта, современнаго Боккачіо, и тщательнымъ изученіемъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ всѣхъ ста новеллъ.

Въ ноябрьской книгѣ 1897 г. начать печатаніемъ новый романъ

Эмilia Зола „Л А Э И Ж Б“.

Въ Январской и послѣдующихъ книгахъ «Вѣстника» 1898 года будутъ помѣщены **НОВЫЕ РОМАНЫ:**

Альфонса Додэ,

Поля Бурже, Пьера Лоти и Марсея Прево;

новый романъ наиболѣе выдающагося изъ **ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА;**

современныхъ испанскихъ беллетристовъ

новыя произведенія даровитѣйшихъ юмористовъ:

МАРКА ТВЕНА, ФРАНКА СТОКТОНА и ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА;

Гл. служащіе въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ пользуются разсрочкою, за поручительствомъ и. казначеевъ и лицъ, завѣдующихъ подпискою.

Не смотря на то, что объемъ «ВѢСТНИКА» постепенно увеличился вдвое

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1898 ГОДЪ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

съ доставкою
и пересылкою

4 р.

безъ доставки
и пересылки

3 р. 50 к.

Желающіе получить „Декамеронъ“ Д. Воккачіо въ перепл. приплат. 50 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ редакціи, Гостивый Дворъ, Зеркальчатая линія, № 63. Гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собств.

Издатель **Г. В. Пантелеевъ.**

Редакторъ **С. С. Трубачевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XIV
ГОДЪ ИЗДАНІЯ
1898 г.

НОВЬ

XIV
ГОДЪ ИЗДАНІЯ
1898 г.

иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній

 за 14 рублей

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики **НОВИ** получаютъ въ 1898 году, съ доставкою и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія шесть изданій:

1) ЖУРНАЛЪ НОВЬ 24 выпуска въ форматъ наибольшихъ европейск. иллюстрацій.	2) особый иллюстриров. отдѣлъ МОЗАИКА (24 выпуска), составляющій какъ бы самостоятельный журналъ по прикладнымъ знаніямъ, вмѣщающій въ себя 16 рубрикъ.	3) журналъ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА (отдѣлъ для семейнаго чтенія) 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, романовъ и повѣстей.
4) Восемь переплетенныхъ томовъ полнаго собр. сочиненій П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго).	5) Четыре переплетенные тома полнаго собр. сочиненій Вл. Ив. ДАЛЯ (Казака Луганскаго).	6) Двѣ роскошно переплетенныя книги, формата in-folio, ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ, посвященныя описанію Москвы и Моск. пром. обл.

Первый номеръ новаго XIV (1898) подписнаго года выйдетъ 15-го Декабря 1897 года.

Годовая подписная цѣна за все вышеобъявленныя изданія вмѣстѣ съ пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за перес. и доставку бесплатныхъ премій **14 РУБ.** За границу—24 рубля.

Разсрочка платежа допускается, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб.; остальные же деньги могутъ выслаиваться по усмотрѣнію подписчика ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя премія выслаиваются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Въ свѣдѣнію гг. новыхъ подписчиковъ, не получавшихъ „**НОВИ**“ въ 1897 году.

Лица, не состоявшія подписчиками «Нови» въ 1897 г. и не имѣющія еще первой половины сочиненія Андрея Печерскаго и первой половины сочиненія В. И. Даля, могутъ, подписываясь на «Новь» въ 1898 г., получить первые 6 томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненія А. Печерскаго и первые 6 томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненія В. И. Даля, вмѣсто томовъ, выдаваемыхъ въ 1898 г. прежнимъ подписчикамъ. Вторая же половина сочиненій, какъ А. Печерскаго, такъ и В. И. Даля, будетъ выдана этимъ новымъ подписчикамъ въ 1899 году, въ чемъ редакція теперь же и принимаетъ передъ ними обязательство.

Новые подписчики на «Новь» 1898 года, т. е. лица, не бывшія подписчиками на журналъ въ минувшемъ 1897 г., при уплатѣ за 1898 г. 26-ти рублей, вмѣсто 14-ти рублей, могутъ получить въ 1898 году:

все 14 томовъ полнаго собранія сочиненій Андрея Печерскаго и все 10 томовъ полнаго собранія сочиненій В. И. Даля,

а также и тѣ двѣ переплетенныя книги «Живописной Россіи», которыя выдавались подписчикамъ въ 1897 году; значитъ вмѣсто двухъ книгъ «Живописной Россіи», они получаютъ четыре переплетенныя книги этого изданія и, вмѣсто 12 томовъ сочиненій А. Печерскаго и В. И. Даля, 24 тома.

Подписка принимается включительно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18; въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи «**НОВИ**», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій остр., 16 лин., собств. домъ, № 5—7.

Подробныя объявленія о подпискѣ и условіяхъ разсрочки платежа выслаиваются изъ Главной Конторы редакціи журнала «Новь» по востребованію бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 г. на

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

журналъ литературно-научный и политическій.

Въ первыхъ книжкахъ «Съв. В.» 1898 г. будутъ напечатаны повѣсти **В. Микуличъ**, **В. Немировича-Данченко**, **О. Шапиръ**; «СОВРЕМЕННАЯ НАУКА» **Карпендера**, съ введеніемъ г. **Л. Н. Толстого**, «О ГУБЕРНАТОРАХЪ» прив.-доц. **В. Гессена**, «ПРОЕКТЪ УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ» проф. **И. Фойницкаго**, «МИЦКЕВИЧЪ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО» **В. Чуйко**, «РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ ЗАП. ЕВРОПѢ» **Н. Райхесберга** и мн. др.; въ приложеніи къ журналу будетъ данъ переводъ книги проф. **Штаммлера** «ХОЗЯЙСТВО И ПРАВО СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО ПОНИМАНІЯ ИСТОРИИ».

Во журналъ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Арефьевъ, **К. Вальмонтъ**, проф. **Ө. Батюшковъ**, **П. Боборыкинъ**, **П. Вейнбергъ**, **А. Волыскій**, **Н. Геренштейнъ**, прив.-доц. **В. Гессенъ**, **П. Гнѣдичъ**, **М. Горькій**, **Н. Дружининъ**, **А. Каменскій**, **Н. Карабчевскій**, **В. Каренинъ**, проф. **А. Кирпичниковъ**, **А. Коптяевъ**, **В. Корженевскій**, **Коть-Мурлыка**, **М. Лохвицкая**, **К. Льдовъ**, **Е. Лѣткова**, **В. Микуличъ**, **Н. Минскій**, **Вас. Немирович-Данченко**, **Вл. Немирович-Данченко**, **Ф. Нефедовъ** проф. **Д. Овсянко-Куликовскій**, проф. **И. Оршанскій**, **М. Петровъ**, **А. Рейнгольдтъ**, **Л. Саломэ**, проф. **В. Сергѣевичъ**, **С. Смирнова**, **В. Спасовичъ**, **А. Субботинъ**, **П. Тверской**, г. **Л. Н. Толстой**, проф. **А. Травчевскій**, **М. Чайковский**, **В. Чуйко**, **О. Чюмина**, **О Шапиръ**, **В. Шенрокъ**, **А. Шеллеръ**, проф. **Л. Шепелевичъ**, **В. Ширковъ**, проф. **Е. Шмурло**, проф. **И. Фойницкій**, **К. Фофановъ**, проф. **Н. Холодковскій**, **Г. Ясинскій**, **А. Эртель**, и мн. др.

Въ 1897 г. въ «Съв. В.» напечатаны беллетристическія произведенія г. **П. Гнѣдича**, **М. Горькаго**, **Кота-Мурлыки**, **Вл. Немировича-Данченко**, **С. Смирновой**, **В. Ширкова**, **Г. Ясинскаго** и др., статьи г. **П. Дружинина**, **Н. Карабческаго**, проф. **А. Кирпичникова**, проф. **Д. Овсянко-Куликовскаго**, проф. **И. Оршанскаго**, проф. **В. Сергѣевича**, проф. **А. Травчевскаго**, **М. Чайковскаго**, **В. Чуйко**, проф. **Л. Шепелевича**, проф. **Е. Шмурло** и мн. др.

Начиная съ майской книги, 1897 г. «Съверный Вѣстникъ»
издается БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Съ облегченіемъ условій изданія, въ виду снятія съ журнала предварительной цензуры, редакція «Съвернаго Вѣстника» желаетъ расширить провинціальный отдѣлъ и проситъ лицъ, имѣющихъ къ тому возможность, доставлять матеріалы, пригодные для обработки въ областномъ отдѣлѣ, а также самостоятельныя замѣтки и корреспонденціи касательно явленій мѣстной жизни, текущихъ интересовъ мѣстнаго общества, народнаго образованія, дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, всевозможныхъ общественныхъ начинаній и т. п.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магаз. столицъ и провинціи. Главная Контора: Спб., В. Московская, д. 11; въ Москвѣ — въ конт. **Н. Печковской**, Петровскія линіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:	Годъ:	На полгода:	На 3 мѣс.:	Одинъ мѣс.
Для иногородн. перес.	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р.
Въ Спб. съ дост.	11 »	5 » 50 »	2 » 75 »	1 »
Для заграничныхъ.	14 »	7 » — »	4 » — »	

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка **въ кредитъ** (при подпискѣ въ Гл. Конторѣ); также и для частныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ — за ручательствомъ г. казначеевъ.

Пробный № высылается за 28 к. (марками). Новые подписчики получаютъ бесплатно первую часть (напечат. въ 1897 г.) истор. ром. Генр. Сенкевича «Кре-стоносцы», который продолжится печатаніемъ въ 1898 г.

Редакторъ-издательница **Л. Я. Гуревичъ**.

Въ книжн. магазинахъ **К. РИККЕРА** (СПБ., Невскій пр. 14)
и **П. ЛУКОВНИКОВА** (СПБ., Лештуковъ пер. 2)

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВСЕНОФОНТА

въ пяти частяхъ.

Перевелъ съ греческаго

Г. Янчевецкій.

- Ч. I. Анабазисъ. Изд. 4. Ц. 1 р. 25 к.
Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. Изд. 4. Ц. 80 к.
Ч. III. Киропедія. Изд. 3. Ц. 1 р. 25 к.
Ч. IV. Исторія Греціи. Изд. 2. Ц. 1 р. 25 к.
Ч. V. Мекія статьи. Изд. 2. Ц. 1 р. 50 коп.

ПАВСАНІЯ

ОПИСАНІЕ ЕЛЛАДЫ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ГРЕЦІИ ВО II-мъ ВѢКѢ ПО Р. ХР.

Переводъ Г. Янчевецкаго съ толкованіями

и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсаній, Краткій очеркъ исторіи греческ. искусства, Родословныя таблицы еллинскихъ династій и пр.

Цѣна 5 рублей.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.
РЕКОМЕНДОВАНО для приобрѣтенія въ фонд. библ. ср. уч. заведеній
(Ж. М. Н. Пр. 1893. 4).

EESTI

AP
RAHVUSRAAMATUKOGU

65 635

Съ 1-го января 1897 года

изданіе

„Педагогическаго Еженедѣльника“

ПРЕКРАЩАЕТСЯ.

„ГИМНАЗІЯ“

будеть выходить

БЕЗСРОЧНЫМИ ВЫПУСКАМИ,

которыхъ въ 1897 г. (=X годъ изданія) **БУДЕТЬ**

НЕ МЕНѢ ШЕСТИ.

Между прочимъ будутъ помѣщены: окончаніе школьной драмы Я. А. Коменскаго — «Диогенъ Іоникъ» въ переводѣ Г. Янчевецкаго, первоисточникъ по исторіи греческой педагогій — діалогъ Платона «О законахъ» въ его же переводѣ, Негельсбаха Вѣрученіе Гомера (окончаніе); повѣщаніе сочиненія Ротфукса и Детвейлера по методикѣ древнихъ языковъ, и др. капитальныя сочиненія, въ родѣ прежде изданныхъ.

ЦѢНА ГОДИЧНОМУ ИЗДАНИЮ 8 РУБ. СЪ ПЕР.

Въ редакціи имѣется небольшое количество экз. «Гимназіи» за 1888—1896 г.г. и «Педагог. Еженедѣльн.» за 1894—1896 г.г.

Цѣна съ пересылкой: «Гимназіи» за 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 и 1893 г. по 3 р., за 1894, 1895, 1896 г. (вм. съ «Педагог. Еженед.») по 5 рубл. съ перес.

Годовыя экз. «Педагогическаго Еженедѣльника» за 1893/1894, 1895 и 1896 г. отдѣльно продаются по два рубл. съ перес.

Адресъ редакціи: Ревель.

Ред.-изд. Г. Янчевецкій.

М. И. Демковъ.

Исторія русской педагогій. Ч. П. Новая русская педагогія (XVIII вѣкъ). Спб. Типографія М. Стасюлевича. 1897. IV+691 стр. Ц. 4 р. — Также томъ I. Ц. 2 р.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Спб., Невскій пр. 38) и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Е. И. Ветнекъ.

Краткій очеркъ міеологіи грековъ и римлянъ. Для старшихъ классовъ гимназій. Ревель. 1897. Стр. VIII+116. Цѣна 60 к.

Продается: въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ: въ книжн. магаз. «Новаго Времени» и Н. П. Карбасникова, въ Варшавѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, въ Одессѣ: въ кн. маг. «Нов. Времени» и Е. П. Распопова, въ Ригѣ: въ кн. маг. Ф. И. Трескиной, въ Харьковѣ: въ книж. маг. «Нов. Вр.», въ Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина.